

Чак Паланик

НЕВЫДЫМ

«Все равно — роман из предельной сложности восприятия».

Bookland

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Annotation

"Невидимки". Роман, который Чак Паланик написал задолго до "Бойцовского клуба". Тогда эту книгу оценили очень немногие. Теперь - наконец-то! - стало ясно: Чак Паланик был хорош всегда. Просто время воспринять его прозу настало не сразу... Эту книгу ее рассказчица пишет собственной кровью. Когда ее читаешь, возникает ощущение, что собственной кровью ее написал Чак Паланик...

- [Чак Паланик](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)

- [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
-

Чак Паланик

НЕВИДИМКИ

Посвящается Джоффу, сказавшему:

- Вот как надо воровать наркотики.

И Ине, сказавшей:

- Вот контурный карандаш для губ.

И Дженет.

- Вот шелковая горжетка, - сообщила она.

А еще моему редактору, Патриции, не устававшей повторять:

- Над этим еще следует поработать.

Глава первая

Мы на грандиозном свадебном торжестве в одном из здоровенных особняков в Вест-Хиллз. Дом утопает в цветах. Пахнет фаршированными грибами.

Это называется художественным оформлением представления. Здесь присутствуют все - те, кто жив, и те, кто умер. Свадьба Эви Коттрелл в самом разгаре. Эви стоит посередине огромной лестницы лицом к столпившимся в холле гостям. На ней лишь то, что осталось от восхитительного подвенечного платья. В руке у Эви винтовка.

Я внизу, у нижней ступени. Вернее, здесь мое физическое "я". Где находится мое сознание - не знаю.

Никто еще не распрощался с жизнью окончательно, но можно смело сказать, что часики уже тикают.

Вообще- то назвать участников этой колоссальной человеческой драмы по-настоящему живыми тоже нельзя.

Если вам интересно узнать, кто такая Эви Коттрелл, просмотрите ряд рекламных телепередач об органических шампунях, в которых она снималась. Сейчас Эви стоит голая, в металлических обручах вокруг бедер, оставшихся от съеденного огнем свадебного платья. На ушах у нее проволочные скелетики шелковых цветов, совсем недавно украшавших шикарные, зачесанные назад волосы всех оттенков светлого. Уложенные в праздничную прическу, залитые лаком. Ее волосы... Их тоже поглотило пламя.

Здесь присутствует еще одно главное действующее лицо - Бренди Александр. Получив огнестрельное ранение, она распростерлась на полу у подножия лестницы и истекает кровью.

Я смотрю на красный поток, струящийся из пулевого отверстия на теле Бренди, и сознаю, что воспринимаю происходящее как осуществление некоей социополитической программы. Я не зря упомянула о рекламных телепередачах с шампунями, с десятками клонов одного и того же человека. Все это относится и ко мне, и к Бренди Александр. Выстрел в кого бы то ни было в этом доме - моральный эквивалент убийства автомобиля. Или пылесоса. Или куклы Барби. Он сравним с уничтожением информации на компьютерном диске. С преданием книги огню. Наверное, точно так же можно рассматривать любой акт убиения, совершенный в той или иной точке земного шара. Все мы почти не отличаемся от продуктов,

порожденных цивилизацией.

Бренди Александр, первоклассная красавица без комплексов и предрассудков, настоящая королева, лежит на полу, и из дыры в ее восхитительном жакете течет кровь. Жакет - от костюма, подделки под Боба Маки. Бренди купила его в Сиэтле. Юбка утягивает ее задницу так, что та походит по форме на сердце, которое так и хочется потрогать. Если я скажу, сколько стоит этот костюмчик, вы не поверите. Цена умопомрачительная! Жакет с баской, широкими лацканами и подплечниками. Однобортный, и обе полочки абсолютно одинаковые. Хотя сейчас в одной из них уродливая дыра, и из нее течет кровь.

Эви начинает рыдать. Она стоит все там же, посередине лестницы. Эви. Смертоносный яд настоящего мгновения. Мы все, как по сигналу, устремляем взгляды на нее: на бедную, несчастную невесту, лысую, голую, осыпанную пеплом, окруженную клеткой из металлических обручей от сгоревшего свадебного платья. Эви бросает винтовку. И медленно опускается на ступеньку, продолжая выть. Можно подумать, плачем что-нибудь исправишь. Лицо и руки Эви черные от гари. Винтовка, тяжелая, тридцать какого-то калибра, с грохотом и лязгом летит вниз по ступеням, скользит по полу холла, тормозит в центре и начинает вращаться. Ее дуло устремляется на меня, на Бренди, на ревущую Эви...

Только не подумайте, что я какая-нибудь бесчувственная лабораторная тварь, приученная не обращать внимания на страдания и насилие. Однако в данный момент я размышляю лишь о том, что, возможно, еще не поздно попытаться удалить кровавое пятно с белого жакета Бренди, хотя бы при помощи минералки...

До некоторых пор вся моя взрослая жизнь сводилась к тому, что за невероятную уйму денег в час мне, разнаряженной и причесанной, следовало стоять на огромном куске бумаги и выполнять требования какого-нибудь фотографа, нанятого той или иной известной компанией. Он говорил, какие чувства и эмоции я должна изображать.

- Покажи мне страсть, детка! - кричит фотограф.

Вспышка.

Покажи мне злобу!

Вспышка.

Покажи мне отрешенность, внутреннее опустошение экзистенциалиста.

Вспышка.

Покажи мне неистовую интеллектуальность как способ выживания в этом мире.

Вспышка.

Возможно, то, что я сейчас испытываю, не что иное, как шок, ведь прямо у меня на глазах один из моих заклятых врагов выстрелил во второго моего заклятого врага. Все вышло как нельзя лучше. Бабах - и конфликт разрешен. Этот давний конфликт и мое знакомство с Бренди Александр породили во мне странное чувство - желание трагедии.

Наверное, когда я поднимаю руку с носовым платком и подношу ее к лицу, спрятанному под густой вуалью, люди думают, что я утираю слезы. На самом же деле я просто закрываю нос, используя платок как своеобразный фильтр - дышать в горящем доме Эви становится все более затруднительно. Воздух гуще и гуще наполняется сизым дымом.

Я сижу, опустившись на колени рядом с Бренди. Мне ничего не стоит достать откуда-нибудь из многочисленных складок своего платья таблетки - "дарвон", "демерол" и "дарвоцет-100". Тогда на мне сосредоточилось бы всеобщее внимание.

Мое платье из набивного ситца - нечто похожее на Туринскую Плащаницу. Коричнево-белое, широкого покроя, с драпировкой. Длинный ряд блестящих красных пуговиц выглядит подобно стигматам на теле святого. Лицо мое скрыто под несколькими ярдами черной органзовой вуали, украшенной вырезанными вручную крошечными австрийскими звездочками из хрусталя. Никто не видит, какое у меня лицо, но в этом весь смысл. Я смотрюсь элегантно и святотатственно, а потому чувствую себя необыкновенно - божественной и аморальной.

Воплощение высокой моды, становящееся все более экстравагантным.

Языки пламени неумолимо движутся вниз по обоям в холле. Это я разожгла огонь, чтобы добавить декораций. Кажется, что дом, в котором мы находимся, ненастоящий. Что эта горящая постройка - декоративный особняк эпохи Тюдоров, воссозданный по маленькой музейной копии, копии, копии. И что от подлинности нас отделяет сотня поколений. Хотя... Разве все мы - не реальность?

Прямо перед тем как Эви с криками выскочила на лестницу и выстрелила в Бренди Александр, я расплескала целый галлон духов "Шанель № 5" по ее спальне, подожгла пригласительный билет и бросила его на пол. Мгновение - и у меня в руках еще один шанс начать новую жизнь.

Забавно, но когда углубляешься в раздумья даже о самом крупном пожаре, какой когда бы то ни было знавало человечество, понимаешь, что он всего-навсего химическая реакция. Окисление. И осознаешь, что тело Жанны д'Арк просто соединилось однажды с кислородом.

Все еще вращаясь на полу, винтовка поворачивается стволом ко мне, к Бренди.

Независимо от того, насколько сильной кажется тебе твоя любовь к человеку, когда лужа крови, струящейся из его раны, растекается по полу настолько, что едва не касается тебя, ты невольно отстраняешься.

Кабы не эта жуткая драма, денек был бы чудесным. Сегодня тепло и солнечно, и сквозь раскрытую парадную дверь видны крыльцо и зеленая лужайка перед домом. С улицы тянет теплым запахом свежестриженного газона, и слышны голоса выскочивших из дома гостей. К настоящему моменту все они похватали приглянувшиеся им сувениры - из хрусталя и серебра, - вылетели на улицу и ждут теперь приезда пожарной бригады и медработников.

Бренди разжимает одну из своих крупных, украшенных кольцами рук и прикладывает ее к ране, кровь из которой залила уже практически весь мраморный пол в холле.

- Черт! - восклицает Бренди. - В "Бон Марше" этот костюм теперь ни за что на свете не примут назад!

Эви отрывает ладони от лица, заляпанного черными отпечатками пальцев, перемазанного слезами и слюнями, и вопит:

- Ненавижу свою треклятую занудную жизнь! Эви поворачивается к Бренди Александр и орет:

- Займи мне местечко у окна, когда попадешь в ад! На черных щеках Эви образуются две чистые дорожки от слез. Она кричит:

- Эй, подруга! Почему же ты ничего мне не отвечаешь?

Как будто произошедшее - это еще вовсе не драма, драма, драма, Бренди Александр устремляет на меня, продолжающую сидеть возле нее на коленях, испуганный взгляд. Ее баклажанные глаза расширяются до невообразимых размеров.

Она спрашивает:

- Неужели Бренди Александр сейчас умрет?

Эви, Бренди и я. Все, что здесь творится, - обыкновенная борьба за право быть лучшей. Каждая из нас - это я, я, в первую очередь я. Убийца, жертва, свидетель. Каждая из нас считает, что именно ей должна принадлежать роль лидера.

Возможно, все люди в мире воспринимают себя точно так же.

Все это - зеркало. Зеркало на стене. Красота - сила, равно как деньги, равно как оружие.

Когда я читаю в газете заметку о том, как злоумышленник похитил молодую женщину, как издевался над ней, ограбил ее, а потом убил, и вижу

на первой странице огромную фотографию несчастной, на которой она улыбается и радуется жизни, то невольно думаю не о чудовищности совершенного преступления, а совсем о другом: что если бы ее нос не походил на здоровенный утиный клюв, она была бы вполне ничего. Потом мне в голову приходит другая мысль: если бы меня похитили и зверски надо мной поиздевались, я тоже предпочла бы отдать Богу душу. Затем размышляю о том, что убийство - один из элементов естественного отбора.

Увлажняющая мазь, которой я пользуюсь, - суспензия неактивных зародышевых веществ в гидрогенизированном минеральном масле. Если я достаточно честна, значит, моя жизнь - это рассказ обо мне.

За исключением тех случаев, когда фотограф в моей голове кричит:

Покажи мне сопереживание!

Вспышка.

Покажи мне сочувствие!

Вспышка.

Покажи мне горькую правду!

Вспышка.

- Не дай мне умереть прямо здесь, на этом полу, - говорит Бренди, и ее крупные руки вцепляются в меня мертвой хваткой. - О, мои волосы! - стонет она. - На затылке они сильно примнутся!

Я прекрасно сознаю: Бренди с минуты на минуту может отправиться на тот свет, однако мне трудно в это поверить.

Завывания Эви становятся громче. Ко всему прочему, с улицы уже доносится рев сирены. У меня такое ощущение, что все эти звуки водружают мне на голову корону королевы Города Мигрени.

Винтовка продолжает вращаться на полу, но все медленнее и медленнее.

Бренди говорит:

- Бренди Александр мечтала прожить жизнь совсем по-другому. Она должна была быть знаменитой, лучшей из лучших. Перед смертью ей хотелось, чтобы ее хоть раз показали по телевидению в перерыве между таймами Кубка США по футболу. Показали попивающей диетическую колу, танцующей обнаженной медленный сексуальный танец.

Винтовка останавливается, ее ствол указывает в пустоту.

Эви хнычет, и Бренди выкрикивает:

- Заткнись!

- Сама заткнись! - орет в ответ Эви.

А огонь за ее спиной уже принимается поглощать расстеленную на лестнице ковровую дорожку.

Сирены гудят где-то совсем близко. Наверное, их тревожный вой слышен повсюду в Вест-Хиллз. Люди во дворе сбивают друг друга с ног, набирая 911. Каждому хочется прослыть героем. Но лица у всех растерянные. Никто не готов предстать перед телекамерами съемочной группы, которая вот-вот появится.

- Это твой последний шанс, дорогая, - говорит Бренди. Ее кровью залито все вокруг. - Ты любишь меня?

Когда предки задают тебе подобный вопрос, это означает, что ты перестаешь быть для них пупом земли.

Именно таким образом многие родители загоняют своих чад в опасную ловушку - возлагают на них роль своей главной поддержки в жизни.

Нависшее надо мной ожидание давит сильнее, чем сознание того, что я нахожусь в огромном доме, объятom пламенем. От меня хотят услышать всего лишь три самых затрепанных из всех известных миру слов, слов, встречающихся в любом манускрипте, в любом сценарии к фильму. Я не знаю, куда мне деваться. Три слова означают в данный момент так много. К ним сводится наше общение. И весь мой словарный запас. Я чувствую себя жутко беспомощной.

- Скажи же мне, - умоляет Бренди. - Ты любишь меня? Любишь ли ты меня по-настоящему?

Вот так напыщенно и преувеличенно вела себя Бренди Александр всю свою жизнь. Она была сплошным театром, а сейчас на глазах угасает.

Просто из желания немного подыграть ей я беру ее крупную руку в свою. Милый жест, хотя я тут же напрягаюсь, с испугом вспоминая о том, что вытекшая из Бренди кровь может содержать в себе болезнетворные микроорганизмы.

Раздается оглушительный грохот - обрушивается потолок в столовой. В холл сквозь дверной проем тут же вылетает фонтан искр и горящих углей.

- Даже если ты не в состоянии меня любить, расскажи мне, какой была моя жизнь, - говорит Бренди. - Любой девушке перед смертью хочется услышать свою историю.

А ведь мало кому удастся удовлетворить перед смертью потребности души.

В это мгновение огонь, уплетающий ковровую дорожку на лестнице, приближается к голой заднице Эви, и она, пронзительно вереща, подпрыгивает на ступеньке

и устремляется вниз. На ногах у нее опаленные пламенем свадебные

туфли на высоченных каблуках.

Без одежды и без волос, в металлических обручах и саже, Эви Коттрелл вылетает на улицу к гораздо более многочисленной аудитории - своим гостям, хрустальному и серебру и подъезжающим к дому пожарным машинам. Это мир, в котором живут современные люди. Изменяются условия существования, а с ними изменяемся и мы.

Итак, естественно, рассказ пойдет о Бренди, с которой свела меня судьба. Время от времени в нем будет возникать и Эвелин Коттрелл, а также смертоносный вирус СПИДа. Бренди, Бренди, Бренди. Бедная, печальная Бренди лежит на спине и прижимает руку к ране, из которой на мраморный пол особняка вытекает ее жизнь.

- Прошу тебя, Расскажи, как все было. Что привело нас в этот дом, - говорит Бренди.

И я глотаю едкий дым, не желая портить для Бренди столь важный в ее жизни момент.

Покажи мне внимание!

Вспышка.

Покажи мне обожание!

Вспышка.

Покажи мне полный упадок сил.

Вспышка.

Глава вторая

Только не подумайте, что эта история будет поведена вам привычным образом: сначала случилось то-то, потом то-то, то-то и то-то.

Я пропитаю свой рассказ взбалмошным духом журнала мод, неразберихой и хаосом "Вог" или "Гламур", в которых номера проставлены далеко не на каждой странице. Таинственностью, похожей на ароматизированные карточки и выплывающих из ниоткуда обнаженных красавиц, рекламирующих косметику.

Не трудитесь искать "содержание". Оно не прячется, подобно тому, как это бывает в журналах, где-нибудь на двадцатой странице. И не надейтесь, что сразу что-нибудь отыщете. В этой книге все не по правилам, все необычно.

Та или иная история может прерваться в самый неожиданный момент.

Мы будем перескакивать из одного времени в другое.

Потом возвращаться назад.

Это напомнит вам о десяти тысячах разнообразных показов мод, по окончании которых идет анализ и борьба, и отбираются всего лишь пять поистине приличных нарядов. О миллионе стильных аксессуаров - шарфах и поясах, туфлях, шляпах и перчатках, которые не с чем носить.

Наверняка подобное - привычная для вас вещь. Вы должны чувствовать то, о чем я толкую, везде - в браке, на работе, во время езды по автостраде. Таков мир, в котором мы живем. Плыви по течению и ни о чем не задумывайся.

Перенесемся во времена двадцатилетней давности к белому дому, в котором я выросла. Мы с братом носимся по двору, а отец снимает нас на кинокамеру.

Перенесемся в настоящее. Вечер. Мои предки сидят на стульчиках на лужайке и просматривают те самые фильмы, проецируя изображение на

белую стену все того же дома. Прошло двадцать лет. Многое почти не изменилось. Окно нашего коттеджа, записанное на пленку, совпадает с настоящим окном. А зеленая трава внизу - с живой травой. Только мы с братом в фильме совсем другие. Тогда и я, и он еще были еще совсем крохами. Мы бегаем по двору в диком восторге: нас снимают на камеру!

Перенесемся в тот момент, когда мой брат, уже совсем взрослый, умирает от чудовищной болезни - от СПИДа.

Перенесемся в тот период, когда я, тоже взрослая, по уши влюбляюсь в агента сыскной полиции и уезжаю из дома в надежде стать супермоделью.

Помните, постоянно помните, что, подобно тому, как это бывает в журнале "Вог", незаконченная история обязательно придет к логическому завершению, только на какой-то другой странице.

Продолжение следует, пишут в "Вог".

Как бы внимательно вы ни читали эту книгу, вас ни на мгновение не покинет ощущение того, что вы что-то пропустили. Странное чувство недопонимания, легкое щекотание под кожей. Нечто похожее переживаешь, когда осознаешь, что проскочил мимо чего-то важного, мимо того, чему следовало уделить гораздо больше внимания.

Вам надо к этому привыкнуть. Однажды вы оглянетесь на прожитые дни, и ваша душа наполнится именно такими эмоциями.

Мы просто практикуемся. Так сказать, разминаемся. Вообще-то все это не столь важно.

Вернемся в настоящий момент. К лежащей на полу и истекающей кровью Бренди Александр. И ко мне. Я сижу на коленях рядом с ней и, пока не приехали врачи, рассказываю эту историю.

Перенесемся на несколько дней назад в гостиную богатого особняка в Ванкувере. Комната отделана узорчатыми панелями красного дерева -

витиеватыми леденцами в стиле рококо и мраморными плинтусами. Пол тоже мраморный. Из мрамора и камин. Он резной, весь в затейливых завитушках. Богатые дома, где живут пожилые люди, часто оформлены именно так.

В покрытых эмалью вазах живые, а не шелковые, лилии. А кремовые занавески на окнах - из натурального, а не из искусственного шелка. Красное дерево - не сосна, выкрашенная под махагон. Ни одного светильника из прессованного стекла - имитации под хрусталь. И мебель обтянута не винилом, а натуральной кожей.

Все, что нас окружает, как будто перенесено из эпохи Людовика Четырнадцатого.

Перед нами очередная невинная жертва - агент по недвижимости. Бренди протягивает ей руку - с мощ-

ным запястьем, на котором выделяются толстые вены, здоровыми костяшками и внушительных размеров пальцами, украшенными перстнями и кольцами. Камни на них зеленые и красные. Фарфоровые ногти Бренди покрыты ярко-розовым лаком.

- Место просто очаровательное, - говорит она.

Если рассматривать Бренди в деталях, то начать следует, несомненно, с ее рук. В кольцах и перстнях, постоянно присутствующих на них и визуально их увеличивающих, они смотрятся громадными. Руки - единственная часть тела Бренди Александр, которую пластическим хирургам не удалось изменить.

А Бренди и не пытается скрыть свои руки.

Мы побывали в огромном множестве домов, подобных этому. Я уже сбилась со счета. Риелторы постоянно встречают нас милыми улыбками. На сегодняшней риелторше стандартная униформа - темно-синий костюм. Шея обмотана легким красно-бело-голубым шарфиком. Она в туфлях на каблуках, тоже синих, на согнутой в локте руке висит синяя сумочка.

Риелторша переводит взгляд с крупных рук Бренди на сенъора Альфа Ромео, что стоит рядом с Бренди, и смотрит в его глаза. Они потрясающие. Глядеть в эти глаза долго - опасно. В них чистота непорочного ребенка, бесхитростная прелесть полевых цветов. А еще то, что заставляет влюбленного в сенъора Альфа Ромео человека наивно верить в надежность связи с ним.

Альфа - последний из вереницы представителей сильного пола, сведенных Бренди с ума. Он увлекся ею в самом начале длинного турне, продолжающегося вот уже год. Любая умная женщина знает, что красивый мужчина - лучший модный аксессуар.

Точно так же, как если бы она находилась на съемке рекламы машины или тостера, Бренди делает красивый жест рукой - проводит ею сверху вниз по воздуху, едва не касаясь собственных улыбающихся губ, шеи, пышного бюста.

- Позвольте вам представить, - говорит Бренди. - Сеньор Альфа Ромео, профессиональный сопровождающий принцессы Бренди Александр.

Рука Бренди так же плавно устремляется по невидимой линии от ее хлопающих ресниц ко мне.

Все, что может увидеть риелторша, так это мою густую вуаль, волны коричневого и красного муслина и бархата, облако тюля, украшенного серебром, на моей голове, - короче говоря, несчетное множество слоев разнообразных тканей, задрапированных и уложенных в складки таким образом, что, наверное, кажется, что под ними никого нет. Меня невозможно разглядеть, поэтому чаще всего люди просто не смотрят в мою сторону. По их лицам легко угадать, о чем они думают: "Спасибо, что не пытаешься открыть нам душу".

- Позвольте представить, - говорит Бренди. - Мисс Кей Макайзек. Личный секретарь принцессы Бренди Александр.

Риелторша в синем костюме с медными пуговицами, в шарфике, обмотанном вокруг шеи с целью сокрытия от посторонних глаз одряблевшую кожу, улыбается, глядя на Альфа Ромео.

Если человек не смотрит на тебя в упор, можно пялиться на него, сколько душе угодно. Рассмотреть в мельчайших подробностях и заметить все изъяны. При других обстоятельствах ты не позволил бы себе ничего подобного. Это твоя месть. Правда, сквозь пелену вуали и покровов все приобретает расплывчатые формы.

- Мисс Макайзек, - говорит Бренди, все еще указывая на меня рукой. - Мисс Макайзек нема. Она не может разговаривать.

Верхние зубы риелторши перепачканы губной помадой, синяки у нее под глазами неаккуратно загримированы тональным кремом и пудрой. Она в парике, пригодном для машинной стирки. Зубы у нее идеальные, наверняка ненатуральные. Зубы прет-а-порте.

Риелторша улыбается Бренди Александр.

- А это...

Крупной рукой в кольцах и перстнях Бренди касается своего убийственного бюста.

- Это...

Бренди дотрагивается до жемчужин на шее.

- Это...

Она обводит плавным жестом копну своих темно-рыжих волос, обвязанных шарфом.

- И вот это...

Бренди указывает пальцем на собственные полные и влажные губы.

- Это, - говорит Бренди, - и есть принцесса Бренди Александр.

Риелторша опускается на одно колено и склоняет голову. Получается нечто среднее между неуклюжим реверансом и тем, что делают, подходя к алтарю.

- Какая честь! - восклицает она. - Уверена, что этот дом как раз для вас. Наверняка вам понравится жить в нем.

Бесчувственная сучка - эта красавица умеет быть такой, - Бренди еле заметно кивает, без слов отворачивается от риелторши и направляется к выходу в холл, через который мы попали в гостиную.

- Ее высочество и мисс Макайзек, - говорит Альфа, - желают самостоятельно осмотреть дом. А мы с вами могли бы заняться обсуждением деталей. - Изящные руки взмывают вверх - он собирается пояснить, что имеет в виду. - Поговорим о методах перечисления денег... Лирь необходимо перевести в канадские доллары...

- Летуны, - произносит риелторша.

У Бренди, у меня и у Альфы - у нас троих перехватывает дыхание. Не исключено, что эта женщина с самого начала нашей встречи знает, с кем имеет дело. Может, кто-нибудь уже раскусил, какую аферу мы проворачиваем, ведь на нашей совести несчетное количество набегов на дома, подобные этому.

- Переведете лиры в птичек, в гагарок, - говорит риелторша. И вновь опускается на колено. - Мы называем наши доллары "гагарками", - поясняет она, выпрямляется и засовывает руку в синюю сумочку. - Сейчас я покажу вам. На наших долларовых купюрах изображена птица. Полярная гагара.

Лицо Бренди опять делается безразлично-холодным, она продолжает шагать по направлению к холлу. Я следую за ней. У меня перед глазами проплывает шикарная мебель эпохи Людовика Четырнадцатого, мраморный камин в завитушках. На протяжении краткого периода времени - равного, пожалуй, сроку жизни дыма, пущенного из сигары, - наши расплывчатые, искаженные отражения живут в покрытых лаком панелях красного дерева. Они двигаются вместе с нами, затуманенные, причудливые.

Мы выходим в холл. Я слышу, как Альфа Ромео засыпает риелторшу вопросами, стараясь целиком отвлечь от нас ее синее форменное внимание.

Он спрашивает, под каким углом светят по утрам проникающие в гостиную лучи солнца, и о том, позволит ли правительство этой провинции построить за бассейном небольшой аэродром для вертолетов.

Идти вслед за Бренди Александр и смотреть на нее сзади весьма впечатляюще. Сногсшибательные спину и плечи принцессы Бренди обтягивает жакет из чернобурки. По воздуху за ней плывут концы длинного парчового шарфа, обвязанного вокруг рыжей копны волос. Ее голос - даже когда она молчит - и аромат "Лер дю Там" от Нины Риччи - неосязаемый и неотъемлемый шлейф всего того, что называется миром Бренди Александр.

Прическа Бренди напоминают мне отрубную сдобу. Большой вишневый кекс. Земляничный гриб-облако, возникший над коралловым островом в Тихом океане.

Ноги принцессы заключены в своеобразные золотые путы-ногoderжатели на острой шпильке и обвиты цепочками и золотистыми шнурками. Вот одна из этих захваченных в золотой плен, длинных, как ходули, ног ступает на первую из трех сотен ступеней, ведущих из холла на второй этаж. Вот она перемещается на следующую ступеньку, вторая нога следует за ней. Отдалившись от меня на некоторое расстояние, Бренди поворачивается. Я смотрю на красивый профиль ее лица, пухлых графитовых губ, огромного бюста.

- Владелица этого дома, - говорит Бренди, - очень стара и принимает гормональные препараты. И продолжает здесь жить.

Ковер под нашими ногами настолько мягкий, что ступни утопают в нем, и кажется, что идешь по жидкой грязи. Поэтому чувствуешь себя не вполне комфортно.

Мы - Бренди, я и Альфа - очень долго разговариваем на английском языке, прикидываясь, что он для

нас иностранный, и уже позабыли о том, что всего лишь притворяемся. Я лишилась родного языка.

Запыленная люстра из темного камня на потолке над холлом находится теперь на уровне наших глаз. Если смотреть на серый мраморный пол сквозь фигурные столбики балюстрады, создается впечатление, что мы взбираемся по лестнице где-то в тучах. Шаг за шагом.

Уверенный голос Альфы становится все более отдаленным. Но разобрать, о чем он говорит, еще можно: о винных погребах и о псарнях для русских волкодавов. Постепенно его упорные старания отвлечь от нас внимание риелторши превращаются в едва различимые звуки, похожие на сигналы, доносящиеся из космоса.

- ...Принцесса Бренди Александр, - долетает до нас приглушенный голос Альфы Ромео. - Она такая, что может снять с себя одежду и закричать так, как ржут дикие лошади. Даже в ресторанах, в которых много-много людей...

Ее королевское величество, благоухающее "Лер дю Там", качает головой.

- В следующем доме... - слетает с графитовых королевских губ, - немой будет Альфа.

- ...Ваша грудь... - говорит Альфа риелторше. - Ваши две груди выглядят как груди совсем молодой женщины.

Ни у одного из нас троих больше нет родного языка.

Перенесемся наверх, в то мгновение, когда мы с Бренди уже поднялись по лестнице.

Перенесемся в те минуты, когда кажется, что все возможно.

Риелторша уже полностью во власти голубых глаз синьора Альфа Ромео, и начинается настоящая афера.

Спальня хозяев располагается обычно в конце коридора напротив лестницы. Ванная в спальне этого дома обшита розовыми зеркалами. Здесь все зеркальное - и многочисленные стены, и потолок. Принцесса Бренди и я - мы повсюду, отражаемся в каждой поверхности. Бренди присела на один край розовой раковины, я - на противоположный.

И Бренди Александр, и я сидим на краю раковины в каждом из зеркал. Сколько здесь Бренди, трудно сосчитать. И все они - мои боссы. Все они расстегивают замочки и открывают свои белые сумки из телячьей кожи. Сотни крупных рук Бренди Александр, украшенных перстнями и кольцами, достают по экземпляру "Настольного справочника врача" в красной обложке, он большой, словно Библия.

Отовсюду на меня устремляются накрашенные тенями насыщенного голубичного цвета глаза.

- Как действовать, ты знаешь, - говорят мне командным голосом сотни графитовых губ. Крупные руки принимаются за работу - выдвигают ящики и раскрывают дверцы шкафчиков. - Запоминай, что откуда достаешь. И все возвращай на место, - велят мне рты. - Сначала обследуем лекарства, потом - косметику. Ну же, за дело!

Я достаю первую бутылочку. Валиум. Я поворачиваю его таким образом, чтобы вся сотня принцесс Бренди смогла прочитать название на наклейке.

- Возьми столько, сколько посчитаешь нужным, и переходи к другой бутылке, - говорит Бренди.

Я добавляю валиум к уже лежащим в кармане моей сумки нескольким небольшим таблеткам голубого цвета и беру вторую бутылочку. Дарвон.

- Дорогая, когда кладешь в рот то, что сейчас у тебя в руках, создается впечатление, что ты в раю, - говорят все окружающие меня Бренди. Их взгляды прикованы к дарвону. - Не думаешь ли ты, что забирать все, что здесь есть, небезопасно?

Я рассматриваю наклейку на бутылке. Срок годности данного препарата истекает уже через месяц, а к нему, по-видимому, еще никто не притрагивался. Я решаю, что возьму половину.

- Послушай... - Со всех сторон ко мне тянется сотня крупных рук в перстнях и кольцах. Сотня крупных рук переворачивается ладонями вверх. - Дай Бренди парочку. У принцессы опять возобновились боли внизу спины.

Я извлекаю из бутылки десять капсул, и сотня рук берет их у меня и кладет - уже не десять, а тысячу - на высывающиеся из графитовых ртов красные коверные поверхности языков. Убийственная доза дарвона проникает в темное внутреннее пространство, составляющее значительную часть мира Бренди Александр.

В следующей бутылке - маленькие пурпурные овалы. Таблетки премарина по два с половиной миллиграмма каждая.

Если расшифровать это название, то получится "моча беременной кобылы". Несчастные животные! Тысячи лошадей в Северной Дакоте и Центральной Канаде вынуждены стоять в тесных темных конюшенных стойлах с прикрепленными к ним катетерами, собирающими всю их мочу до последней капли. Выпускают бедолаг лишь для того, чтобы жеребцы опять их оттрахали. Забавно, но когда я об этом думаю, вспоминаю свое чересчур долгое пребывание в больнице. Такое суждено пережить не каждому.

- Только не смотри на меня так! - говорит Бренди. - Если я даже и вовсе отказалась бы от премарина, ни один из умерщвленных лошадиных детенышей все равно не воскрес бы!

В следующей бутылке круглые рифленые таблетки персикового цвета по сто миллиграммов каждая. Это аль-дактон. Как видно, хозяйка дома имеет пристрастие к наркотикам, напичканным женскими гормонами.

Болеутоляющие и эстрогены. Их можно смело назвать наиболее обожаемыми Бренди продуктами питания. Она восклицает:

- Дай, дай, дай мне!

Малюсенькие таблетки эстинила в розовой оболочке - с этого Бренди начинает. Потом забрасывает в рот несколько бирюзовых круглых

лепешечек, эстрас. Вагинальный премарин Бренди использует в качестве крема для рук.

- Мисс Кей, - говорит принцесса. - Дорогуша, у меня такое ощущение, что мои пальцы отказываются двигаться. Может, ты сама доведешь дело до конца? А я пока прилягу.

В розовых зеркалах ванной комнаты - сотни моих клонов. Мы просматриваем косметику, а принцесса Бренди уходит в спальню и ныряет в капустное великолепие розового балдахина, окружающего кровать.

Я нахожу таблетки дарвоцета, перкодана и компазина, нембутал и перкоцет. Оральные эстрогены. Антиандрогены. Прогестон. Кусочки эстрогенового пластыря. Того, что любит Бренди, здесь нет - ни румян цвета розовой ржавчины, ни насыщенно-голубичных теней.

Я нахожу вибратор. Срок годности батареек в нем давно истек - они набухли и изрыгают кислоту.

Этот дом принадлежит старухе, думаю я. Никому уже не нужной, заторможенной, с каждым днем неумолимо становящейся все более и более древней. Для такой, как она, многое уже непозволительно. Можно забыть о ярком макияже - он ведь все равно не поможет. О ночных увеселительных заведениях. О танцах до упаду на жарких вечеринках.

Мое дыхание под вуалью и влажными слоями шелка, сетки и жоржета становится горячим и отдает кислятиной. Впервые за сегодняшний день я снимаю с головы все эти причиндалы и смотрю на розовое отражение того, что осталось от моего лица.

Зеркало. Зеркало на стене. Кто в мире самый справедливый?

В один прекрасный момент наступает такой возраст, когда женщине следует отказаться от привычного метода властвования и перейти к другому. Например, к деньгам. Или к оружию.

Я живу так, как мне нравится, говорю я себе. Я люблю свою жизнь.

И я это заслужила.

Я получила именно то, чего хотела.

Глава третья

До того момента, как я повстречалась с Бренди, я мечтала лишь об одном: чтобы кто-нибудь спросил меня, что случилось с моим лицом.

Его склевали птицы.

Так мне хотелось ответить.

Птицы склевали мое лицо.

Но никто не желал ничего знать. Потом появилась Бренди Александр.

Только не думайте, что произошло какое-то невероятное совпадение. Случайное стечение обстоятельств. У нас с Бренди столько общего! Можно сказать, мы с ней - одного поля ягоды.

С некоторыми людьми это приключается раньше, с другими позже, - по воле случая или по закону гравитации, но заканчиваем мы все одинаково. Превращаемся в уродов. Большинству женщин знакомо это чувство: когда с каждым последующим днем становишься все более и более незаметной.

Бренди появлялась в больнице на протяжении долгих месяцев. И я провела там не меньше времени. Единственное странно - нами занимался один и тот же пластический хирург, а их в городе сколько угодно.

Перенесемся в прошлое. К монашкам, работавшим в больнице медсестрами. Самое ужасное в монашках - их назойливость. Одна из этих сердобольных созданий все уши мне прожужжала про пациента с другого этажа - потешного и очаровательного. Он был юристом и мог показывать удивительные фокусы при помощи рук и бумажной салфетки. Эта монашка всегда появлялась в больнице в белом варианте обычного монашеского наряда. Она рассказала юристу обо мне. Ох уж эта сестра Кэтрин! Описала меня ему как "забавную" и "умную". И заявила, что мечтает о нашей с ним встрече и последующем сногшибательном романе.

Я в точности передаю вам ее слова.

Она подолгу смотрела на меня сквозь похожие на окуляры микроскопа толстые квадратные стекла очков в тонкой оправе, сидящих посередине ее носа. Кончик носа сестры Кэтрин густо покрыт ярко-красными разорванными венками. Розацея, она так это называла. Было бы

естественнее, если бы эта женщина жила в доме из пряников и мишуры, а не в монастыре. И являлась бы женой Санта-Клауса, а не невестой Господа.

Накрахмаленный передник, который она постоянно носила, отличался такой ослепительной белизной, что пятна моей крови на нем - в день, когда меня только доставили в больницу после страшной автомобильной аварии, - выглядели необычно темными.

Мне дали ручку и листы бумаги. Только с их помощью я могла общаться с окружающими. Голову мою обложили ватными тампонами, обмазали каким-то гелем и обмотали бинтом длиной в несколько ярдов. Все это закрепили сверху металлическими нитями. Распутаться у меня не получилось бы, даже если бы я очень этого захотела.

Мои волосы уложили назад. Неухоженные и забытые, они грязнились под бинтом, под который было невозможно проникнуть. Я стала невидимой женщиной.

Когда сестра Кэтрин впервые упомянула о том пациенте, я задумалась, не попадался ли мне на глаза ее находчивый потешный юрист-фокусник.

- Я не называла его находчивым, - ответила она. И добавила:

- Он до сих пор немного стесняется. На листе бумаги я написала: до сих пор?

- С того момента, как с ним произошел несчастный случай, - ответила сестра Кэтрин и улыбнулась, изогнув брови дугами и опустив все свои подбородки на шею. - Он ехал, не пристегнувшись ремнем безопасности.

Она сказала:

- Его машина перевернулась вместе с ним. Бедняга. Она сказала:

- Вот почему я считаю, что вы сможете стать прекрасной парой.

В тот период, когда я еще находилась под наркозом, кто-то вынес зеркало из ванной в моей палате. Впоследствии монашки старательно пытались не подпускать меня к полированным поверхностям, в которых можно увидеть свое отражение. Точно так же они опекали страдающих склонностью к самоубийству - тщательно прятали от них ножи и прочие острые предметы, и алкоголиков - не позволяли им брать в рот спиртное. Наиболее приближенным к зеркалу предметом стал для меня телевизор, но в нем я видела себя лишь такой, какой была прежде.

Если я просила показать мне фотографии, сделанные в день моей аварии, сестра Кэтрин категорично отвечала:

- Нет.

Они хранились в папке в сестринской, и казалось, все кому не лень имеют право на них смотреть. Все, кроме меня.

- Доктор считает, ты и так достаточно настрадалась, - говорила мне

сестра Кэтрин.

Эта же самая монашка пыталась свести меня с бухгалтером, у которого во время взрыва пропана сгорели волосы и уши. Представила студенту последнего курса университета - ему удалили часть горла, где появилась раковая шишка. И мойщику окон, рухнувшему с третьего этажа на бетонную дорожку.

Все эти слова - "рухнул", "раковая шишка" употребляла сама сестра Кэтрин. Бедняга юрист.

Моя жуткая авария.

Сестра Кэтрин постоянно находилась со мной рядом. Каждые шесть часов она проверяла основные показатели состояния моего организма. Измеряла пульс, засекая время по своим огромным мужским серебряным наручным часам, и кровяное давление. Совала мне в ухо какое-то электрическое орудие, чтобы замерить температуру моего тела.

Сестра Кэтрин относилась к той категории людей, которые постоянно носят обручальное кольцо.

И была уверена, что ответ на все вопросы - любовь.

Перенесемся в тот день, когда случилась моя большая авария, так сильно встревожившая окружающих. Люди, толпившиеся перед кабинетом оказания неотложной помощи, расступились, как по команде, и пропустили меня вперед. Полицейские вручили мне лист, на котором у самого края сверху несмываемыми чернилами было написано: "Мемориальная больница Ла-Палома".

Сначала мне ввели морфин. Внутривенно. Потом усадили на кушетку.

Естественно, сама я плохо помню подробности того дня. О сделанных полицейскими фотографиях мне рассказала медсестра.

Отличного качества фотографиях форматом восемь на десять на глянцевого бумажке. Черно-белых, по словам монашки. На них я изображена сидящей на кушетке, прижимающейся спиной к белой стене кабинета. У дежурной медсестры ушло целых десять минут на то, чтобы разрезать мое платье операционными ножницами, похожими на маникюрные.

Эти мгновения я помню. Мое летнее платье... От Эспри, из тонкой хлопчатобумажной ткани. Когда я увидела его в каталоге, чуть не заказала сразу две штуки. Оно было легким и свободным, в нем я чувствовала себя исключительно. Когда ветер проникал вовнутрь сквозь проймы, мне

казалось, он вот-вот поднимет края моего платья и закружит их веселым вихрем вокруг талии. В безветренную жаркую погоду, когда я потела и моя любимая одежда прилипала к телу, у меня возникало ощущение, что я оплетена десятком нежных благоухающих трав. Ткань делалась почти прозрачной. Я шла в своем платье по улице и чувствовала себя так, будто на меня устремлены тысячи прожекторов - люди чуть не разевали рты, глаза на меня. Я заходила в нем из девяностоградусного пекла в прохладу ресторанов, и в мою сторону мгновенно поворачивались головы всех присутствующих. На меня пялились так, словно я - лауреат национальной премии, достигший в какой-то области супервыдающихся достижений.

Вот так я себя чувствовала. Никогда не забуду ту уйму внимания, какую мне уделяли. В такие моменты вокруг меня всегда стояла девяностоградусная жара.

Я помню и белье, какое было на мне в тот день.

Прости меня, мама, прости меня, Господи, но на мне был всего лишь небольшой лоскутик ткани телесного цвета, прикрывающей самое сокровенное место, с пришитыми к нему двумя эластичными веревочками - одна обхватывала талию, другая проходила вдоль середины попы. Такие штуковины называют стрингами. Я надела их в тот день потому, что знала о свойстве своего платья становиться прозрачным. Ни один нормальный человек не в состоянии предвидеть, что сегодня попадет в аварию, что его увезут в больницу, что медсестра разрежет на нем одежду, а полиция станет снимать его сидящим на кушетке. Что ему введут морфий и что францисканская монахиня будет орать прямо у его уха, обращаясь к полиции:

- Быстрее делайте свои снимки! Человек все еще теряет кровь!

Нет, на самом деле все было гораздо забавнее, чем может показаться.

Я сидела на той самой кушетке, словно огромная испорченная кукла. На мне был лишь лоскутик ткани с эластичными веревочками, а мое лицо уже выглядело почти так, как выглядит сейчас.

Полицейские попросили сестру поддержать над моим туловищем белую простыню, якобы для того, чтобы на фотографиях было видно только мое лицо. На самом же деле их смущал вид моей голой груди.

Перенесемся в тот день, когда мне впервые не разрешили смотреть фотографии.

Полиция заявила, что если бы пуля прошла парой дюймов выше, меня уже не было бы в живых.

Я не поняла, что они имеют в виду.

Вот если бы пуля прошла ниже, тогда она вообще бы в меня не попала. И я сжарилась бы в своем чудном летнем платье из тонкой хлопчатобумажной ткани, пока уговаривала бы парня из страховой компании бесплатно заменить стекло в моей машине - пострадало бы, наверное, именно оно. А после я поехала бы к бассейну, намазалась бы солнцезащитным кремом и принялась бы рассказывать каким-нибудь милым смышленным парням о своем приключении. Сказала бы, что ехала по скату автострады, когда по стеклу моей машины ударил брошенный черт знает кем камень. Может, это был вовсе и не камень.

И парни ответили бы:

- Вот это да!

Перенесемся к агенту сыскной полиции, который занимался осмотром моей машины на предмет фрагментов костей, металла и прочих деталей. Он увидел, что я ехала с наполовину открытым окном.

- Окно должно быть или полностью открыто, или закрыто. Трудно сосчитать, сколько автомобилистов на моей памяти лишились в автокатастрофах головы лишь только потому, что ехали с наполовину опущенным окном, - сообщил он, рассматривая фотографии с изображением меня, закрытой до подбородка - вернее, того, что от него осталось, - простыней.

Я не могла не рассмеяться. Он применил именно это слово: автомобилисты. Мой рот в таком состоянии, что я могу издавать лишь единственный звук - смех. И я рассмеялась.

Перенесемся в то время, когда фотографии были уже напечатаны. Люди останавливались как ошолбенелые и таращили на меня глаза.

Парень, с которым я встречалась, Манус, пришел ко мне в тот вечер. После того, как мне сделали операцию, после того, как остановили кровотечение. Я лежала в отдельной палате. И Манус нарисовался. Манус

Келли считался моим женихом. До того момента, пока не увидел, во что я превратилась. Он сидел напротив и рассматривал черно-белые фотографии на глянцевой бумаге, показывающие, что стало с моим лицом. Он вертел каждую из них в руках, поворачивал разными сторонами, прищуривал глаза, словно держал в руках нечто подобное тем картинкам, на которых, если взглянуть мимолетно, изображена красавица, а если присмотреться - старая карга.

Манус воскликнул:

- О господи! Потом пробормотал:

- Боже милостивый! Потом:

- О, Иисусе Христе...

Когда состоялось наше первое свидание с Манусом, я все еще жила с предками. Манус показал мне жетон полицейского в бумажнике. А дома у него всегда хранилось оружие. Он был агентом сыскной полиции и весьма успешно боролся с незаконной торговлей спиртным, проституцией и прочими человеческими пороками. Ма-нусу было двадцать пять, а мне восемнадцать. Мы не походили друг на друга почти ни в чем, как май и декабрь, но начали встречаться. Все это - мир, в котором живут люди.

Однажды мы ездили кататься на яхте. На Манусе были плавки фирмы "Спидо", облегающие тело как вторая кожа. Любая женщина, если она не полная дура, поняла бы, с кем имеет дело - по меньшей мере с бисексуалом.

Моя лучшая подруга, Эви Коттрелл, фотомодел ь. Эви считает, что красивым людям нельзя крутить друг с другом романы. Вдвоем они не производят на окружающих столь ошеломительного впечатления. Эви уверена, что стандарты оценки красоты тут же преломляются, если два привлекательных человека находятся рядом. Это сразу чувствуется, утверждает Эви. Когда оба любовника красивы, ни один из них уже не смотрится красивым по-настоящему. Вместе, как пара - они гораздо меньшее, чем если бы были двумя отдельными частями.

Но в наше время ни на кого уже не обращают внимания.

Я снималась для одного рекламного ролика - длинного ролика, который все никак не кончался. Я ждала, что съемки вот-вот завершатся, ведь это всего лишь реклама, а они все продолжались и продолжались. Мы с Эви расхаживали в сексуальных вечерних обтягивающих фигуру платьях и невообразимых аксессуарах, прикладывая все усилия для того, чтобы заставить телеаудиторию купить фабрику производства легких закусок "Ням-ням".

Манус заехал за мной на студию. И спросил:

- Хочешь покататься на яхте? Я ответила:

- Конечно!

Мы отправились на пристань. Мои солнцезащитные очки остались дома, и Манус купил мне другие. Они - точная копия очков Мануса - от Вюарне, только изготовили их в Корее, а не в Швейцарии, и цена у них соответствующая - два доллара.

На расстоянии трех миль от берега я падаю в воду. Манус бросает мне веревку, но я не могу ее поймать. Манус кидает банку пива, но она проплывает мимо меня. Жуткая головная боль... У меня болит голова. Я еще не знаю о том, что одно из стекол моих новых очков темнее второго, что оно почти не пропускает свет. Из-за этого я вижу только одним глазом и не в состоянии правильно оценить глубину.

Поэтому я считаю, что во всем виновато солнце, и, не снимая очков, бултыхаюсь в воде и схожу с ума от боли.

Перенесемся в тот день, когда Манус повторно навещает меня в больнице. Он смотрит на фотографии форматом восемь на десять на глянцевой бумаге, на которых я по подбородок закрыта белой простыней, и говорит, что мне следует продолжать жить полноценной жизнью. Что я должна начинать строить планы на будущее. Может, возобновить учебу. Получить степень.

Он сидит рядом с моей кроватью и держит перед собой фотографии таким образом, что я не вижу ни их, ни его лица. Я пишу карандашом на листе бумаги, что тоже хочу взглянуть на снимки.

- Когда я был ребенком, мы занимались разведением доберманов, - говорит Манус из-за фотографий. - Когда щенку исполняется шесть месяцев, следует купировать его уши и хвост. Так принято. Для этого едешь в мотель, в котором останавливается занимающийся этим человек. Он передвигается из города в город, из штата в штат и купирует хвосты и уши тысяч щенков доберманов, боксеров или бультерьеров. На листе бумаги я пишу:

о чем это ты?

Я машу листом перед лицом Мануса.

- О том, что ты до конца своих дней будешь ненавидеть того человека, который отрезал твои уши и хвост, - говорит Манус. - Поэтому-то люди и ведут своих щенков не к местному ветеринару, а к незнакомцу.

Все еще просматривая одну фотографию за другой, Манус добавляет:

- Из тех же самых соображений я не хочу показывать тебе эти снимки.

Где- то за пределами больницы, в душном номере мотеля, заваленном окровавленными полотенцами, рядом с коробкой инструментов -ножей и игл - или в машине на пути к своей очередной жертве, или склоняясь над щенком, заторможенным от потрясения, сидящим в ванне с кровью, есть человек, которого ненавидят миллионы собак.

Манус продолжает:

- Вот только о жизни девочки с обложки тебе придется навсегда забыть.

Модный фотограф у меня в голове кричит:

Покажи мне сострадание!

Вспышка.

Покажи мне надежду на еще один шанс!

Вспышка.

Этим я занималась до аварии. Возможно, вы назовете меня вруней, но до аварии я всем говорила, что учусь в колледже. Попробуй скажи предкам, что ты - модель, и тебе сразу испортят жизнь. Поднимут панику. Посчитают, что невольно прикоснулись к какой-то низшей форме существования. Начнут читать нотации. Или же вовсе перестанут с тобой общаться.

Совсем другое дело, если сообщаешь им, что ты - студентка колледжа. Не важно, какого отделения, блистать перед ними знаниями вовсе не обязательно. Можно вообще ничего не знать. Просто говоришь, что занимаешься изучением токсикологии или биокинеза, и собеседник - будь то родитель или кто угодно другой - сразу сам переведет разговор в другое русло. Если это не действует, тогда прибегни к более действенному - упомяни о межнейронном синапсе голубиных зародышей.

Вообще- то когда-то я действительно была студенткой колледжа. У меня шесть сотен кредитов, я училась на персонального тренера по фитнесу. А родители считают, что я вот-вот стану врачом.

Прости меня, мама.

Прости меня, Господи.

Одно время мы с Эви любили посещать ночные клубы и бары. Мужчины толпами ждали нас у дверей дамской уборной, чтобы пригласить на съемки рекламных телепередач. Один парень всучил мне визитку и спросил, в каком агентстве я работаю.

После того как я переехала от родителей, мама стала периодически наведываться ко мне с визитами. Она курит, и однажды я, когда вернулась

домой со съемок, застала ее у себя со спичечным коробком в руках.

- Что это значит? - многозначительно спросила мама, протягивая мне коробочку.

- Умоляю тебя, скажи мне, что ты не настолько неосмотрительна, как твой бедный покойный брат! - взмолилась она.

Оказалось, что на коробке, который так встревожил маму, написано имя неизвестного мне типа и чей-то номер телефона.

- И я уже не в первый раз нахожу у тебя подобные вещи. Ты что-то от нас скрываешь. Чем ты тут занимаешься? - продолжала расспрашивать мама.

Я не курю. И сказала ей об этом. Коробки с номерами телефонов я принимаю от парней потому, что слишком вежлива и не могу послать их подальше. А не выкидываю - потому что чересчур бережливая. Так они и копятся у меня, в основном лежат в выдвижном ящике кухонного стола. Хотя я тут же забываю и как выглядят эти парни, и их имена.

Перенесемся в один из обычных дней в больнице. Я вышла из кабинета логопеда, и медсестра повела меня по коридорам, поддерживая за локоть, чтобы я просто размяла ноги. Когда мы возвращались назад, я увидела ее. Бренди Александр! Двери кабинета логопеда были раскрыты, а Бренди сидела перед докторшей. Восхитительная и блистательная, с поистине королевским величием. На ней был переливчатый костюм от Вивьен Вествуд. Он менял цвет при каждом малейшем движении Бренди.

Она выглядела как само олицетворение моды.

Фотограф в моей голове закричал:

Покажи мне изумление, детка!

Вспышка.

Покажи мне восторг.

Вспышка.

Логопед сказала:

- Бренди, для того, чтобы твой голос стал более тонким, необходимо приподнять гортанный хрящ. Это та самая выпуклость, которая устремляется наверх, когда при пении ты берешь самые высокие ноты. Если хрящ переместить немного вверх, твой голос будет звучать в диапазоне между соль и до второй октавы. А это приблизительно сто шестьдесят герц.

Бренди Александр и то, как она выглядела, перевернули весь мой мир. Мне показалось, я в виртуальной реальности. Каждое мгновение она выглядела как-то иначе. Я делала шаг, и Бренди была зеленой. Второй шаг, и эта фантастическая особа становилась красной. Серебряной, золотой...

Потом она ушла.

- Несчастное, заплутавшее в мирской неразберихе создание, - сказала сестра Кэтрин, сплюнув на цементный пол, и взглянула на меня.

Я, как замороженная, смотрела в конец коридора.

- У тебя есть родственники? - спросила сестра Кэтрин. Я написала на листке бумаги, прикрепленном к специальной дощечке:

у меня был брат-гомосексуалист

он умер от СПИДа.

Монашка ответила:

- Наверное, так лучше. Правда ведь?

Перенесемся в тот день, когда после последнего визита Мануса прошла уже целая неделя. Самого последнего визита. Ко мне заявляется Эви. Она рассматривает фотографии и сдавленным шепотом разговаривает с Господом и Иисусом Христом.

На коленях у Эви стопка журналов "Вог" и "Гламур". Она принесла их мне.

- Я поговорила о тебе с агентством. Они сказали, что могут переоформить твои договоры, чтобы ты про-

должала с ними сотрудничать в качестве модели рук, - говорит Эви.

Она ведет речь о рекламировании колец для вечеринок, бриллиантовых браслетов для игры в теннис и прочего никчемного дерьма.

Неужели ей кажется, что мне приятно слышать подобные вещи?

Я не в состоянии ответить.

Я даже есть теперь не могу. Питаюсь только жидкостями.

Никто на меня не смотрит. Я ведь невидимая.

Я хочу лишь одного: чтобы кто-нибудь спросил, что произошло.

Тогда я была бы вполне довольна жизнью.

Эви смотрит на пачку журналов.

- Переезжай жить ко мне, когда выпишешься из больницы.

Она расстегивает застежку-молнию на своей сумке из парусины, положив ее на край моей кровати, засовывает в нее обе руки и добавляет:

- Нам будет весело вдвоем. Вот увидишь. Ненавижу жить в одиночестве.

Она говорит:

- Я уже перевезла твои вещи к себе. Положила их в свободную спальню.

Все еще роясь в своей парусиновой сумке, Эви сообщает:

- А я иду на съемки. Если у тебя на руках есть контракты с какими-нибудь другими агентствами, может, уступишь их мне?

Я пишу на доске с листами бумаги:

на тебе мой свитер?

Я машу листком у нее перед лицом.

- Да, - отвечает она. - Но, надевая его, я была уверена, что ты не станешь возражать.

Я пишу:

но ведь он шестого размера.

Я пишу:

а ты носишь девятый.

- Послушай, - говорит Эви, - я должна бежать. Съемки назначены на два. Зайду к тебе позже. Надеюсь, в следующий раз ты будешь в хорошем настроении.

Она пристально смотрит на часы и говорит, как будто обращаясь к ним:

- Мне ужасно жаль, что случилась такая беда. Но винить в этом некого.

Каждый день в больнице проходит примерно так.

Завтрак. Ленч. Обед. Сестра Кэтрин постоянно где-то поблизости.

Один из телеканалов транслирует только рекламные передачи. Они идут на нем целый день и целую ночь. И мы с Эви постоянно мелькаем. Мы вдвоем. За последнее время нам удалось заработать кучу баксов. Особенно за рекламу той фабрики "Ням-ням". В ней мы постоянно улыбаемся. Из-за этих не сползающих с губ улыбок наши лица похожи на комнатные электрообогреватели. На нас платья с блестками. Когда мы встаем в них под свет прожекторов, платья так сверкают, что кажется, нас снимают тысячи репортеров. Эффект потрясающий!

Я вижу себя. В этом обалденном платье, с ослепительной улыбкой на губах я стою на крыше фабрики "Ням-ням" и выбрасываю в дымовую

трубу из органического стекла говяжьей, свиные, бараньи внутренности. Это все, проникая вовнутрь здания, якобы превращается в прехорошенькие канапе. А Эви предлагает эти канапе толпе народа.

Обычно люди соглашаются есть что угодно, лишь бы попасть на телеэкран.

После съемок за мной заезжает Манус. И спрашивает:

- Хочешь покататься на яхте? Я отвечаю:

- Конечно!

Какой же я была душой! Даже не догадывалась о том, что все это время происходило у меня за спиной.

Бренди сидит на стуле в кабинете логопеда и обрабатывает ногти кусочком картона, оторванного от спичечного коробка, - от той его части, о которую чиркают спички. Создается такое впечатление, что своими длинными ногами она в состоянии раздавить мотоцикл. Та минимальная часть тела Бренди, которая не представлена взгляду окружающих, втиснута в ворсистый материал. Кажется, она так и просится вырваться наружу.

Логопед говорит:

- Старайся, чтобы твоя голосовая щель была частично открыта, когда произносишь слова. Тогда при выдыхании и вдыхании воздух будет огибать голосовые связки, и голос станет более женственным, более беспомощным. Мэрилин Монро прибегала именно к этому методу. Например, когда пела президенту Кеннеди песню "С днем рождения".

Медсестра проводит меня мимо. Я в картонных тапочках, туго обмотанных вокруг головы бинтах, и от меня омерзительно пахнет. Бренди Александр оборачивается в самый неподходящий момент и моргает. Она моргает просто божественно. И почему-то напоминает мне фотографа.

Покажи мне радость. Покажи мне веселье. Покажи мне любовь.

Вспышка.

Должно быть, ангелы на небесах послали Бренди тысячу воздушных поцелуев, узнав, как она осветила мою жизнь. Вернувшись в свою палату, я пишу на бумаге:

кто это?

- Некто, с кем тебе не стоит связываться, - отвечает медсестра. - У тебя и так проблем по горло.

Я снова пишу:

но кто она такая?

- Ты не поверишь, но это человек, который каждую неделю становится кем-то другим.

Вот после чего сестра Кэтрин ударяется в поиски жениха для меня. Стремясь отвлечь мое внимание от Бренди Александр, она находит мне юриста без носа. Дантиста, обожающего заниматься альпинизмом, - его лицо и руки обморожены и смотрятся чудовищно. Миссионера с покрытой черными пятнами кожей - это следы какого-то тропического грибкового заболевания. Автомеханика - он наклонился над аккумулятором, когда тот взорвался. Теперь у этого механика нет щек и губ, их съела кислота. Его желтые зубы торчат в разные стороны, как будто он постоянно рычит.

Я пишу:

вероятно, вы перебрали всех классных парней?

На протяжении всего своего пребывания в больнице я никоим образом не могла в кого-то влюбиться. До этого я еще не дошла. Остановилась на меньшем. Мне совсем не хотелось ни присоединяться к процессу какого бы то ни было развития, ни собирать по частям утраченное. Ни изменять то, к чему я стремилась. Я не намеревалась "смириться с судьбой", радоваться тому, что все еще жива, пытаться компенсировать потери. Все, что мне было нужно, так это чтобы моему лицу вернули нормальный вид. А это оказалось невозможным.

Когда мне казалось, что настал момент разрешить мне есть нормальную пищу, врачи опять повторяли: ничего, кроме куриного пюре, тертой моркови, детских смесей. Только толченое, кашеобразное и размельченное.

Ты то, что ты ешь.

Сестра Кэтрин приносит мне газету, раскрытую на странице "Знакомства", и напряженно следит за тем, как я читаю первое из объявлений. "Привлекательный парень ищет стройную девушку - любительницу приключений. Желает вступить с ней в романтические отношения". Я пробегаю глазами остальные объявления. Все они примерно такого же содержания. М-да, никто не делает оговорок, что к ужасно изуродованным девушкам с ежедневно растущими медицинскими счетами их призыв не относится.

Сестра Кэтрин говорит:

- Ты можешь переписываться с мужчинами, которые сидят в тюрьме. Им все равно, как ты выглядишь.

Объяснять ей в письменном виде, что я испытываю в данный момент, мне просто не охота. На это уйдет слишком много времени и сил.

Я хлебаю свой супчик, а сестра Кэтрин зачитывает мне вслух некоторые из объявлений. На ее взгляд, предпочтение стоит отдать поджигателям. Или ворам-взломщикам. Или неплательщикам налогов.

Она говорит:

- Вступать в связь с насильником у тебя наверняка нет никакого желания. Эти люди безнадежно испорчены.

Произнеся речь об одиноких мужчинах за решеткой, посаженных за вооруженное ограбление и непредумышленное убийство, она вдруг замолкает и спрашивает, что со мной. Потом берет мою руку и глядит на пластмассовый браслет с именем у меня на запястье, словно разговаривает с ним.

"Эх ты, модель рук! - думаю я со злобной иронией. - Побрякушки, которые ты рекламируешь, так прекрасны, что сама господня невеста не может отвести от них взгляда!"

Сестра Кэтрин спрашивает:

- Что ты чувствуешь? Какая потеха!

Она продолжает:

- Неужели тебе совсем не хочется влюбиться? Фотограф в моей голове говорит:

Покажи мне терпение.

Вспышка.

Покажи мне самообладание.

Вспышка.

Все дело в том, что у меня всего лишь половина лица.

А на ватных тампонах под бинтами, приложенных к моей ране, до сих пор появляются новые, хоть и очень маленькие, пятна крови. Один из докторов - он совершает утренний обход и каждый день проверяет мою повязку - говорит, что рана до сих пор кровоточит.

Я по сей день не могу разговаривать.

Я должна забыть о карьере.

Я питаюсь лишь детскими смесями. И никто никогда больше не посмотрит на меня как на лауреата государственной премии.

Я пишу на листе бумаги:

со мной все в порядке.

все хорошо.

- Ты ведь даже как следует не погоревала, - говорит сестра Кэтрин. - Тебе не мешает хорошенько

поплакать. А потом смириться со своей участью. Ты ведешь себя слишком спокойно. Я пишу:

не смеши меня мое лицо, если я заплачу, вообще расплывется так считает доктор.

Вообще- то я рада. Наконец хоть кто-то это заметил. Все это время я сохраняла нечеловеческое спокойствие. Можно сказать, я была самым олицетворением невозмутимости. Я ни на мгновение не поддавалась панике. Я видела собственную кровь, и сопли, и то, как осколки моих раскрошившихся зубов ударяются о приборную доску, но в истерику не впадала. Выкидывать подобные номера бессмысленно, если поблизости нет аудитории. Паникерствовать наедине с самим собой -все равно что хохотать, закрывшись в пустой комнате. Так может поступить разве что ненормальный.

Как только авария произошла, я сразу поняла, что умру, если не съеду с автострады, не поверну направо и, проехав двенадцать кварталов, не зарую на парковочную площадку отделения неотложной помощи "Мемориальной больницы Ла-Палома".

Я сделала все вышеперечисленное. Потом взяла ключи и сумку, вышла из машины и направилась ко входу. Стекло двери разъехалось передо мной прежде, чем я успела заметить в ней свое отражение. А народ, толпившийся у кабинета врача - тут были и люди со сломанными ногами, и мамы, качавшие захлебывающихся от крика младенцев, - заведя меня, все они безмолвно расступились.

Потом был морфий внутривенно, малюсенькие операционные ножницы, разрезавшие мое платье. Трусики телесного цвета, которые, по сути дела, всего лишь лоскутик с пришитыми к нему эластичными веревками. Фотографии, сделанные полицией...

Агент сыскной полиции, тот самый, который обследовал мою машину на наличие фрагментов костей и тому подобного, который помнит десятки случаев, когда в катастрофах автомобилистам отрезало голову, однажды вновь приходит ко мне и сообщает, что больше ничего не сможет сделать. В мою машину, оставленную на парковочной площадке, через разбитое стекло залетели птицы. Чайки. Возможно, еще и сороки. Они склевали все, что у детективов называется доказательствами "мягких тканей". А фрагменты костей скорее всего унесли с собой.

- Вам известно, мисс, что эти твари делают с костями? - спрашивает сыщик. - Бьют их о скалы, чтобы получить костный мозг.

Я пишу карандашом на листе бумаги:

ха, ха, ха.

Перенесемся в тот момент, когда мои бинты вот-вот должны снять. Логопед сказала, что я обязана на коленях благодарить Господа за то, что он оставил невредимым мой язык. Мы сидим в ее кабинете, который наполовину заполнен столом из стали, и она, логопед, объясняет мне, каким образом, не двигая губами, произносят слова чревовещатели. Им важно произвести впечатление, что звуки исходят у них изнутри, поэтому они прижимают язык к нёбу и так разговаривают.

Вместо окна в кабинете логопеда плакат. На нем изображен котенок, заваленный спагетти, а внизу подпись:

Ставь акцент на позитивном.

Логопед говорит, что, если ты не можешь произнести тот или иной звук без помощи губ, замени его похожим звуком. Например, поясняет она, вместо "фэ", говори "хэ". О значении слова, в котором ты производишь эту замену, догадаются по смыслу.

- Я хочу посмотреть новые хотограхии, - говорит логопед.

Я пишу на бумаге:

посмотрите.

- Да нет же, - отвечает она. - Тебе следует попытаться повторить за мной.

В последнее время мое горло постоянно сухое. Сколько бы в него ни вливали жидкости. Покрывшаяся тонкой пленкой поврежденная область вокруг языка жутко чешется.

Логопед повторяет:

- Я хочу посмотреть хотограхии. Я изрекаю:

- Галгхрэ иои хихои кдки. Врач отвечает:

- Нет, не так. Ты все делаешь неправильно. Попробуй еще раз.

- Голхих гиои ррр оких? - спрашиваю я. Логопед качает головой:

- Нет, неверно. Она смотрит на часы. Я говорю:

- Гигри риор гиги к гиэл.

- Тебе придется много тренироваться! - восклицает логопед. - Занимайся этим самостоятельно. А сейчас попытайся все же повторить ту фразу, которую произнесла я.

- Крогир хи хкоэир хохеинкх хен, - выдаю я.

Она провозглашает:

- Хорошо! Молодец! Молодец! Вот видишь, все очень просто!

Я пишу карандашом на листе бумаги:

вы меня достали.

Перенесемся в тот день, когда с меня сняли бинты.

Я не ожидала ничего подобного, но все работники больницы - старшие врачи, доктора-новички, медсестры, вахтеры и даже повара, посчитали, что непременно должны остановиться возле процедурного кабинета и заглянуть вовнутрь. Если я встречалась с кем-нибудь из них взглядом, они тут же неестественно улыбались и выпаливали: поздравляю! Приподнятые вверх края их напряженных губ нервно вздрагивали. Пучеглазые! Так я думала о них всех. И вновь и вновь показывала им картонный прямоугольник с надписью:

спасибо.

Потом я убежала к себе. Мне привезли новое хлопчатобумажное летнее платье от Эспри. Сестра Кэтрин до самого ленча занималась при помощи щипцов для завивки моими волосами. В итоге они превратились в залитый глазурью большой торт. Эви принесла кое-что из косметики и накрашила мне глаза. Я надела свое модное платье, желая как можно быстрее вспотеть.

За все это лето я ни разу не видела ни одного зеркала. Если они мне и попадались, то я не признавала, что отражающееся в них - это я. Фотографий, сделанных полицией, мне так и не показали. Наконец сестра Кэтрин и Эви закончили надо мною колдовать.

Я говорю:

- Ге хойл иока хог геохх. Эви отвечает:

- Пожалуйста.

А сестра Кэтрин растерянно произносит:

- Но ведь ты только что поела.

Я прекрасно знаю, что меня не понимает ни единая живая душа. И изрекаю:

- Конг химмер най гии голли. Эви пожимает плечами:

- Да, это твои туфли, но я ношу их аккуратно. Можешь не беспокоиться.

А сестра Кэтрин сообщает:

- Нет, моя дорогая, писем сегодня нет. Но мы напишем заключенным сами. После того, как ты поспишь.

Они уходят. А я остаюсь одна. И... Интересно, насколько безобразно

выглядит мое лицо, размышляю я.

Иногда быть изувеченным даже занятно. Для чего людям пирсинг, татуировки, скарификация?

Я веду речь о том, что все это неизменно привлекает внимание.

Первый выход на улицу раскрыл мне глаза на то, чего я лишилась. Все лето я просто отсутствовала. А вечеринки у бассейнов, загорание на пляжах, знакомства с парнями на тачках с откидным верхом - все это продолжало происходить без моего участия. Я поняла, что для меня подобные вещи, равно как пикники, игры в мяч, концерты, превратились в запечатленные на фотопленке картинки. Которые, кстати говоря, еще не стали фотографиями. Эви всегда все откладывает на потом. Уверена, что раньше Дня благодарения снимков мне не видать.

Я выхожу на улицу, и мир встречает меня поразительным многообразием красок. В больнице все белое. Мне кажется, что я никогда раньше не видела такого огромного количества цветов и оттенков. Я направляюсь в супермаркет. Обычное хождение между полок с товаром напоминает мне увлекательную игру, в которую я не играла с раннего детства. Я с наслаждением рассматриваю торговые знаки моих любимых фирм-производителей, яркие, красочные. Вот "Фрэнчиз Мастард", "Райс-а-Рони", вот "Топ Рамен". И все это как будто манит, зовет.

Этикетки такие яркие и выполнены настолько качественно, что невозможно решить, какая из них лучше.

Совокупность красивых предметов - нечто гораздо меньшее, чем если бы все они были отдельными частями.

Все пакетики, банки и пачки составлены в ряд.

Передо мной радуга живописных торговых знаков. Смотреть, по сути дела, не на что.

Что касается людей, я могу видеть только их затылки. Если я поворачиваю голову даже очень быстро, успеваю заметить лишь мелькающее перед моими глазами ухо того или иного покупателя. Многие бормочут что-то о Господе.

- О боже! - доносится до меня справа. - Ты это видел?

- Интересно, это маска? - шепчут с другой стороны. - По-моему, до Хэллоуина еще далековато.

Люди вокруг меня сосредоточенно читают надписи на ярких этикетках.

Я беру заточенную в ярко-желтый полиэтиленовый плен тушку индейки.

Не знаю зачем. У меня нет денег, но я все равно ее беру. Сначала долго

копаюсь в морозильном контейнере, перебираю замороженные мясные глыбы, выбираю самую крупную из них и торжествующе поднимаю вверх, как маленький ребенок.

Я иду к кассам, прохожу мимо них, но меня никто не останавливает. Продавщицы и охрана с неуместным усердием читают бульварные газеты, уткнувшись в них носами.

- Геихн ги охо унг, - говорю я. - Ней гуи ихин лгух. Никто не поворачивает в мою сторону головы.

- ХСХ УИК ИХ, - произношу я, как образцовый чревовещатель.

Все молчат. Разговаривает лишь одна из продавщиц - с покупателем, расплачивающимся чеком.

В этот самый момент раздается звонкий детский возглас:

- Посмотри!

Воцаряется гробовая тишина. У меня такое впечатление, что все присутствующие перестают дышать. Ребенок повторяет:

- Посмотри! Посмотри же, мама! Вон туда! Чудовище украло еду!

От смущения все вокруг сокращаются в размерах - втягивают голову в плечи, как будто стоят на костылях. И с еще большим вниманием погружаются в чтение.

Девушка- монстр украла праздничную индейку...

Я стою, вспотевшая, в своем восхитительном платье с начинающей таять запакрованной в желтый полиэтилен дохлой птицей в руках. Мое платье почти прозрачное. От холода, исходящего от индейки, у меня напрягаются соски. Прическа, которую мне сделала сестра Кэтрин, похожа на глазированный торт. Никто не смотрит на меня так, как будто я лауреат чего бы то ни было.

Раздается шум звучного шлепка. Чья-то рука залепляет ребенку подзатыльник. Тот раздражается ревом.

В плаче отчетливо слышны нотки страшной обиды - малыш не понял, за что его наказали. За окнами догорает закат. А внутри супермаркета царит мертвая тишина. Ее нарушает лишь детский плач.

- За что ты меня ударила? - безмолвно спрашивает у матери ребенок. - Я ведь не сделал ничего плохого. За что? Я не понимаю!

Я прижимаю индейку к груди, выхожу из супермаркета и быстрыми шагами иду по направлению к "Мемориальной больнице Ла-Палома". Темнеет.

Я крепко держу холодную тушку. В моей голове стучит: индейка, чайки, сороки.

Птицы.

Птицы склевали мое лицо.

По больничному коридору навстречу мне идет сестра Кэтрин. Одной рукой она придерживает шагающего рядом с ней мужчину, в другой - несет какую-то подставочку. Мужчина весь в бинтах, дренажных трубках и пластиковых пакетиках с красной и желтой жидкостью, вытекающей и вытекающей из него.

Птицы склевали мое лицо.

Сестра Кэтрин кричит:

- Эй, дорогая моя! Я веду к тебе необыкновенного человека! Уверена, ты будешь счастлива с ним познакомиться!

Птицы склевали мое лицо.

Между ними и мной - кабинет логопеда. Я заглядываю вовнутрь и вижу Бренди Александр. В третий раз в своей жизни. Королева добра и света в платье-футляре от Версаче. Сегодня от нее веет ошеломляющим духом тоскливой безысходности и порочного смирения. Она неотразима, но униженная. Жизнерадостная, но увечная. Ее несравненное величество - самое восхитительное из всего, что мне когда-либо доводилось видеть. Я останавливаюсь у приоткрытой двери кабинета и таращусь на Бренди.

- Что касается мужчин, - говорит логопед, - они ставят акцент на произносимые ими прилагательные. Например, если кто-то из них делает тебе комплимент, он скажет: сегодня ты такая красивая.

Бренди настолько красивая, что ее голову впору отрезать и выставить на витрину на синей бархатной ткани "У Тиффани". Кто-нибудь непременно купил бы ее даже за миллион долларов.

- А женщина сказала бы: сегодня ты такая красивая, - продолжает логопед. - Итак, запомни, Бренди: ты должна выделять модификатор, а не определение.

Бренди Александр поднимает свои голубичные глаза на меня, стоящую у двери, и говорит:

- Девушка, вы безбожно уродливы. Вы что, позволили слону посидеть у вас на лице?

Голос Бренди... Я практически не слышу, о чем она толкует. В это мгновение я растворяюсь в чувствах, которые вызывает во мне это неземное создание. Так ощущаешь себя, если наделен сверхъестественной красотой и любишь своим отражением в зеркале. Бренди - моя королевская семья. Единственный смысл в жизни.

Я говорю:

- Кхои хне оик.

Я прохожу в кабинет и кладу холодную влажную индейку на колени

логопеду.

Та замирает от неожиданности под тяжестью двадцати пяти футов мертвого мяса и вдавливается в свое крутящееся кожаное кресло на колесиках.

Сестра Кэтрин уже где-то рядом. Она кричит:

- Эй!

- Гирул хши хиаои иа, - произношу я и вывожу логопеда, сидящую в кресле, в коридор. - Ионик хинк гм.

Логопед приходит в себя, поднимает голову, смотрит на меня и улыбается:

- Не стоит делать мне подарков. Помогая тебе, я просто выполняю свою работу.

Монашка и мужчина в бинтах подходят к нам. Она привела мне нового жениха без кожи, или без лица, или без зубов. Жениха, который, как ей кажется, идеальный для меня вариант. Который станет любовью всей моей жизни. Моим искалеченным, изуродованным, обезображенным прекрасным принцем. Моим отвратительным будущим. Чудовищным остатком моих дней.

Я влетаю в кабинет, захлопываю за собой дверь и запираюсь изнутри на ключ. Мы вдвоем с Бренди Александр. Я хватаю со стального стола рабочую тетрадь логопеда и ручку, вырываю лист, пишу.

спаси меня.

Машу листком перед лицом Бренди. Потом дописываю: пожалуйста.

Руки Бренди Александр - нечто невообразимое. Все и всегда начинается с именно с них. Бренди Александр протягивает мне правую кисть, с толстыми пальцами, украшенными кольцами. Выступающие вены на запястье придавлены разноцветными браслетами. Красота Бренди Александр - космическая.

- Итак, девочка, что же случилось с твоим лицом? - спрашивает Бренди.

Птицы.

Я пишу:

птицы. птицы склевали мое лицо.

Я смеюсь.

Бренди смотрит на меня со всей серьезностью.

- Что это значит?

Я продолжаю хохотать. И пишу:

я ехала по автостраде.

Мне никак не успокоиться.

кто- то выстрелил в меня из винтовки тридцатого калибра.

пуля отсекла от моего лица всю челюстную кость.

Я все еще смеюсь.

И пишу:

я сразу приехала в больницу.

поэтому не умерла.

Смех уже душит, меня.

вернуть кость на место врачи не смогли, продолжаю я писать.

ее склевали чайки.

Я резко смолкаю.

- Девочка, у тебя кошмарный почерк! - замечает Бренди. - Рассказывай дальше.

На глаза наворачиваются слезы.

теперь я питаюсь только детскими смесями, пишу я.

и не могу разговаривать.

у меня не стало работы.

я лишилась дома.

и жениха.

никто на меня не смотрит.

а всю мою одежду... ее забрала моя лучшая подруга.

Я плачу.

- Что дальше? - спрашивает Бренди. - Расскажи мне все.

ребенок, пишу я.

маленький ребенок в супермаркете назвал меня чудовищем.

Голубичные глаза Бренди становятся строгими. Она смотрит прямо на меня.

- Ты воспринимаешь жизнь чертовски неправильно! Все, о чем ты можешь думать, так это только о той гадости, которая уже произошла.

Она говорит:

- Нельзя опираться только на прошлое или настоящее. Расскажи мне о своем будущем.

Бренди Александр поднимается со стула. Ее ноги заключены в золотые путы шнурков и цепочек. Она достает из сумки пудреницу, усыпанную драгоценными камнями, открывает ее и смотрит в зеркальце на внутренней

стороне верхней створки.

- А логопед... - произносят графитовые губы Бренди. - Скорее всего она не в состоянии тебе помочь.

Крупные руки в кольцах и браслетах прикасаются к моим плечам и велят мне сесть на стул. Тот самый, на котором только что сидела сама Бренди. Сиденье еще хранит тепло ее задницы.

Бренди подносит пудреницу к моему лицу и располагает его так, чтобы я могла заглянуть вовнутрь. Я в изумлении обнаруживаю, что вместо пудры в ней - маленькие белые капсулы. А вместо зеркала - фотография улыбающейся Бренди Александр. Она выглядит сногшибательно.

- Это викадин, дорогуша, - говорит Бренди. - Я следую совету Мэрилин Монро: если принять любое лекарство в достаточном количестве, оно вылечит все, что угодно.

Она кивает на пудреницу:

- Угощайся.

Стройная и вечная богиня, Бренди Александр улыбается мне с фотографии, возвышаясь над горкой болеутоляющих капсул.

Вот так я познакомилась с ней. Вот так обрела силы не смиряться с судьбой. Вот так научилась не пытаться собирать по частицам разрушенное.

- А сейчас, - говорят графитовые губы, - ты еще раз расскажешь мне свою историю. Вернее, напишешь. А потом еще и еще раз. Ты будешь повторять одно и то же на протяжении всей ночи.

Королева Бренди устремляет на меня длинный палец.

- И тогда ты поймешь, что теперь все это - всего лишь рассказ. Рассказ о прошлом. Осознав, что твои горести превратились в пустые слова, ты сможешь с легкостью плюнуть на все, что было, и обо всем забыть. А потом спокойно решить, кем ты хочешь стать.

Глава четвертая

Перенесемся на канадскую границу.

К нам троим, сидящим в машине - взятом напрокат "линкольн-тауне". Мы ждем возможности отправиться в дальнейший путь - на юг от Ванкувера, Британской Колумбии, в Соединенные Штаты. Сеньор Ромео сидит за рулем. Бренди - с ним рядом. А я - одна, на заднем сиденье.

- У полицейских есть скрытые микрофоны, - говорит Бренди.

Наш замысел состоит в том, чтобы, перебравшись за границу, направиться напрямик в Сиэтл. Там полно ночных клубов и дискотек. Многие из девочек и мальчиков, которые посещают подобные заведения, выстроятся в очередь, чтобы раскупить то, чем набиты кармашки моей сумки.

Нам следует соблюдать крайнюю осторожность. По обе стороны от границы - полицейские микрофоны. Они и с канадской стороны, и со стороны США. При помощи аппаратуры копы прослушивают, о чем разговаривают люди, ожидающие разрешения на выезд. У любого из нас могут оказаться кубинские сигары. Свежие фрукты. Бриллианты. Заразные заболевания. Наркотики. За милю до подъезда к границе Бренди велела нам помалкивать. Мы стоим в очереди и молчим.

Бренди разматывает парчовый шарф со своей прически. Он кажется бесконечным.

Бренди расправляет волосы и накрывает шарфом плечи и свой убийственный бюст. В уши она вдевает простенькие золотые кольца, а жемчуг на шее заменяет тонкой цепочкой с крестиком. В этот момент до нас доходит очередь, и мы предстаем перед окошком офицера пограничной охраны.

Офицер в синей форме с золотым знаком на груди в зеркальных солнцезащитных очках смотрит в компьютер и задает нам вопрос о гражданской принадлежности.

- Сэр, - протягивает Бренди. Ее новый голос неслыханно мил и мягок. - Сэр, мы граждане Соединенных Штатов Америки, страны, которую называли величайшей в мире до тех пор, пока ее не заполонили гомосексуалисты и распространители детской порнографии...

- Ваши имена? - спрашивает офицер.

Бренди склоняется к Альфе и смотрит через раскрытое окно в глаза пограничнику.

- Мой муж, - говорит она, - человек честный и непорочный.

- Назовите мне, пожалуйста, ваши имена, - настаивает офицер.

Он смотрит на номерной знак нашей машины, потом на монитор компьютера. Ему не составляет труда тут же узнать, что автомобиль, в котором мы сидим, взят напрокат в Биллингсе, штат Монтана, три недели назад. Возможно, ему уже известно, кто мы такие - три придурка, ворующие наркотики в богатых домах, выставленных на продажу. Не исключено, что в данный момент информация о нас высвечивается на мониторе его компьютера. А может, и нет.

- Я замужем, - почти выкрикивает Бренди, жаждающая обратить на себя внимание офицера. - Я супруга многоуважаемого Скутера Александра, - говорит она, облокотившись на колено Альфы,

- А это... - Бренди улыбается и проводит пальцем невидимую линию от своих губ к Альфе. - Это мой зять, Сет Томас.

Крупная кисть указывает на меня на заднем сиденье.

- А там моя дочь, Бубба-Джоан.

Бренди без предупреждения изменяет наши судьбы. Иногда это действует мне на нервы. Порой нам приходится по два раза в день привыкать к своей новой роли. К новым именам. Новым родственным отношениям. Новым физическим или умственным недостаткам.

Трудно вспомнить, кем я была в самом начале нашего пути.

Наверняка похожие отвратительные ощущения переживает постоянно видоизменяющийся вирус СПИДа.

- Сэр? - Офицер обращается с Сету, бывшему Альфе Ромео, бывшему Чейзу Манхэттену, бывшему Нэшу Рэмблеру, бывшему Уэллсу Фарбо, бывшему Эберхарду Фаберу. - Сэр, вы везете в США какие-нибудь покупки?

Я легонько ударяю ногой по нижней части сиденья своего нового супруга.

С одной стороны от нашего автомобиля - равнина из грязи, оставленная отливом. Небольшие волны движутся по направлению к нам. С другой стороны - цветочные клумбы с желтыми и красными бегониями.

- Только не говорите, что никогда не видели наших передач! - восклицает Бренди. - Они называются "Исцеление христианством". - Она играет пальцами с маленьким крестиком, который висит у нее на шее. - Если вы смотрели хотя бы одно наше шоу, то должны помнить: Господь в своей мудрости посчитал нужным сделать моего зятя немым. Сет не может разговаривать.

Офицер несколько раз ударяет по клавишам. То, что он напечатал,

вполне может быть словом "ПРЕСТУПНИКИ". Или "НАРКОТИКИ". Или "ПОЙМАНЫ". Или это "КОНТРАБАНДА", или "АРЕСТ".

- Ни звука, - шепчет Бренди едва уловимо прямо в ухо Сету. - Если пикнешь, в Сиэтле я сделаю тебя Харвеем Уолбангером.

Офицер пограничной охраны заявляет:

- Чтобы позволить вам выехать за пределы Канады, я должен проверить ваши паспорта. Будьте любезны.

Бренди картинно облизывает губы. Ее глаза сияют загадочным блеском. Шарф неожиданно сползает с ее плеч, открывая взору шикарный полуобнаженный бюст.

Бренди смотрит на офицера и произносит:

- Одну минуточку.

Окно Сета бесшумно закрывается. Бренди откидывается на спинку сиденья, делает глубокий вдох и выдох.

- Не поддаваться панике! - тихо приказывает она, достает губную помаду, целует зеркало заднего вида и принимается красить свои большие губы. Ее слегка трясет, и ей приходится придерживать руку с помадой другой рукой.

- Мы выберемся отсюда, - говорит она. - Но для этого мне понадобится презерватив и освежитель дыхания. Бубба-Джоан, будь умницей, дай маме "эстрадерм".

Сет протягивает ей презерватив и мятный освежитель дыхания.

- Интересно, сколько времени потребуется, чтобы недельный запас девичьего сока проник в задницу этого кретина? - произносит Бренди и закрывает помаду.

Я даю ей эстрагеновый пластырь.

Глава пятая

Вернемся в тот день, когда мы с Эви стоим среди толпы зевак у универсама "У Брумбаха" и глазеем на чью-то собаку, задравшую лапу возле репродукции "Воскресения Христова". Сделав свои дела, пес усаживается на землю, раздвигает задние лапы и принимается лизать мешковатую вонючую задницу. Эви легонько ударяет меня локтем в бок. Народ хлопает в ладоши и бросает монеты.

Мы заходим в магазин, начинаем рассматривать губные помады, пробуем некоторые из них, проводя по обратной стороне ладони.

- Интересно, почему собаки себя лижут? - спрашиваю я.

- Просто потому, что они могут... - говорит Эви. - Потому что они не такие, как люди.

В этот день мы восемь часов убили на учебу в школе фотомоделей.

Чтобы набрать проходной балл при поступлении, Эви, как обычно, прибегла к одной из своих многочисленных хитростей.

Эви красит губы помадой таких оттенков, какие видишь у основания пениса в порнофильмах. А теней на

верхнее веко накладывает столько, что походит на подопытное животное системы изучения инфраструктуры рынка. От того количества лака, которое она выбрызгивает на волосы, в озоновом слое над Академией модельного искусства Тейлор Роббертс образовалась дыра.

Это было до моей аварии. Тогда мне казалось, что жизнь прекрасна.

На девятом этаже универсама "У Брумбаха", где мы бродим после занятий, продают мебель. Вдоль стен здесь тянется ряд демонстрационных комнат: спален, столовых, гостиных, библиотек, детских, общих, вещевых, домашних офисов, кабинетов.

У всех у них нет одной стены. Этой стороной они повернуты в центр этажа. Со вкусом обставленные, идеально чистые, с покрытыми коврами полами, эти комнаты освещены несколькими лампами, а мебель в них современная и удобная. Из скрытых от глаз покупателя динамиков раздается белый шум.

По затемненным линолеумным проходам движутся люди. Проходы эти отделяют комнаты от залитых прожекторным светом островков с наборами мебели в центре этажа. Диваны и кресла стоят на разной формы коврах. Их окружают искусственные растения. Умиротворенные мирки, средоточие света и красок в кишачей незнакомыми друг другу людьми темноте.

- Это напоминает мне звуковой киносъемочный павильон, - говорит Эви. - Все готово для съемки очередного эпизода. Студийная аудитория уже смотрит на тебя из темноты.

Покупатели проходят мимо, а мы с Эви растягиваемся на кровати с розовым балдахином и звоним по мо-

бильному, чтобы узнать предсказания астрологов. Мы уютно устраиваемся на обитой твидом диванной секции, жуем попкорн и смотрим всякую чепуху по телевизору, установленному напротив. Эви поднимает край футболки и показывает мне еще одно колечко в пупке. Оттягивает низ проймы, и я вижу имплантационные шрамы на ее теле.

- Мне так скучно у себя дома, - говорит Эви. - А когда на меня никто не смотрит, мне кажется, я не настоящая. Ненавижу это ощущение!

Она восклицает:

- Я слоняюсь по "Брумбаху" вовсе не потому, что мечтаю об уединении!

Дома, в моей квартире Манус со своими журналами. С порнографическими журналами для геев, которые он покупает якобы для работы. Каждое утро за завтраком Манус показывает мне красочные фотографии парней, сосущих собственный член. Руками они обхватывают согнутые в коленях ноги, а шею максимально вытягивают вниз, как журавли. Каждый из них потерян в своем маленьком замкнутом кругу. Можно поспорить, что все мужчины в мире хоть раз в жизни да пробовали проделать подобное.

Манус говорит:

- Вот что нравится нормальному парню. Покажи мне романтику.

Вспышка.

Покажи мне самоотречение.

Каждый свернувшийся в петлю мужчина очень пластичен и имеет приличных размеров член, поэтому ему больше никто в мире не нужен.

Манус указывает на фотографии румяным тостом и заявляет.

- Этим парням нет нужды смиряться с опостылевшими отношениями и нервничать по поводу проблем на работе.

Манус откусывает кусок тоста и, пережевывая его, рассматривает журналы.

- Так можно жить до самой смерти, - заключает он, ковыряясь вилкой в белке яичницы на тарелке.

После завтрака я отправляюсь в центр города в Академию модельного искусства Тейлор Роббертс и занимаюсь самосовершенствованием. Потом собака лижет свою задницу. Эви показывает мне следы

членовредительства. Мы рассматриваем ее пупок. У Эви дома никого нет. Есть куча родительских денег. Когда мы впервые ехали с ней в "Брумбах" на городском автобусе, она расплатилась с водителем кредитной карточкой и попросила, чтобы ей дали место у окна. А еще очень переживала, что вес ее ручной клади превышает допустимую норму, и порывалась заплатить за нее.

Не знаю, что хуже - жить одной, как Эви, или вместе с Манусом.

В "Брумбахе" мы с Эви обычно дремлем в одной из дюжины великолепных спален. Или усаживаемся на обитые ситцем клубные стулья, засовываем ватные шарики между пальцев ног и красим ногти. Потом занимаемся по учебникам, выданным в школе Тейлор Роббертс, за длинным полированным обеденным столом.

- Эти комнаты напоминают мне воспроизведение естественной среды обитания в зоопарке, - говорит Эви. - Полярный лед из бетона, влажные джунгли из сварных труб с пульверизаторами. Не находишь?

Каждый день после обеда мы с Эви играем главные роли в нашей личной неестественной среде обитания. Продавщиц в это время обычно не бывает - они ускользают в мужскую уборную и занимаются там с кем-нибудь сексом. А мы устраиваем дневной спектакль, привлекая к себе внимание всех покупателей.

Все, что я усвоила на занятиях в школе Тейлор Роббертс, так это то, что при ходьбе таз должен играть ведущую роль. А плечи следует держать расправленными.

Когда рекламируешь какой-то товар, необходимо провести к нему невидимую зрительную линию. Например, если это тостер, нарисуй воздушную прямую, которая соединила бы с ним твою улыбку. Если это плита, проведи к ней черту от своей груди. Рекламируя новую машину, свяжи ее незримой нитью с низом живота. Все эти трюки сводятся к единственному - к принуждению людей излишне остро реагировать на какие-нибудь рисовые пирожные или новые туфли.

Мы пьем диетическую колу на розовой кровати в универсальном магазине "У Брумбаха". Или сидим у туалетного столика и пытаемся при помощи корректирующих карандашей изменить форму своих лиц. Из темноты на нас пялят глаза люди. Мы видим только их очертания. Время от времени яркие огни ламп отражаются в стеклах чьих-то очков. Малейшее наше движение, каждый жест, каждое слово разжигает интерес окружающих. Это доставляет нам немалое удовольствие.

- Здесь так спокойно и безопасно, - протяжно произносит Эви, проводя рукой по розовому сатину стеганого одеяла, взбивая подушки. - И кажется,

что ничего плохого никогда не произойдет. В академии все совсем по-другому. Или дома.

Абсолютно незнакомые нам люди в пиджаках стоят в линолеумном проходе и наблюдают за нами. Это походит на телевизионные ток-шоу, где так легко быть откровенным в присутствии целой студии народа. Можно болтать что угодно, главное, чтобы тебя слушали.

- Эви, дорогая, - говорю я. - Многие в нашем классе - гораздо хуже нас с тобой. Вот только знай меру, когда накладываешь румяна.

Мы поворачиваемся к зеркалу и смотрим на свои отражения. За нашими спинами тройной ряд наблюдающих из темноты.

- Возьми вот. - Я подаю Эви маленький спонж. - Растушуй.

И Эви начинает плакать. Когда на тебя смотрит толпа зрителей, эмоции накалены до предела. Все заканчивается приступом смеха или слезами, чего-то среднего не бывает. Бедные тигры в зоопарке! На них постоянно глазеют. Вся их жизнь - большая опера!

- Понимаешь, я перебарщиваю с румянами не просто из желания быть блистательной топ-моделью, - говорит Эви. - Все дело в том, что мне жутко не хочется стареть. Когда я думаю о том, что с каждым днем становлюсь старше, на душе делается невыносимо гадко.

Эви с трудом сдерживает слезы, сжимает в руке маленький спонж и продолжает:

- Когда я была ребенком, мои родители хотели, чтобы вместо меня у них рос мальчик. Я чувствовала себя отвратительно!

Иногда мы приходим сюда на высоких каблуках и разыгрываем драку - притворяемся, что с наслаждением лупим друг друга по губам, как будто из-за парня, которого обе хотим. А бывают и такие дни, когда в присутствии ротозеев и я, и Эви признаемся, что мы вампиры.

- Да, - говорю я. - Мои родители тоже когда-то надо мной издевались.

Интерес толпы должен поддерживаться постоянно. Эви проводит рукой по волосам.

- Кстати, я проколола гребешок, расположенный между анальным отверстием и нижним краем влагалища, - сообщает она.

Я плюхаюсь на кровать - перемещаюсь в центр сцены, - обнимаю подушку, поднимаю голову и смотрю в потолок.

- Не то чтобы предки били меня или заставляли пить кровь, как делают сатанисты, - вещаю я. - Просто они больше любили моего брата, потому что он был изуродован.

Эви тоже перемещается в центр комнаты. Она останавливается у торшера в стиле первых переселенцев и возвышается надо мной, словно

фонарный столб.

- У тебя был изуродованный брат?

Кто- то из зрителей закашливается. Свет ламп отражается от чьих-то наручных часов.

- Да, мой братец был ужасно изувечен. Но все закончилось благополучно, - отвечаю я. - Он мертв.

С неподдельной напряженностью в голосе Эви продолжает расспрашивать:

- О каких именно увечьях ты говоришь? У тебя есть еще братья или сестры? Это был твой младший или старший брат?

Я вскакиваю с кровати и скидываю голову:

- Нет! Хватит! Это слишком больно.

- Я действительно хочу знать, - отвечает Эви.

- Он был на год старше меня. Его лицо искалечило во время взрыва баллона с лаком для волос. После этого мои предки совершенно позабыли о том, что у них есть еще и второй ребенок.

Я устремляю взгляд на бутафорскую подушку и с чувством договариваю:

- Поэтому я лезла из кожи вон, пытаюсь вновь завоевать их любовь.

Эви смотрит в пустоту и бормочет:

- Черт знает что! Черт знает что!

Ее игра так натуральна, так бесподобна, что я остаюсь в тени.

- Да, - медленно произношу я. - Ему и пальцем не приходилось шевелить. У него было уродство - ожоги и шрамы, поэтому и все внимание уделялось ему.

Эви подходит ко мне почти вплотную и спрашивает:

- И что же с ним случилось потом, с твоим изувеченным братом? Тебе известно?

- Он умер, - протягиваю я и поворачиваюсь лицом к аудитории. - Умер от СПИДа.

Эви не понимает:

- Откуда ты это знаешь? Я вспыхиваю:

- Эви!

- Нет, правда, - настаивает Эви. - Почему твоего брата уже нет?

- СПИД - это тебе не шуточки! - отвечаю я. Эви заявляет:

- Твоя история больше похожа на выдумку!

Вот как запросто ситуация может выйти из-под контроля. Я вижу, что Эви чувствует желание публики получить настоящую драму и просто на ходу придумывает, как реагировать на мои реплики.

- Ты видела его, своего брата, - спрашивает она, - ты видела, как он умирал? Или мертвого? Смотрела на него в гробу под звуки траурной музыки? Ты держала в руках свидетельство, подтверждающее факт его смерти?

Люди наблюдают за нами, затаив дыхание.

- Да, - отвечаю я. - Естественно.

Теперь я начала лгать и могу на чем-нибудь попасться.

- Значит, ты видела его мертвым? - повторяет вопрос Эви.

Зрители не сводят с нас глаз.

- Абсолютно мертвым. Эви спрашивает:

- Где?

- Вспоминать это слишком больно, - говорю я и отхожу к стене, смежной с гостиной.

Эви следует за мной.

- Так где же ты его видела? Люди продолжают следить за нами.

- В хосписе, - отвечаю я.

- В каком хосписе?

Я перехожу в гостиную, потом в другую, потом в следующую спальню, в кабинет, в домашний офис, а Эви неотступно шагает за мной. Перемещается вслед за нами и аудитория.

- Знаешь ведь, как это бывает, - говорю я. - Если парня-гомосексуалиста не видишь достаточно долго, можешь догадаться, что его история закончилась плачевно.

Эви смотрит на меня в упор:

- Итак, ты не уверена в том, что он мертв?

Мы пробегаем через очередную спальню, столовую, детскую, и я вскрикиваю:

- Речь идет о СПИДе, Эви! Это синоним безнадежности.

Эви резко останавливается и спрашивает:

- Почему?

Я чувствую, как с сотни различных сторон публика уходит от меня прочь.

А я действительно, действительно, действительно желаю, чтобы мой брат был мертвым. И родители хотят того же. Потому что так легче. В этом случае я - единственный ребенок. Пришел мой черед, черт подери. Мой.

Толпа покупателей рассеивается, оставляя нас наедине друг с другом в безопасности магазинных комнат. А Бог продолжает за нами наблюдать. Он готов покарать нас, если мы перегнем палку.

- А почему все это имеет для тебя такое значение? - спрашиваю я.

Эви разворачивается и идет прочь.

- Просто так.

Она замкнута в свое маленькое кольцо. И готова лизать свою задницу.

- Просто так. Забудь о том, что только что произошло.

Глава шестая

На планете Бренди Александр управлением занимается детально разработанная система богов и богинь. Некоторые из них - зло. Кто-то - само воплощение добра. Это, например, Мэрилин Монро. А еще Нэнси Рейган и Валлис Ворфилд Симпсон[Валлис Ворфилд Симпсон - супруга бывшего английского короля Эдуарда VIII, который в 1936 г. отрекся от престола]. Некоторые из богов и богинь мертвы. Другие живы.

Многие из них - пластические хирурги.

Система не стоит на месте. Боги и богини появляются и исчезают и по причине изменения статуса перемещаются с одного места на другое.

Авраам Линкольн на небесах. Он преображает нашу машину в плавающий пузырь из воздуха, пахнущего новеньким автомобилем: мы едем ровно и гладко, как в красивой рекламе. Марлен Дитрих, по словам Бренди, в последние дни в ответе за погоду. Сейчас осень, осень нашей тоски.

Мы в синем гробовом нутре взятого напрокат "линкольн-тауна". Мчим под свинцовыми тучами по Интер-стейт-5. За рулем Сет. Мы всегда так сидим - Бренди с ним рядом, спереди, а я сзади. Три часа живописного великолепия между Ванкувером и Сиэтлом - вот что нас окружает. Асфальт и внутреннее сгорание продвигают наш "линкольн-таун" вперед, на юг.

Путешествуя подобным образом, можно многое повидать. Окна нашей машины постоянно закрыты, поэтому на планете Бренди Александр царит атмосфера теплой, спокойной, тихой синевы. Температура - семьдесят градусов по Фаренгейту. Внешний мир из деревьев и скал завивается и скручивается, - потому что мы смотрим на него сквозь изогнутые стекла. Мы - государство-сателлит. Мы - маленький мир Бренди Александр и летим по шоссе мимо всего, что его окружает.

Ведя машину вперед и вперед, Сет спрашивает:

- Вы не пробовали рассматривать жизнь как подобие телевидения?

У нас есть железное правило: когда Сет за рулем, радио выключено. И лишь потому, что, услышь наш водитель песню Дайан Уорвик[Дайан Уорвик - американская певица, звезда 60-х, тетя Уитни Хьюстон], он сразу начинает горько плакать. Из его глаз катятся эстимиловые слезы, а грудь разрывается от рыданий проверки. А если Дайан Уорвик поет "Берт Бакара", нам грозит наибольшая опасность - быть мгновенно перевернутыми вверх ногами или расплюснутыми в столкновении с встречным автомобилем.

Плач Сета, то, как искажаются точеные черты его лица и оно становится похожим на печеное яблоко, то, как он начинает щупать собственный сосок, раскрывает рот и закатывает глаза, - все это действие гормонов. Вместе с диетической колой он выпивает конъюгированные эстрогены, премарин, эстрадиол, микрофоллин. Конечно, столь большая дневная доза опасна для печени. Быть может, печень у него уже повреждена. Не исключено, что он болен раком или в его крови сгустки. В медицине это называется тромбоз.

Но мне интересно за ним наблюдать. Это весьма и весьма занятно. У Сета постепенно растет грудь. Его уверенная, твердая походка, действовавшая на женщин как магнит, отяжелела. Обходиться без дневного сна он уже не может. Все это просто потрясает. А его смерть даст мне возможность перейти к изучению других важных для меня вещей.

Ведя машину вперед и вперед, Сет спрашивает:

- Вам не кажется, что телевидение в некотором смысле делает нас Богом?

Интересный поворот в самоанализе. Щетина на подбородке Сета посветлела. Наверное, антиандрогены сдерживают выработку тестостерона в его организме. Но ему на это наплевать. И на то, что теперь он постоянно пребывает в мрачном расположении духа. Я вижу в зеркале заднего вида лицо Сета. Выкатившаяся из одного его глаза слезинка ползет вниз по щеке.

- Неужели я единственный, кого волнуют подобные вещи? - вопрошает он. - Неужели только я из присутствующих в этой машине в состоянии правильно воспринимать окружающее?

Бренди сидит невозмутимо, уставившись в книгу в мягкой обложке. Большую часть времени она читает брошюру о пластической хирургии, в которой рассказывают в основном об операциях на влагалище. Страницы в этой книжке глянцевые и много картинок. На картинках красочно изображено все, о чем идет речь в брошюре, например, то, как должен быть выровнен мочеиспускательный канал для хорошей проходимости мочи. Или то, как выглядит клитор первоклассного качества. Бренди каждый день просматривает свою книгу. Все, что показано в ней, тебе с удовольствием сделают за каких-то двадцать тысяч долларов.

Вернемся на три недели назад. В большой дом в Спокане, в

Вашингтоне. Это был настоящий гранитный замок в Саут-Хиллз. Из огромных окон его главной ванной комнаты можно увидеть весь Спокан. Я высыпала перкодан из коричневой бутылочки в карман в моей сумке, специально предназначенный для перкодана. Бренди Александр, она рылась в шкафу под раковиной в поисках новой пилочки для ногтей. Вместо пилочки ей в руки попала эта книга в мягкой обложке.

Теперь все боги и богини затенены новым идолом.

Перенесемся в тот момент, когда Сет смотрит на мою грудь, отражающуюся в зеркале заднего вида.

- Телевидение на самом деле делает человека Богом, - говорит он.

Покажи мне терпение.

Вспышка.

Покажи мне понимание.

Вспышка.

Даже после нескольких недель, проведенных вместе. в пути, Сет все еще не решается встретиться со мной взглядом, постоянно прячет от меня свои великолепные, ранимые голубые глаза. А вот его новая плаксивая интроспекция не вызывает в нем ни опасений, ни тревог. Сету нет дела даже до того, что теперь внутренние уголки его век распухли и что контактные линзы выскакивают у него из глаз. Скорее всего изменения вызваны конъюгированными эстрогенами. Каждое утро Сет добавляет их в апельсиновый сок. Но все это его не заботит.

А не заботит потому, что в обед вместе с охлажденным чаем он выпивает андрокур. Но это навсегда останется для него секретом. Я действую крайне осторожно.

Бренди Александр, ее королевское величество, все еще читает книгу в мягкой обложке, положив ногу в нейлоновом чулке на приборную панель.

- Когда смотришь телевизор, можешь выбирать, к кому заходить в гости, - говорит Сет, обращаясь ко мне. - Все каналы показывают тебе чью-то жизнь, и практически каждый час эта жизнь сменяется другой. Все - как на видеосайтах в Интернете. Тебе позволено наблюдать хоть за целым миром, и о твоём вторжении никто никогда не узнает.

Бренди читает свою книгу уже целых три недели.

- Телевидение позволяет тебе шпионить за людьми, даже когда они занимаются сексом, - продолжает Сет. - Понимаешь, какой это несет в себе

смысл?

Возможно, думаю я. Все это вполне понятно, особенно если сидишь на пятисотмиллиграммовом измельченном прогестероне.

На протяжении нескольких минут я смотрю в окно. Мимо нас пролетают высокие башни гор, потухшие вулканы. Картины вечной природы. Сырье в первозданном виде. Неочищенное. Необработанное. Я вижу реки, к улучшению которых человек еще не приступал. Рассыпающиеся скалы. Грязь. Растущие в придорожной пыли растения.

- Если верить в то, что у каждого из нас есть свобода выбора, тогда Бог не в состоянии нами управлять, - говорит Сет. Он убирает руки с руля и для пущей убедительности размахивает ими в воздухе. - А если Бог не может нами управлять, значит, все, что ему остается, так это просто наблюдать и переключать каналы, когда становится скучно.

Где-то на небесах мы живем на видеосайтах Интернета, а Всевышний заходит то на одну, то на другую страничку.

Золотые туфли-ногодержатели Бренди валяются на полу. Бренди облизывает указательный палец и медленно переворачивает страницу.

Мимо проносятся древние петроглифы и тростниковые заросли.

- Я просто думаю, - говорит Сет, - что телевидение делает нас Богом. А все мы, возможно, не что иное, как телевидение Бога.

Вдоль песчаного выступа бредут какие-то зверюги - американские лоси или что-то вроде этого.

- Или телевидение Санта-Клауса, - наконец реагирует на слова Сета Бренди, не отрывая взгляда от книги. - Санта-Клаус видит все.

- Санта-Клаус - всего лишь выдумка, - отвечает Сет. - Он - вымышленное подобие Бога. Санта-Клаус не существует.

Перенесемся в день хищения наркотиков в Спокане, штат Вашингтон. Бренди Александр плюхнулась на кровать в спальне хозяев и тут же принялась читать найденную книгу. А я взяла тридцать две таблетки нембутала. Тридцать две таблетки нембутала переместились из своей бутылки ко мне в сумку. Я никогда не ем то, что рекламируют по телевидению.

Бренди продолжала читать. Я перепробовала все помады, какие нашла, на тыльной части руки.

Бренди все лежала, уставившись в книгу, на кровати с водяным

матрасом, заваленной кружевными подушками.

Я положила в сумку несколько таблеток просроченного эстрадиола и половину графитового стержня. Снизу послышался голос риелтора:

- Все в порядке?

Перенесемся на Интерстейт-5. Мы проезжаем мимо рекламного щита:
*ОТЛИЧНАЯ ЕДА И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕНЫ ЖДУТ ВАС В КАФЕ
КАРВЕРА "ОСТАНОВИСЬ И ПОДКРЕПИСЬ*

Вернемся в Спокан, где нет ни темной голубики, ни розовой ржавчины, ни баклажанных грез.

Он вроде бы не хотел нас торопить, риелтор, что кричал нам снизу, но зачем ему понадобилось кричать? Разве мы кого-то о чем-нибудь просили?

Я выглянула из ванной в спальню, где на кровати с водяным матрасом, покрытой белым пуховым одеялом, кружевом и подушками лежала Бренди Александр с книгой в руках. Она была так увлечена чтением, что казалось, перестала дышать.

О, сиреневый атлас, украшенный рисовыми зернышками жемчуга.

О, янтарный кашемир, отделанный пухом марабу.

О, блестящее норковое болеро.

Нам следовало спускаться вниз.

Бренди, лежа на спине, вцепилась в раскрытую книгу обеими руками и прижала ее к своим убийственным сиськам. По изменившемуся цвету ее нарумяненного розовато-ржавыми румянами лица, обрамленного рыжими волосами и кружевными подушками, и по безумному выражению баклажанных глаз было видно, что с дозой она явно переборщила.

Единственное, что мне хотелось знать в то мгновение, так это чего наглоталось ее королевское величество.

С обложки брошюры на меня смотрела светловолосая красotka. Худая, как макаронина спагетти. С милой улыбкой на губах. Ее прическа - запечатленный на пленке ураган, налетевший с запада. Ураган, сфотографированный с искусственного спутника.

Эта красotka была настоящей греческой богиней с густыми

длинными ресницами и ярко подведенными контуром глазами, такой, как Бетти и Вероника и остальные девчонки Арчи с Ривердейл-Хай. Ее руки и шею обвивали жемчуга. Тут и там на богине поблескивали какие-то другие камни, скорее всего бриллианты.

На обложке красовалась надпись: Мисс Рона.

Своими золотыми туфлями Бренди Александр перепачкала белоснежное одеяло.

- По-моему, я только что узнала, кто есть настоящий Бог! - воскликнула она.

Буквально через десять секунд в спальне появился риелтор.

Вернемся к нескончаемым прелестям природы, проплывающим мимо нас: зайцам, белкам, спадающим стремительными потоками вниз водопадам. К сусликам, роющим секретные подземные ходы. К гнездящимся на деревьях птицам.

- Принцесса Б. А. - это Бог, - сообщает Сет, глядя на мое отражение в зеркале заднего вида.

Перенесемся к кричащему риелтору, поспешно поднимающемуся по лестнице. Хозяева гранитного замка уже подъезжают к парадному входу.

Бренди Александр, с расширенными зрачками, едва дышит от волнения.

- Рона Барретт, - произносит она. - Рона Барретт - мое новое сверхсущество.

Перенесемся в мчащийся по шоссе "линкольн-таун".

- Рона Барретт - Бог, - говорит Бренди.

Окружающий нас мир нещадно истребляется. Эрозией и насекомыми, не говоря уже о человеке. Все разлагается, с твоей помощью и без нее.

Я проверяю, достаточно ли в моей сумке спиронолактона для Сета.

Мы проезжаем мимо очередного рекламного щита:

**ОТМЕННЫЕ ЛАКОМСТВА ИЗ ОТРУБЕЙ - ОТПРАВЬ В СВОЙ РОТ
НАСТОЯЩУЮ ВКУСНЯТИНУ**

- В этой книге-автобиографии, - заявляет Бренди Александр, - в "Мисс Роне", опубликованной в 1974 году "Бентам букс" при содействии "Нэш паблишинг корпорэйшн", расположенной на бульваре Сансет в Лос-Анджелесе, штат Калифорния... - Бренди вдыхает пахнувший новым автомобилем воздух, -...и охраняемой авторским правом, в своей книге мисс Рона рассказывает о том, как она, будучи маленькой еврейской девушкой-толстушкой, страдающей странным заболеванием мышц, в один прекрасный день начинает совершенно новую жизнь.

Бренди говорит:

- Эта маленькая пухлая брюнетка вдруг превращается в суперпопулярную роскошную блондинку, и потом знаменитый секс-символ умоляет позволить ему ввести в нее член хотя бы на пару сантиметров.

Ни у одного из нас больше нет родного языка. Мы проезжаем мимо следующего рекламного щита:

**НОВЫЙ СОРТ МОРОЖЕНОГО С СИРОПОМ! МОРОЖЕНОЕ
ТУТЕРА - ТЫ ЗАВИЗЖИШЬ ОТ УДОВОЛЬСТВИЯ!**

- Сколько испытаний выпало на долю этой женщины! - восклицает Бренди. - Вот здесь, например, на странице сто двадцать пятой, она чуть не захлебнулась собственной кровью. Тогда ей только-только сделали операцию на носу. За рассказы, которые Рона пишет, ей платят всего по пятьдесят баксов, но она сумела накопить тысячу долларов на эту операцию. Случилось первое в ее жизни чудо! И вот Рона лежит в больнице, ее нос переделан, а голова обмотана бинтами, как у мумии. К ней приходит подруга и рассказывает, что в Голливуде болтают, будто она лесбиянка. Мисс Рона - лесбиянка! Естественно, это чья-то выдумка. Эта женщина - богиня! Рона начинает кричать, кричать, кричать, и у нее в горле лопается артерия.

- Аллилуйя, - произносит Сет, опять умываясь слезами.

- А здесь, - Бренди облизывает подушечку указательного пальца и перелистывает несколько страниц, - на странице двести двадцать два, Рону опять оставляет ее друг, одиннадцатилетний мерзавец. На протяжении нескольких недель ее мучает кашель, она выпивает горсть таблеток и отключается. Ее находят в полукомадном состоянии, и надежды на спасение практически нет. Врач "скорой помощи"...

- Слава богу! - прерывает Сет.

Мимо нас проплывают деревья. Они растут там, где им хочется.

- Сет, милый, - говорит Бренди, - не перебивай меня. Врач "скорой помощи" уверен, что Рона скончается по пути в больницу.

Тучи, состоящие из водных испарений, висят наверху, то есть на небе.

Бренди поворачивает к Сету голову:

- Сет?

Сет отвечает:

- Аллилуйя!

Дикие маргаритки и индейские кисточки, проплывающие мимо, - это тоже гениталии, но гениталии другой формы жизни.

- В прологе к книге "Мисс Рона", изданной в 1974 году, - говорит Бренди, - Рона Барретт - в девять лет у нее уже были здоровые сиськи, и ей хотелось отрезать их ножницами, - так вот, в прологе Рона рассказывает, что она похожа на животное со вскрытым телом. С выставленными на всеобщее обозрение органами, печенью и толстой кишкой, полными жизненной энергии, блестящими, находящимися в движении. Все яркое, влажное, пульсирующее. Она говорит, что может подождать, пока кто-нибудь не зашьет ее тело, но уверена: этого никто не пожелает делать. Поэтому ей необходимо взять иглу и нитку и самой приниматься за работу.

- Какой кошмар! - морщится Сет.

- Мисс Рона никогда не употребляет слова "кошмар", - отвечает Бренди. - Мисс Рона убеждена, что существует единственный путь к обретению настоящего счастья - пойти на риск быть полностью раскрытым.

Маленькие местные пичуги - пучки пуха и перьев - самозабвенно ищут пропитание, а найдя, клюют его своими ороговелыми ртами.

Бренди поворачивает к себе зеркало заднего вида до тех пор, пока в нем не появляется мое отражение.

- Бубба-Джоан, дорогуша?

Местные птицы сооружают свои дома из того, что находят в окрестных местах. Их гнезда - нагромождение палочек и листьев.

- Бубба-Джоан, - обращается ко мне Бренди Александр. - Почему ты не хочешь пооткровенничать с нами? Откройся, расскажи нам что-нибудь.

Сет говорит:

- Помнишь, как однажды в Мизуле, когда принцесса чрезмерно с нами разоткровенничалась, она наелась суппозиторий "небадино" прямо в золотой фольге, решив, что это миндальные конфеты? А тебя когда-нибудь везли в больницу в бессознательном состоянии?

Кроны елей образуют еловые купола. Белки и другие млекопитающие животные весь день заняты тем, что ищут, с кем бы спариться. Или рожают

детенышей. Или пожирают их.

Бренди поворачивается к Сету:

- Сет, дорогой?

- Что, мама?

То, что внешне выглядит как булимия, всего лишь навсего кормление лысой орлицей своих птенцов. Бренди спрашивает:

- Зачем это нужно, пытаться соблазнить любое живое существо, которое встречается тебе на пути?

Еще один рекламный щит:

СДЕЛАЙ ОСТАНОВКУ "У НАББИ"! ОТВЕДАЙ АППЕТИТНЫЕ И АРОМАТНЫЕ ЦЫПЛЯЧЬИ КРЫЛЫШКИ!

Еще один:

"ДЭАРИ БАЙТ" - ЖЕВАТЕЛЬНАЯ РЕЗИНКА С АРОМАТОМ НЕЖИРНОЙ ПРЕЛЕСТИ ИСТИННОГО СЫРА

Сет хихикает. Сет краснеет и принимается накручивать на палец прядь собственных волос. Он говорит:

- Тебя послушать так можно подумать, я сексуально озабоченный!

О боже! Когда я рядом с ним, мне кажется, я - мужик в юбке.

- Мальчик мой! - отвечает Бренди. - Ты наверняка не помнишь и половины своих сексуальных партнеров. Вот бы еще и мне о них забыть!

Сет смотрит на мою грудь в зеркале и заявляет:

- Обычно мы спрашиваем у людей о том, как они провели выходные, лишь с единственной целью - получить возможность рассказать о собственном уик-энде.

Я размышляю. Еще несколько дней, и измельченный прогестерон доведет Сета до такого состояния, что его глаза вылезут из орбит. Я постоянно наблюдаю за ним: его лицо уже приобретает желтоватый оттенок, Сета мучают головные боли. Скоро к этому добавятся спазмы в желудке, тошнота, рвота, сильное головокружение. Я помню наизусть признаки всех уровней токсикации. Хотя зачем мне это?

На знаке справа от дороги написано:

СИЭТЛ 130 МИЛЬ

- Ну же, Бубба-Джоан, покажи нам свои блестящие, пульсирующие внутренние органы, - говорит Бренди

Александр. Наша мать и командирша. - Расскажи нам что-нибудь захватывающее, очень личное.

Бренди приказывает:

- Откройся нам. Чтобы потом защитить себя.

Она протягивает мне дощечку с листами бумаги и контурный карандаш для глаз баклажанного цвета.

Глава седьмая

Перенесемся в последний День благодарения перед моей аварией. Я еду домой, чтобы поужинать с родителями. Тогда у меня еще было нормальное лицо и я могла есть любую пищу. На столе в гостиной красивая скатерть, которую я никогда не видела или не помню, - из темно-синей парчи с кружевными краями. Мама никогда не покупает подобных вещей, поэтому я спрашиваю, кто ей ее подарил.

Мама усаживается на свое место и расстилает на коленях темно-синюю парчовую салфетку. Между нами - мной, отцом и мамой - все дымится. Сладкий картофель под соусом из зелени. Большая коричневая индейка. Булочки под ней такого цвета, что походят на курятину. Поднимаешь крыло индейки и достаешь булочку. На блюде из граненого стекла - сладкие пикули и сельдерей, политый арахисовым маслом.

- Что подарил? - спрашивает мама. Скатерть. Она потрясающая.

Отец вздыхает и втыкает нож в индейку.

- Из этой парчи мы с папой хотели сделать совсем не скатерть, - говорит мама.

Отец продолжает работать ножом, постепенно расчленяя наш ужин.

Мама спрашивает у меня:

- Тебе известно, что такое "Лоскутное одеяло для умерших от СПИДа"? [В память о жертвах СПИДа в 1986 г. был создан грандиозный объект типа лоскутного одеяла, в котором каждый лоскут был посвящен памяти отдельного человека, умершего от СПИДа]

Покажи мне потерю памяти.

Вспышка.

Дай мне других родителей.

Вспышка.

- Мама побоялась сделать что-нибудь не так, - поясняет отец. Он откручивает индюшачью ножку и начинает наполнять мясом свою тарелку.

- Когда речь идет о гомосексуалистах, следует соблюдать крайнюю осторожность, ведь каждая малость, каждая деталь у них что-нибудь да означает. В общем, мы не захотели быть неправильно понятыми.

Мама подается вперед и накладывает мне сладкого картофеля.

- Папа собирался сделать лоскут черным, - рассказывает она. - Но Шейн был голубым, и поэтому черный цвет на фоне голубого означал бы, что твой брат любил заниматься садомазохизмом, понимаешь. Эти

лоскутки существуют для того, чтобы близким умерших было легче смириться с судьбой.

- Имя Шейна стали бы читать совершенно незнакомые нам люди, - подхватывает отец. - Поэтому мы решили, что не стоит давать кому бы то ни было повод что-то домысливать.

Блюда начинают маршировать по часовой стрелке вокруг стола. Оливки. Клюквенный соус. Тыквенный пирог с творогом.

- Я хотела пришить к парче розовые треугольники, но это нацистский символ гомосексуалистов. Папа предложил вместо розовых украсить парчу черными треугольниками, но это означало бы, что Шейн был лесбиянкой. Черный треугольник выглядит как волосы на лобке у женщины.

- Потом я подумал украсить края стенда зеленым, но, как выяснилось, так оформляют память о тех, кто занимался мужской проституцией, - добавляет отец.

- Мы чуть было не сделали кайму красной, а это знак фистинга. Коричневый - цвет не то скат-секса, не то римминга, мы так и не поняли, - говорит мама.

- Желтый, - объясняет отец, - означает секс с уриной.

- Светло-голубой - обычный оральный секс, - сообщает мама.

- Белый цвет - знак анального секса. А еще белый мог бы означать, что Шейну нравилось смотреть на мужчин в нижнем белье. В чем конкретно - не помню, - произносит отец уставшим голосом.

Мама подает мне курицу.

Мы сидим за столом втроем, но у меня такое ощущение, что мертвый Шейн висит над нами.

- В конце концов мы просто махнули на эту затею рукой, - говорит мама. - А из парчи я сшила красивую скатерть.

Отец спрашивает у меня:

- Ты знаешь, что такое римминг?

Я знаю наверняка единственное: о подобном не разговаривают за праздничным столом.

- А фистинг? - интересуется мама.

Я отвечаю, что знаю. И не произношу ни слова о Манусе с его "профессиональными" порножурналами.

Мы сидим за столом, накрытым синим саваном, а индейка больше чем когда бы то ни было смотрится не вкусным кушаньем, а убитым животным, запеченным и разрезанным на куски. Ее внутренние органы до сих пор можно различить: вот сердце, вот желудок, вот печень. В подливке - вареные жир и кровь. Цветы, нарисованные на краях блюда, выглядят как

украшения гроба.

- Передай, пожалуйста, масло, - просит меня мама и поворачивается к отцу. - А ты знаешь, что такое фельчинг?

Это уже слишком. Шейн мертв, но ему уделяют столько внимания, сколько никогда не доставалось бедняге при жизни. Мои предки еще удивляются, почему я так редко приезжаю домой. Именно потому. Этот проклятый разговор о сексуальных отклонениях за ужином в День благодарения! Я еле выношу его! Шейн то, Шейн се! Как все это ни печально, но в том, что произошло с моим братом, нет моей вины. Хотя я знаю, что родители так не считают.

А правда заключается в том, что Шейн разрушил нашу семью. Шейн был ничтожным и отвратительным, а сейчас его нет. Он мертв. А я хорошая и покорная, но меня игнорируют.

Тишина.

Произошло вот что.

Мне было четырнадцать лет. Кто-то по ошибке выбросил в мусорное ведро новый аэрозольный баллончик с лаком для волос. Сжигать отбросы входило в обязанности Шейна. Ему было пятнадцать. Он вываливал кухонный мусор в горящий контейнер. Произошел взрыв. Несчастный случай.

Тишина.

Сейчас мне хочется единственного - чтобы мои родители завели речь обо мне. Я рассказала бы им о том, как мы с Эви снимались в последнем рекламном ролике. Что у меня все идет отлично. Что я встречаюсь с парнем по имени Манус. Но нет. Живой или мертвый, Шейн до сих пор сосредоточивает на себе все родительское внимание. Это приводит меня в бешенство.

- Послушайте, - выдаю я. Накопленная в моей душе обида вырывается наружу. - Я, я - ваш второй, живой ребенок. Я - все, что у вас осталось. Может, подарите мне хоть немного любви и заботы?

Тишина.

- Фельчинг, - говорю я, понизив голос, - фельчинг - это когда мужчина трахает тебя в задницу, не надев резинки, кончает и высасывает из твоего заднего прохода собственную теплую сперму. Вместе со всем, что к ней примешивается - смазкой и испражнениями. Вот что такое фельчинг. Он может быть дополнен страстным поцелуем в рот, во время которого твой партнер отдает тебе все, что только что высосал.

Тишина.

Покажи мне самообладание.

Покажи мне спокойствие.

Покажи мне сдержанность.

Вспышка.

Сладкий картофель как раз такой, какой я люблю - сахарный на вкус, с корочкой наверху. А тыквенный пирог немного суховат. Я подаю маме масло.

Отец откашливается.

- Мне кажется, - говорит он, - под словом "фельчинг" мама подразумевала нечто совершенно другое.

Фельчинг - это нарезанная тонкими кусочками индейка.

Тишина.

Я восклицаю:

- О!

Я говорю:

- Простите.

Мы едим.

Глава восьмая

Даже не думайте, что я когда-нибудь расскажу предкам о своей аварии. Что буду, заливаясь слезами, кричать в телефонную трубку, а потом описывать им, как пуля отсекла мне нижнюю часть лица, как я пришла в кабинет оказания неотложной помощи.

Я не намеревалась делать ничего подобного. Я сообщила им в письме, что еду в мексиканский город Канкун сниматься для каталога "Эспри".

Шесть месяцев веселья, песчаных пляжей, высасывания кусочков лайма из бутылок с мексиканским пивом. Парни обожают глазеть на девчонок, когда те облизывают бутылочные горлышки. На девчонок в купальниках.

Парни.

Она любит одежду от "Эспри" - это пишет моя мама в ответном письме. Ей интересно, не будет ли у нее возможности получить скидку на покупки к Рождеству. Я ведь снимаюсь для каталога.

Прости меня, мама. Прости меня, Господи.

Будь самой красивой, пишет мама. Целуем. Любим.

Чаще всего гораздо проще никому не рассказывать, что у тебя проблемы. Мои родители, они называют меня

Мальком. Я была для них Мальком, пока на протяжении девяти месяцев находилась у мамы в животе. И после появления на свет осталась Мальком. Ехать от моего дома до родительского каких-то два часа. Но я практически никогда их не навещаю. Даю им таким образом понять, что они ничегошеньки не должны обо мне знать. Однажды мама прислала мне такую записку:

С твоим братом по крайней мере все ясно. Его нет в живых.

Мой мертвый брат. Король крикета. Лучший из лучших во всем. Первоклассный игрок в баскетбол. Он был таким до шестнадцати лет, до того момента, пока тест на стрептококковое воспаление горла не выявил у него гонорею. Уже тогда я сознавала, что ненавижу своего братца.

Не думай, что мы тебя не любим, пишет мама в одной из записок. Мы просто не показываем того, что чувствуем.

Истерики действенны лишь тогда, когда их кто-то наблюдает. Ты знаешь, что делать, чтобы выжить.

Родители, узнай они о случившемся со мной, достали бы меня своими "как же это ужасно!". Сначала они долго охали бы над тем, как люди

расступились перед кабинетом врача, увидев меня. Потом - над тем, как закричала францисканская монашка. И над тем, как полиция фотографировала мое лицо.

Перенесемся в детство, когда ты - пузатый карапуз и ешь только жидкие смеси. Ты идешь, шатаясь, к кофейному столику. Тебя держат собственные ноги - эти венские сосиски, которые, кажется, вот-вот переломятся. Надо устоять. Наконец ты добираешься до столика и - бац! - ударяешься своей большой нежной детской головенкой об угол.

Ты уже на полу... И, о господи! Господи, господи! Как же больно!

Вообще- то все не так уж и страшно, если к тебе уже несутся мама и папа.

О, наша маленькая! Наша терпеливая девочка!

Только тогда ты раздражаешься рыданиями.

Перенесемся к Бренди, ко мне и к Сету, поднимающимся наверх к Спейс Нидл[Спейс Нидл - огромное здание, похожее на иглу] в Сиэтле, штат Вашингтон. Если не принимать в расчет того случая, когда мы притормозили у дороги и я сбегала за чашечкой кофе для Сета - со сливками, сахаром и климарой - и кока-колой без льда, это наша первая остановка после канадской границы. Одиннадцать часов. Спейс Нидл закрывается в полночь.

Сет говорит, что в мире существует два типа людей.

Бренди Александр хотела сначала найти хорошую гостиницу с парковочной площадкой, где моют автомобили, и номерами с ванной, выложенной плиткой. Возможно, мы успели бы вздремнуть перед тем, как Бренди отправилась бы продавать медикаменты.

- Предположим, что ты принимаешь участие в игре-шоу, - говорит Сет, продолжая разговор о двух типах людей. Он уже свернул с автострады, и теперь мы едем во тьме между складскими помещениями, ориентируясь на огни Спейс Нидл, проглядывающие сквозь каменные постройки. - И выигрываешь. В качестве приза тебе предлагают выбрать или набор мебели для гостиной из пяти предметов фирмы "Бройхилл" стоимостью три тысячи долларов, или десятидневное путешествие по красивейшим местам Европы.

Большинство людей, утверждает Сет, предпочли бы мебель поездке.

- Просто в награду за свои старания человек желает иметь нечто такое, что можно показать другим. Вспомните фараонов с их пирамидами. Поэтому-то, если у выигравшего даже уже есть именно такой набор мебели, какой предлагают в качестве приза, он все равно выберет его, а не путешествие.

На улицах в центре Сиэтла не видно припаркованных на стоянку машин. Люди сидят по домам, смотрят телевидение. Или сами являются телевидением, если верить в Бога.

- Я покажу вам, где закончилось будущее, - говорит Сет. - Я хочу, чтобы мы с вами были такими людьми, которые выбрали бы поездку в Европу.

По мнению Сета, будущее закончилось в 1962 году на всемирной ярмарке в Сиэтле. А в ней заключалось то, что мы должны были унаследовать: попадание всего человечества на Луну в течение ближайшего десятилетия; асбест - наш чудо-друг; создание сверхмира, совмещающего атомную энергетику с пережитками старины. Мира космической эпохи, в котором с верхних уровней с квартирами - летающими тарелками Джетсонов на нижний с магазинчиком "Бон Марше", где продаются дамские шляпы, можно добраться по монорельсовой дороге.

Все - и гениальные разработки, и результаты многочисленных исследований, и ошеломительный успех, к которому обещал привести проект, - все это так и осталось здесь.

В Спейс Нидл.

В научном центре с кружевными куполами и светящимися шарами, развешанными тут и там. С монорельсом, покрытым алюминием. Такой должна была быть наша жизнь. Сет предлагает:

- Пойдемте туда, прокатимся. Спейс Нидл разобьет ваши сердца своими квартирами со служанкой-роботом Розы, машинами, похожими на НЛО, и кроватями-тостерами, которые по утрам выплевывают спящих.

Сет говорит:

- Джетсоны сдали Спейс Нидл Флинстоунам. Фреду и Вилме, ну, вы помните. Под раковиной на кухне вместо помойного ведра у них живет поросенок. Вся их мебель сделана из кости и камня, а абажуры сшиты из тигриной шкуры. Пылесосит Вилма фиолетовым слоненком.

Здесь было наше будущее - будущее пищи из сыра, будущее пенопласта и клубной медицины на Луне, и ростбифов, подаваемых в тюбиках, как зубная паста.

- Завтрак с астронавтами! Вы только представьте себе! - восклицает Сет. - Теперь люди приходят сюда в самодельных кожаных сандалиях. Они называют своих детей Зильпа и Зевулун, как в Ветхом Завете.

Сет шмыгает носом и стирает рукой появившиеся на глазах слезы. Все это - работа эстраса. У Сета начинается предменструальный период.

- Люди, которые приходят в Спейс Нидл в настоящее время, - продолжает Сет, - насыщаются дома чечевицей. Они гуляют по развалинам

будущего, как варвары, нашедшие греческие руины, и уверяют себя, что все это - творение Господа.

Сет останавливает машину под одной из трех огромных ног Спейс Нидл. Мы выходим из своей синей обители на колесах и смотрим вверх. На нижний ресторан Спейс Нидл. На верхний ресторан, вращающийся. На смотровую площадку на самой вершине. На звезды.

Перенесемся в тот печальный момент, когда мы покупаем билеты и входим в большую стеклянную кабину лифта. Он поднимает нас на средний уровень Спейс Нидл.

Мы в стеклянно-медной клетке на вечеринке звезд. Перемещаясь вверх, я ощущаю острое желание услышать гипоаллергенную телезвездную музыку, не тронутую человеком. Нечто, порожденное компьютером, воспроизведенное на синтезаторе Муг. Мне хочется станцевать фраг на борту самолета "Трансатлантических авиалиний", летящего на Луну, перед крутыми ребятами и их подругами, поглощающими в невесомости толченую картошку и ароматные таблетки.

Мне очень этого хочется.

Я пишу свои мысли на листе бумаги и показываю его Бренди Александр. Она тут же устремляется к стеклянно-медным окнам и начинает танцевать фраг, несмотря на то, что мы еще едем вверх. Из-за перегрузки это походит на танец на Марсе, где человеческий вес увеличивается до восьмисот фунтов.

Печальной я назвала эту ситуацию потому, что парень в разноцветном форменном костюме, который управляет лифтом, портит все ощущение будущего. Всю прелесть, прелесть, прелесть момента. Он смотрит на нас так, будто перед ним щенки, каких обычно видишь сквозь витрины в загородных зоомагазинах. Щенки со слезящимися глазами по шестьсот долларов за штуку. Они такие печальные, что их всем жалко. Так жалко, что пухлые девчонки с кудрями останавливаются у окон и шепчут:

- Я люблю вас, малыши. Будущее растрчено на людей.

Перенесемся на обзорную площадку Спейс Нидл. С нее не видно стальных ног внизу, и кажется, будто ты висишь над Сиэтлом в воздухе на летающей тарелке, наполненной сувенирами на продажу. Большинство из этих шутовщин - вовсе не сувениры будущего. Они - экологические футболки и какие-то другие вещи из натуральных волокнистых крашенных тканей, которые нельзя стирать с чем-то другим. Еще здесь много пленок с записью песен китов во время спаривания. Ненавижу эти мелодии.

Бренди отправляется на поиски реликтов и артефактов будущего.

Акриловых.

Изготовленных из органического стекла.

Радия.

Алюминиевых.

Пенопластовых.

Сет приближается к перилам, подается торсом вперед и замирает над суицидными сетками и штырями. Ближайший из штырей уходит назад, в двадцать первый век.

Ветер развеивает мои волосы, и они трепещут над темнотой. И над ночным Сиэтлом. Я крепко хватаюсь за стальной поручень. Когда-то он был покрыт краской, но миллионы чьих-то чужих рук, прикасавшихся к нему до меня, давно ее стерли.

Под рубашкой Сета, склонившегося над городом, рыхлый жир. Вместо пластин мышц, когда-то сводивших меня с ума. Жир нависает над ремнем его брюк. Во всем виноват премарин. Сексуальную щетину Сета осветлила проверка. Опухли даже его пальцы.

Фотограф в моей голове говорит:

Покажи мне умиротворение.

Вспышка.

Покажи мне освобождение.

Вспышка.

Сет делает рывок, подпрыгивает всем своим водянистым телом и усаживается на поручень. Кисточки, украшающие его легкие кожаные туфли, болтаются над сетками. А галстук висит над тьмой и бездной как плоская селедка.

- Мне ничуть не страшно! - заявляет Сет, выпрямляет одну ногу и высвобождает пятку от туфли.

Та раскачивается, удерживаясь лишь на его пальцах.

Я крепче прижимаю вуали и покровы к своей шее. Люди, которые, подобно моим родителям, не знают, что со мной, наверное, подумали бы, что я делаю это просто от радости.

Сет говорит:

- В тот день, когда я пытался убить тебя и ты меня поймала, я в последний раз испытал страх.

Сет поворачивает ко мне голову и улыбается.

Я бы тоже улыбнулась, честное слово, но у меня нет губ.

Окутанная дымкой грядущего, ветром и теменью обзорной площадки Спейс Нидл, Бренди Александр, ее несравненное величество, Бренди с сувенирами будущего в руках подходит к нам с Сетом. Ее сувениры - это выцветшие открытки с обтрепанными загнутыми уголками, долгие годы

пролежавшие на крутящейся подставке из металлических прутьев. Бренди протягивает каждому из нас по пачке. На открытках - фотографии будущего, сделанные в день открытия Спейс Нидл. Вот монорельс, переполненный улыбающимися красотками в розовых мохеровых костюмах с тремя огромными пуговицами спереди. Вот детишки в полосатых футболках, вот подстриженные "под ежик" светловолосые космонавты, стремительно идущие по направлению к научному центру. Тогда еще работали фонтаны.

- Расскажите миру, что пугает вас больше всего, - велит Бренди.

Она дает нам по контурному карандашу для глаз баклажанного цвета и говорит:

- Спасите мир, дав ему ценный совет из будущего. Сет что-то пишет на обратной стороне открытки и протягивает ее Бренди.

- Лишь немногие, - читает Бренди, - победив в телеигре, выберут в качестве приза поездку во Францию. Большинство предпочтет получить сушилку для выстиранного белья.

Бренди заверяет написанное печатью - целует открытку своими графитовыми губами - и бросает ее в воздух. Ветер подхватывает картонный прямоугольник и уносит его в сторону взмывающих ввысь высоток делового центра Сиэтла.

Сет подает Бренди следующую открытку, и Бренди читает:

- Телеигры придуманы для того, чтобы мы спокойнее относились к случайным и бесполезным остаткам от полученного нами образования.

Поцелуй - и открытка летит в направлении озера Вашингтон.

Сет протягивает Бренди очередное послание миру.

- Будущее превратилось из надежды в угрозу. Когда это произошло?

Поцелуй - и ветер несет открытку к Балларду.

- Только тогда, когда мы сожрем эту планету, Бог подарит нам другую. Мы запомнимся потомкам не тем, что создали, а тем, что разрушили.

Вдали вьется змеей Интерстейт-5. Отсюда, с вершины Спейс Нидл, ответвления дороги, ведущие на юг, кажутся красными фонарями охотников. Ведущие на север - белыми.

Я беру открытку и пишу:

Я так сильно люблю Сета Томаса, что вынуждена его уничтожить. Я получаю огромную компенсацию, преклоняясь перед ее величеством. Сет никогда меня больше не полюбит. Ни он, ни кто бы то ни было другой.

Бренди ждет, что я вручу ей послание и она зачитает мои страхи всему миру.

Но я не отдаю ей открытку.

А целую ее сама губами, которых у меня нет, и дарю ветру. Тот весело подхватывает легкую картонку и поднимает вверх, вверх, вверх, прямо к звездам. Неожиданно открытка замирает на мгновение в воздухе, стремительно падает и приземляется на суицидную сетку.

Пока я наблюдаю за тем, как мое будущее попадает в металлическую ловушку, Бренди читает еще одну записку от Сета.

- "Все мы умеем сами себя успокоить".

Я пишу другое послание и отдаю его Бренди.

Когда мы не знаем, кого нам ненавидеть, в нас появляется ненависть к себе.

Восходящий поток поднимает с суицидной сетки мои самые сильные страхи и уносит их прочь. Сет пишет, и Бренди читает.

- "Во мне нет ничего первоначального. Я - совместное усилие всех тех, кого я когда-то знал".

Я пишу, и Бренди читает.

- "Тот, кого ты любишь, и тот, кто любит тебя, никогда не могут быть одним человеком".

Перенесемся к нам, возвращающимся домой с Луны, - к Сету, Бренди и ко мне. Мы танцуем фраг на вечеринке в невесомости, в стеклянномедной клетке - лифте. Бренди складывает крупные пальцы в кольцах в кулак и говорит парню в разноцветной форме, пытающемуся остановить нас, чтобы тот успокоился.

Вновь оказываясь на земле в двадцать первом веке, мы садимся в синее гробовое нутро взятого напрокат "линкольна", собираясь отправиться в отель. На ветровом стекле белеет нечто похожее на билет. Бренди вновь выходит на улицу, берет его и опять садится в машину. Оказывается, что это вовсе не билет, а одно из посланий из будущего, наших посланий.

Может, это мои самые глубокие страхи, думаю я с замиранием сердца.

И сейчас Бренди прочтет вслух:

"Я так сильно люблю Сета Томаса, что вынуждена его уничтожить..."

Да, я получаю огромную компенсацию. Но никто и никогда больше не захочет сблизиться со мной. Ни Сет. Ни родители. Того, у кого нет губ, нельзя даже поцеловать. О, любите меня, любите меня, любите меня, любите меня, любите меня, любите меня, любите меня! Я буду, кем хотите.

Бренди Александр держит открытку в своей крупной руке. И читает написанное на ней про себя. Потом кладет ее в сумку. Принцесса, принцесса!

- Такими темпами мы никогда не доберемся до будущего, - говорит она.

Глава девятая

Перенесемся в тот день, когда Бренди бросает в воздух над моей головой что-то мерцающее и кабинет логопеда у меня перед глазами окрашивается в золотистые тона.

Бренди говорит:

- Это вуаль.

Она кидает что-то другое, похожее на цветной туман, и мой мир становится красно-зеленым, расплывчатым.

- Шелковый жоржет, - объявляет Бренди.

И достает из плетеной корзинки для шитья, стоящей у нее на коленях, что-то искрящееся.

Мы одни. В кабинете логопеда, запертом изнутри. На стене - плакат с котенком. Вокруг меня все яркое, с мягкими очертаниями. Я вижу знакомые предметы в новом свете, словно смотрю на них через звездный фильтр. Все углы и грани стерты или размыты зеленью и золотом, отовсюду льется флуоресцентный свет.

- Вуали, - говорит Бренди, когда разноцветные дымки опускаются на меня. - Ты должна выглядеть так, будто хранишь кучу секретов. Если ты собираешься выходить во внешний мир, не позволяй людям видеть твое лицо, мисс Святое Терпение.

- Тогда можешь появляться где угодно, - продолжает и продолжает она. Никто не показывает людям, кто он такой на самом деле.

- Если последуешь моим советам, тебе опять откроется дорога в нормальную жизнь, - говорит Бренди.

Просто для того, чтобы узнать о человеке правду, надо максимально к нему приблизиться, а это практически невозможно.

- Короче говоря, твое спасение - вуали и покровы, - произносит Бренди.

Заботливая принцесса - а она именно такая, - Бренди Александр никогда не спрашивает, как меня зовут по-настоящему. Ее не интересует, какое мне дали имя при рождении. Мисс Командирша с Несгибаемой Волей называет меня по-новому и дарит мне новое прошлое. Она притягивает ко мне иное будущее и не требует ничего взамен. Только единственное - привязанность к ней. Я должна почитать ее и боготворить.

- Отныне тебя зовут Дэйзи Сент-Пейшнс, что означает чудесное святое терпение, - говорит мне она. - Ты - заплутавшая в суете жизни наследница

дома Сент-Пейшнс - суперсалона высокой моды. В этом сезоне мы демонстрируем шляпы. Шляпы с вуалью.

Я спрашиваю:

- Еахих гиак хи?

- Ты - последняя представительница одного старинного французского рода, - отвечает Бренди.

- Гдан аиха геклхих?

- Ты выросла в Париже, потом попала в школу, находящуюся на попечении монахинь, - говорит Бренди.

С воодушевлением принимаясь за работу, модельер Бренди Александр достает из корзины розовый тюль,

кружево и салфетку кроше, кладет все это мне на голову и начинает драпировать.

- Ты можешь не краситься, - говорит Бренди. - И даже не умываться. Хорошая вуаль - все равно что солнцезащитные очки с зеркальными стеклами, только она закрывает все твоё лицо.

- Хорошая вуаль, - продолжает Бренди, - дарит тебе удивительное чувство постоянной защищенности. Ощущение уединения. Таинственности.

Она набрасывает на меня желтый газовый шифон. Укладывает в складки нейлоновую ткань с красным узором, улегшуюся поверх газа. Вообще-то в тесном мире, в котором мы живем, где людям достаточно взглянуть на тебя один раз, чтобы многое о тебе понять, хорошая вуаль - действительно очень полезна. Она - тонированные окна в твоём лимузине. Не внесенный в список номер твоего лица. Спрятавшись под покровом, ты можешь быть кем угодно. Например, кинозвездой. Или святошей. Густая вуаль как будто говорит:

Нас не представили вам должным образом.

Ты - приз за дверью номер три.

Прекрасная дама или тигрица.

В нашем мире, где уже никто не умеет хранить тайны, хорошая вуаль гласит:

Спасибо за то, что не лезете ко мне в душу.

- Не беспокойся, - говорит Бренди. - Все остальное решится само собой.

Говорят, на все воля Божья.

Я никогда не рассказывала Бренди Александр о том, что выросла рядом с фермой. С фермой, на которой разводили свиней. Дэйзи Сент-Пейшнс, приходя каждый день домой из школы, была обязана вместе с

братом кормить поросят.

Покажи мне тоску по дому.

Вспышка.

Покажи мне воспоминания о счастливом детстве.

Вспышка.

Какое слово послужит антонимом "волшебству"?

Бренди никогда не задавала мне вопросов о родителях. Не спрашивала, живы они или мертвы, и если живы, то почему не просиживают целыми днями рядом со мной и не кусают локти.

- Твои мать и отец, Рейнер и Онория Сент-Пейшнс, были убиты террористами - ненавистниками моды, - говорит Бренди.

Вообще- то до того, как я повстречала Бренди Александр, моим отцом был совсем другой человек. Каждую осень он возил свиней на рынок. А летом постоянно разъезжал на своем грузовике по всему Айдахо и окраинам других штатов, расположенных выше и левее нашего, и скупал в булочных нераспроданную выпечку, уже негодную для употребления в пищу -фруктовые пироги и кексы с кремовой начинкой, бисквитные булки, наполненные ненатуральными сливками, и огромные куски черт знает чего, посыпанные выкрашенной в ярко-розовый цвет кокосовой стружкой. А еще не проданные вовремя торты для именинников, засохшие праздничные пироги с поздравительными надписями - "Мамочке в День матери", "Будь моим Валентином".

Отец до сих пор привозит все это домой и сваливает в огромную кучу или складывает в полиэтиленовые мешки. Я ненавидела носить свиньям эту гадость.

Мой отец, о котором Бренди Александр не желает ничего знать, прибегает к одной хитрости - пичкает своих животных черствыми кексами и пирогами за две недели до того, как они попадают на рынок. Питательных веществ в старой выпечке практически не остается, поэтому хрюшки сжирают все до последней корки.

Отец везет на продажу трехсотфунтовых свиней, девяносто фунтов веса каждой из которых - набитая непереваренными отходами толстая кишка.

Я говорю:

- Куне хиунух гу куиоа.

- Нет, - заявляет Бренди, подносит к моему лицу свой длиннющий толстый указательный палец-хот-дог, на котором красуются целых шесть колец для коктейля, и медленно машет им то в одну, то в другую сторону.

Я не произношу более ни звука.

- Ни слова, - велит Бренди. - В тебе до сих пор слишком крепки воспоминания о прошлой жизни. Разговаривать сейчас не имеет для тебя никакого смысла.

Она достает из плетеной корзины кусок белой шелковой тонкой материи с золотым греческим узором - настоящее чудо, и накрывает им мою голову.

На мне еще одна завеса. Мир отдаляется от меня все дальше и дальше.

- Угадай, кто занимается изготовлением подобных узоров на шелке? - говорит Бренди.

Материя настолько невесомая, что, когда я вдыхаю и выдыхаю, она легонько колыхнется. Я не ощущаю ее ни ресницами, ни даже кожей сверхчувствительного лица.

В Индии, рассказывает Бренди, в процессе производства подобных тканей задействуют группы из нескольких детей-вегетарианцев пяти-шести лет. Эти дети целыми днями сидят на деревянных скамейках и заняты работой.

- Говорят, что за этим занятием никогда не увидишь ребенка старше десяти лет, - говорит Бренди. - Потому что к этому возрасту практически все из них становятся слепыми.

Площадь шелкового покрывала, которое Бренди только что достала из корзины и накинула мне на голову, наверное, не меньше шести квадратных футов. А цена ему - потерянное зрение бедных детишек. Испорченные жизни, загубленное детство.

Покажи мне сострадание.

Вспышка.

Покажи мне сочувствие.

Вспышка.

О, мне хочется умереть.

Я произношу:

- Хсог жикс гл эиухн хинк.

- Нет, нет, - говорит Бренди.

Она не одобряет деяний эксплуататоров детского труда. Кусок этого шелка продавали на распродаже.

Заточенная в плен тончайшего покрывала, окруженная облаком органы и жоржета, я размышляю над ситуацией, в которой оказалась. Мне больше и больше нравится задумка Бренди. А то, что никто не станет теперь лезть в мою душу, дает мне право тоже ни о ком не беспокоиться.

- Только не волнуйся, - говорит Бренди. - На тебя И сейчас будут обращать внимание. Твои сиськи - сногшибательные. И попка отличная.

Ты всего лишь не можешь разговаривать.

Людям жутко хочется найти разгадки ко всем тайнам, уверяет меня Бренди. Особенно любознательны мужчины. Им непременно нужно побывать на каждой горе, везде оставить свой след. Свою отметину. Пописать на каждое дерево. А потом забыть о нем.

- Под вуалями и покровами ты - великая загадка, - говорит Бренди. - Большинство парней будут готовы на что угодно, лишь бы узнать, кто ты. Некоторые посчитают, что ты нереальная. Конечно, найдутся и такие, кто вообще не пожелает тратить на тебя время.

На свете существуют фанатики, атеисты и агностики.

Если тебе встречается человек, у которого всего лишь повязка на одном глазу, ты загораешься желанием взглянуть под эту повязку. И увидеть, что тебя просто надувают. Или же поглазеть на скрывающийся от посторонних ужас.

Фотограф в моей голове говорит:

Покажи мне голос.

Вспышка.

Покажи мне лицо.

Бренди остановила свой выбор на маленьких шляпках с вуалью. И больших шляпах с вуалью. Шляпах-оладьях и шляпах-домиках, с пришитыми к краям облаками тюля и газа. Парашютного шелка, или тяжелого крепа, или сеток, усыпанных синельными помпонами.

- На свете нет ничего более скучного, - говорит Бренди, - чем неприкрытая нагота.

Вообще- то есть еще кое-что, добавляет она. Честность.

- Взгляни на все это как на забаву. Мои вуали и покровы - изысканное нижнее белье для твоего лица, - произносит Бренди. - Ночная сорочка с огромными разрезами, при помощи которой ты подчеркиваешь свою неповторимость.

Мое "паршивое" прошлое Бренди тоже относит к скучнейшим вещам.

Она никогда ни о чем меня не спрашивала.

Какой бы непроходимой мошенницей ни была эта особа, мы встречаемся с ней вновь и вновь в кабинете логопеда, и каждый раз она рассказывает мне что-нибудь новое о моей жизни.

Глава десятая

Перенесемся в тот момент, когда Бренди Александр укрывает меня одеялом. Я лежу на кровати в гостиничном номере в Сиэтле. Эта ночь - ночь Спейс Нидл, ночь, когда будущее не наступает. Вокруг ног Бренди и ее тонкой талии, похожей на узкую горловину песочных часов, обмотаны несколько ярдов черного тюля. Тонкая полупрозрачная материя окутывает ее огромный бюст и петлей покрывает рыжеволосую голову. И все это великолепие, склоняющееся надо мной, поблескивает бледными огнями. В этом наряде Бренди походит на летнюю ночь.

Фальшивые бриллианты - не пластиковые, которые штампуют в Калькутте, а австрийские, изготовленные из хрусталя умелыми руками эльфов из Шварцвальда, - эти маленькие звездочки с Рейна рассыпаны по всему черному тюлю, который надела на себя Бренди. Лицо ее королевского величества - светлая луна на ночном небе, опустившаяся ко мне, чтобы пожелать спокойной ночи. В моей комнате выключен свет. Работает телевизор, расположенный напротив кровати. Хрустальные звездочки Бренди, изготовленные вручную, переливаются всеми цветами, которые телевизионщики старательно показывают нам.

Сет прав. Телевидение действительно делает меня Богом. Я могу наблюдать за кем хочу, и каждый час на смену одной жизни на телеэкране приходит другая. Здесь, в реальности, часто все происходит иначе.

- Я всегда буду любить тебя, - говорит королева ночного неба, и мне становится понятно, какую открытку она нашла на лобовом стекле "линкольна".

Постельное белье в отелях на ощупь такое же, как в больнице. С того момента, как мы встретили друг друга, минуло несколько тысяч миль, а крупные пальцы Бренди все так же заботливо расправляют складки покровов на том месте, где когда-то был мой подбородок. Мальчики и девочки, бегающие из ночных клубов в темные аллеи, где продают наркотики, меньше всего на свете желают повстречать там меня с незакрытым лицом.

Бренди говорит:

- Мы вернемся, как только распродадим все, что у нас имеется.

В дверном проеме виден силуэт Сета. Если смотришь на него отсюда, с моей кровати, он выглядит на фоне неново-зеленых, серых и розовых тропических листьев, изображенных на обоях в холле, сногшибательным

супергероем. Плащ, длинный черный кожаный плащ, который надел Сет, плотно облегает его плечи и спину, а от пояса книзу расширяется, поэтому походит на накидку.

Быть может, в те моменты, когда Сет целует королевский зад Бренди Александр, он нисколько не притворяется. Наверное, они по-настоящему влюблены друг в друга и отдаются своим чувствам, когда меня нет поблизости.

Лицо, обрамленное черным тюлем, которое склоняется надо мной, поражает насыщенностью красок. Кожа

вокруг графитового рта покрыта изобилием розового. Глаза - ядовито-баклажанные. Даже сейчас, когда комната освещена лишь экраном включенного телевизора, эти краски смотрятся чересчур яркими, интенсивными, кричащими. Жгучими. Вспоминаются персонажи каких-то мультфильмов.

У манекенов в модных магазинах такие же лица. С чрезмерно баклажанными глазами и слишком сильно выделенными розово-ржавыми румянами щеками. Для воображения ничего не остается.

Может, именно это нравится мужчинам? Мне хочется, чтобы Бренди Александр поскорее ушла.

Я мечтаю остаться наедине с Сетом. Страстно желаю, чтобы он засунул пальцы мне в рот, чтобы раздвинул рукой мои колени и стал с восхищением меня рассматривать.

- Если захочешь что-нибудь почитать, - говорит Бренди, - можешь взять книгу о мисс Роне Барретт. Она в моей комнате.

Я мечтаю, чтобы от того, как меня натерла щетина Сета, мне было больно писать. Сет спрашивает:

- Ты идешь?

Рука в кольцах и перстнях бросает пульт дистанционного управления телевизором на мою кровать.

- Пойдем, принцесса, - торопит Бренди Сет. - Ночь скоро кончится.

Единственное, чего я хочу, так это смерти Сета. Чтобы он стал жирным, обрюзгшим, не уверенным в себе и пугливым. Если он меня не желает, я мечтаю тоже не желать его.

- Если с нами что-нибудь случится - сцапают копы или что-нибудь еще, - говорит мне луна, - деньги у меня в косметичке.

Человек, которого я люблю, уже вышел из номера. Отправился разогревать мотор машины. Человек, пообещавший всю жизнь любить меня, желает мне спокойной ночи и тоже удаляется, плотно закрывая за собою дверь.

Перенесемся в прошлое, в тот день, когда Манус, мой жених, Манус Келли, агент сыскной полиции, который бросил меня, сказал:

- Родители - они как Бог. Тебе важно знать, что мать и отец всегда с тобой, что одобряют твои действия и поступки. Тем не менее ты звонишь им, только когда попадаешь в беду или в чем-то нуждаешься.

Вернемся в Сиэтл, ко мне, лежащей в кровати с пультом дистанционного управления. Я нажимаю кнопку и отключаю звук телевизора.

На экране три человека на стульях на невысокой сцене перед аудиторией. Когда каждого из них показывают крупным планом, внизу появляется надпись - имя и еще несколько слов, которые в первое мгновение воспринимаешь как фамилию. Слова эти кратко говорят зрителю о том, что за человек перед его глазами. Они похожи на прозвища индейцев - Хезер Быстрые Ноги Бизона... Триша Лунный Охотник.

Кристи Пила человеческую кровь.

Роджер Жил с мертвой матерью.

Бренда Съела своего ребенка.

Я переключаю канал.

Я переключаю канал.

Я переключаю канал и вижу других трех людей:

Гвен Работает проституткой.

Невиль Был изнасилован в тюрьме.

Брент Спал со своим отцом.

Люди по всему миру рассказывают другим о случившейся в их жизни единственной трагедии, а также о том, как им удалось преодолеть это страшное испытание. Теперь они живут прошлым, а не настоящим.

Я нажимаю кнопку, возвращаю Гвен, работающей проституткой, голос и слушаю ее проститутские разглагольствования.

Разговаривая, Гвен подается вперед и оживленно размахивает руками. Она смотрит куда-то вверх, вправо. Не на камеру. Я знаю, что там установлен монитор. Гвен наблюдает за собой.

Она сжимает пальцы в кулаки, оставляя выпрямленным только один - указательный на левой руке. Потом медленно переворачивает кисти таким образом, что ее ногти оказываются сверху, в центре внимания.

- ...чтобы быть в состоянии защитить себя, большинство девушек, работающих на улице, отламывают небольшой кусочек бритвы и приклеивают его под ноготь. Потом красят ногти лаком, и лезвия не видно.

Гвен, наверное, что-то не нравится в изображении на мониторе. Она хмурится и откидывает назад огненно-рыжие волосы, обнажая уши в

жемчужных серьгах.

- А когда девочки попадают в тюрьму, - обращается к себе Гвен, глядя в монитор, - или теряют былую красоту и привлекательность, некоторые из них используют бритву для перерезания собственных вен.

Я опять лишаю Гвен, работающую проституткой, голоса.

Я переключаю канал.

Я переключаю канал.

Я переключаю канал.

Нажав на кнопку шестнадцатый раз, я вижу на экране чудесную молодую женщину в обтягивающем

фигуру вечернем платье с блестками. Она улыбается и выбрасывает в дымовую трубу фабрики "Ням-ням" мясные отходы.

Эви и я. Мы с ней снимались в этом ролике. Он - один из тех, которые похожи на настоящую телепередачу, хотя длятся не так долго. На экране появляется другая девушка в блестящем платье. С серебряным подносом в руках. Она пробирается сквозь толпу северян и туристов со Среднего Запада и предлагает парочке в одинаковых гавайских рубашках выбрать канапе с ее подноса. Парочка и все остальные люди, наряженные в одежды из двухфонтурного кругловязаного полотна, смотрят куда-то вверх, вправо. Не на камеру.

Там установлен монитор.

Выглядит странно, но происходит следующее: все снимающиеся в рекламе пялят глаза на собственное изображение в мониторе, пялят глаза на собственное изображение в мониторе, пялят глаза на собственное изображение в мониторе. Они замкнуты в кольцо реальности, которая никогда не закончится.

В глазах девушки с подносом - линзы неестественно зеленого цвета. Ярκο-красная помада выступает за настоящие контуры ее губ. Ее густые светлые волосы подняты вверх, поэтому плечи не кажутся такими ширококостными. Канапе на подносе, который она крутит перед носами собравшихся, - крекеры, нагруженные мясными субпродуктами. Девушка продвигается вперед, в центр студии, ярко освещенный прожекторами. У нее ненатурально зеленые глаза и светлые волосы. Это моя лучшая подруга, Эви Коттрелл.

Конечно, это Эви. А это Манус. Он выступает вперед и своим обалденным внешним видом отделяет Эви от толпы. Манус, агент сыскной полиции, берет с подноса крекер, нагруженный мясными продуктами, и кладет его между своих искусственных зубов. И жует. И запрокидывает красивую голову, зажмуривая глаза - волшебные голубые глаза. Потом

крутит головой из стороны в сторону и глотает. Внимание зрителя сосредоточивается на его квадратном мужественном подбородке.

Черные густые волосы, как у Мануса, напоминают о том, что голова человека покрыта рудиментарным мехом. Вот такой этот Манус - сексуальный волосатый пес.

Мануса показывают крупным планом. Теперь он смотрит прямо в камеру. Его глаза выражают любовь и полное удовлетворение. Дежа-вю. Манус выглядел точно так же, когда спрашивал у меня, достигла ли я оргазма.

Потом Манус поворачивается и дарит свой неподражаемый взгляд Эви, а остальные люди все смотрят в другую сторону - на себя в мониторе, на себя в мониторе, на себя в мониторе, и на Мануса, с любовью и удовлетворением улыбающегося Эви.

Эви тоже улыбается Манусу. Губами, на которых ярко-красная помада выходит за их натуральные контуры. А я - малюсенькая блестящая фигурка на заднем плане. Я виднеюсь над плечом Мануса, я далеко, у трубы из органического стекла на самом верху фабрики "Ням-ням".

И почему я была такой тупой?

Хочешь покататься на яхте?

Конечно.

Мне давно следовало догадаться о том, что происходит между Манусом и Эви.

Даже сейчас, лежа в кровати в номере отеля через год после того, как все закончилось, я сжимаю пальцы в кулаки.

Я ведь могла просмотреть этот глупый ролик и тогда сразу поняла бы, что Эви и Манус закрутили грязный романчик, что пытаются выдать его за настоящую любовь.

Что ж, теперь я все знаю. Мне давно известно об их связи. И ролик этот я просматриваю уже, наверное, в сотый раз. Я вижу в нем только себя. Реальность - это круг. Петля, которая никогда не закончится.

Камера перемещается к первой девушке, к той, которая на сцене. Это я. Я такая красивая! Я демонстрирую на телевидении замечательную способность фабрики производить легкие закуски, и я ошеломительно красивая. Черт побери, я потрясающе красивая.

Отключенный голос за кадром вещает о том, как фабрика "Ням-ням" может принять от вас любые мясные субпродукты - языки, сердца, губы или гениталии, - переработать их, приправить и, уложив на крекеры, преподнести вам в виде трефы, пики или бубны, как пожелаете.

Я лежу на кровати и плачу.

Бубба- Джоан. У нее отстрелена челюсть.

У меня за спиной тысячи миль. Я кем уже только не была. А история остается прежней. Почему чувствуешь себя полным придурком, если смеешься, находясь один в комнате? Но плач обычно заканчивается именно смехом. Как так получается, что ты постоянно видоизменяешься, но продолжаешь быть все тем же смертоносным вирусом?

Глава одиннадцатая

Перенесемся в тот день, когда меня выписали из больницы. Я потеряла работу, жениха, квартиру и была вынуждена ночевать в большом доме Эви, ее настоящем доме, где не нравилось жить даже ей самой. Там, в лесу, жутко одиноко, и никому нет до тебя дела.

Я лежу на спине на кровати Эви в эту первую ночь своей новой жизни и не могу заснуть.

Ветер треплет занавески, занавески из кружева. Вся мебель Эви украшена завитушками в стиле французской провинции и покрыта белой и золотой красками. Луны на небе нет, но полно звезд, поэтому все вокруг - дом Эви, изгородь, едва проглядывающая сквозь кусты роз, занавески в спальне, тыльные стороны моих рук, лежащих поверх одеяла, - все черное или серое.

Дом Эви - нечто такое, что купила бы любая девушка из Техаса, если бы родители постоянно выдавали ей по миллиону долларов. Наверное, Коттреллы знали, что их наследнице никогда не стать супервыдающейся моделью. Поэтому Эви и живет здесь. Не в Нью-Йорке. Не в Милане. А в пригороде, непонятно где. Ее место в модельном мире тоже трудно определить. Во всяком случае, ей никогда не демонстрировать наряды, созданные парижскими модельерами. Жить в каком-нибудь глухом уголке - именно то, что требуется ширококостной девушке, которая никогда и ни в чем не достигнет высот.

Двери заперты. Кот в спальне. Когда я смотрю на него, он тоже на меня смотрит и как будто улыбается. Так же умеют улыбаться некоторые собаки. И машины.

В тот день после обеда Эви сама позвонила мне в больницу и упростила выписаться и приехать к ней.

Дом Эви - большое трехэтажное здание белого цвета с зелеными рамами и жалюзи на окнах и мощными фасадными колоннами. Плющ и вьющиеся розы - желтого цвета - обвивают на десяток футов нижнюю часть каждой из колонн. Так и кажется, что вот-вот у этого дома появится Эшли Уилкс и примется косить траву. Или что окно с двойным переплетом распахнет сам Ретт Батлер.

У Эви всего три раба - работники по дому, согласившиеся на небольшую зарплату, эмигранты из Лаоса. Остаться здесь на ночь они не желают.

Перенесемся в тот момент, когда Эви везет меня домой из больницы. На самом деле она - Эвелин Кот-трелл, Инкорпорейтед. Нет, правда.

Коттреллы постоянно пытаются кому-нибудь продать свою Эви. Но большинство принимающих ее агентств спустя некоторое время заявляют, что намерены прекратить сотрудничать с ней.

Когда Эви был двадцать один год, вся ее техасская родня, владеющая землями и нефтью, вложила в ее модельную карьеру огромные деньги. Несмотря на то, что прекрасно понимала: из их девочки ничего не выйдет.

В большинстве случаев, приходя с Эви на демонстрацию моделей одежды, я попадала в ужасно неловкую ситуацию. Как только мы начинали работать, руководитель отделения художественного оформления рекламы или стилист начинали кричать, что на их профессиональный взгляд объемы Эви не точно соответствуют шестому размеру. Обычно все заканчивалось тем, что кто-нибудь из ассистентов выводил Эви за дверь, а та отчаянно сопротивлялась.

- Не позволяй им обходиться с собой как с куском мяса! - орала она мне. - Посылай их всех к черту! К черту, слышишь?

Я не обращала на нее особого внимания. И с удовольствием позволяла утягивать себя невероятным кожаным корсетом от Пупи Кадол и облачалась в узкие штаны от "Хромовых сердец". Жизнь тогда была замечательной. Я работала по три часа в день. Иногда по четыре или по пять.

В дверях фотостудии, прежде чем позволить ассистенту стилиста вышвырнуть себя вон, Эви обычно собиралась с силами и откидывала его в сторону. Паренек ударялся о дверную ручку и корчился от боли. А Эви вопила:

- Ни один из вас недостоин даже слизывать дерьмо с моей сладкой техасской задницы!

Потом она уходила и целых три, а иногда четыре или пять часов ждала меня на улице у своего "феррари".

Эви, эта Эви была самой лучшей моей подругой. Причудливая и забавная, она жила какой-то странной, непохожей на другие жизнью.

Об их романе с Манусом, об этой пламенной любви и удовлетворении я ничего не знала.

Убейте меня.

Перенесемся в тот день, когда Эви позвонила мне в больницу и упростила выписаться и приехать к ней. Ей-де страшно одиноко.

Предел суммы страховки моего здоровья - два миллиона долларов, а я пролежала в больнице все лето. Я должна была выписаться.

Уговаривая меня по телефону, Эви сообщила, что у нее уже есть билет на самолет. Она собиралась лететь на съемки в Канкун и хотела, чтобы я присмотрела за ее домом.

Сев к ней в машину, я написала на листе бумаги:

на тебе мой топик? ты же понимаешь, что растягиваешь его?

- Я попрошу тебя только об одном - кормить моего кота, - говорит Эви. не представляю, что я буду делать в этой глуши, пишу я. и никогда не понимала, как ты можешь жить так далеко от города.

Эви отвечает:

- Если у тебя под кроватью винтовка, кажется, что ты не одна.

Я пишу:

некоторые девушки борются с одиночеством при помощи фаллоимитатора.

Эви восклицает:

- Эй! На что ты намекаешь? В такие отношения со своей винтовкой я не вступаю!

Итак, Эви улетает в Канкун, в Мексику. Я заглядываю под ее кровать и нахожу там винтовку тридцать какого-то калибра с оптическим прицелом. В ее платяных шкафах на проволочных вешалках висит то, что осталось от моей одежды - растянутые, обезображенные тряпки.

Перенесемся ко мне, лежащей в кровати. Полночь. Ветер треплет занавески, занавески из кружева. Кот, услышав чьи-то шаги на дорожке, посыпанной гравием, прыгает на подоконник и выглядывает в окно. Потом поворачивает голову и смотрит на меня. Снизу раздается звук бьющегося стекла.

Глава двенадцатая

Перенесемся в канун Рождества, последний перед моей аварией. Я еду домой, чтобы получить подарки и рассмотреть их вместе с предками. На Рождество мои родители из года в год ставят одну и ту же кричаще-зеленую искусственную елку. Когда гирлянды на ней горят слишком долго, воздух наполняется отвратительной вонью - так пахнут горячие полимеры, и от этого начинает болеть голова, как при гриппе.

Елка вся в огнях и блестках и увешана нашими старыми игрушками - красными и золотыми. А еще на ней пряди серебряного пластика, насыщенного статическим электричеством. Его называют дождиком. На самой верхушке все тот же кошмарный ангел с резиновым кукольным лицом. Его волосы скручены в сосульки и отвратительны на ощупь - если к ним прикоснуться, кожа начинает зудеть. На магнитофоне лежит альбом Перри Комо. Мое лицо еще нормальное, поэтому перспектива петь рождественские гимны меня ничуть не смущает.

Мой брат Шейн мертв, и я не жду, что получу много внимания. Просто хочу, чтобы праздник прошел тихо и спокойно. В этот период мой друг Манус сходит с ума оттого, что потерял работу. Поэтому я и уезжаю и планирую дня два не показываться ему на глаза. В этом году мы решили не делать друг другу больших подарков - мама, папа и я. Наполним твой рождественский сапожок, сказали мне родители, этим и ограничимся.

Перри Комо поет:

"Все вокруг говорит о приближении Рождества".

На камине висят сапожки из красного войлока, которые давным-давно мама сшила для меня и Шейна. На каждый сверху донизу нашиты буквы из белой материи - наши имена. Оба сапожка чем-то набиты. Рождественское утро. Все мы сидим у елки. У отца в руке наготове складной карманный нож. Им он всегда перерезает ленточки на подарках. Мама держит большую коричневую картонную сумку.

- Давайте условимся: оберточную бумагу будем складывать сюда, а не раскидывать по всему полу.

Мама и папа сидят на стульях с откидными спинками. А я - на полу у камина. Сапожки висят прямо у меня перед носом. Каждое Рождество проходит у нас именно по такому сценарию: родители с чашками кофе в руках внимательно наблюдают за мной и ждут моей реакции, а я на полу. Мы все еще в пижамах и в халатах.

Перри Комо поет:

"Я буду дома на Рождество".

Первое, что я достаю из сапожка, - маленький медвежонок коала, которого можно прицепить лапками к карандашу. Наверное, своим родителям я представляюсь чем-то подобным. Мама подает мне кружку горячего шоколада.

Я говорю:

- Спасибо.

Под малышом коалой коробочка. Я вытаскиваю ее.

Родители наблюдают за мной, затаив дыхание, держа в руках чашки с кофе.

Перри Комо поет:

"О, все, кто верует!"

В коробочке - презервативы.

Отец - он сидит прямо у елки, нашей волшебной, блестящей красавицы - поясняет:

- Мы не знаем, сколько партнеров в год у тебя бывает, но решили, что обязаны позаботиться о твоей безопасности.

Я кладу презервативы в карман халата и смотрю в кружку с шоколадом. И бормочу:

- Спасибо.

- Они из латекса, - сообщает мама. - Имей в виду: лубриканты, изготовленные не на водной основе, снижают его прочность. Поэтому такие смазочные вещества, как вазелин, растительные масла, кулинарный жир и большинство кремов, применять не рекомендуется. Хотя в твоём возрасте вряд ли приходится беспокоиться о смазках, - говорит она. - Мы решили не покупать тебе презервативы из бараньих кишок. В них есть мелкие поры, которые пропускают ВИЧ.

Я достаю из своего сапожка вторую коробочку. Это опять презервативы. На упаковке указан их цвет: телесный. О боже! Обозначено также, что они без запаха и вкуса.

О презервативах без вкуса мне известно практически все.

- Было проведено специальное расследование, - говорит отец. - Большая часть зараженных ВИЧ - горожане. Поэтому опрашивали именно городских жителей, гетеросексуалов. Опрашивали по телефону. В ходе этого расследования выяснилось, что многие люди стесняются покупать презервативы.

"Считаешь, приятнее получать их от Санта-Клауса?" - думаю я. И мычу в ответ: - Угу.

- Помимо СПИДа существует множество других зараз! - восклицает мама. - Нельзя забывать и о гонорее. О сифилисе. О вирусе папилломы человека. А также о генитальных бородавках и кондиломах.

Она вопросительно смотрит на меня.

- Ты наверняка знаешь, что презерватив следует надевать на половой член сразу после наступления эрекции? Я накупила бананов, несмотря на то, что сейчас они страшно дорогие. Подумала, если тебе требуется практика, они просто необходимы.

Это ловушка.

Если я отвечу: "Да, конечно, я натягиваю резинки только на возбужденные члены", - папочка заведет длинную поучительную речь о нравственности. Если скажу: "нет", тогда буду вынуждена все Рождество напояливать презервативы на купленные мамой бананы.

Папа говорит:

- Мама права. Кроме СПИДа на свете существует несчетное количество других мерзостей. Например, вирус простого герпеса второго типа. При этом заболевании на гениталиях появляются болезненные пузырьки.

Он смотрит на маму.

- Боль ужасная, - произносит она.

- Боль ужасная, - повторяет папа. - Другие симптомы - повышение температуры, выделения из вагины, болезненное мочеиспускание.

Он опять смотрит на маму.

Перри Комо поет:

"К городу приближается Санта-Клаус".

Под следующей коробкой презервативов лежит еще одна коробка презервативов. Черт побери, думаю я. Наверное, предки хотят, чтобы я не испытывала нужды в резинках до самого климакса.

В этот момент больше всего на свете мне хочется, чтобы был жив мой брат. Тогда я собственноручно придушила бы его за то, что он испортил мне Рождество.

Перри Комо поет:

"На крыше дома..."

Мама говорит:

- Не менее страшен гепатит Б. - Она смотрит на папу. - А еще...

- Хламидия, - подсказывает он. - И, конечно, лимфогранулема.

- Верно, - подтверждает мама. - Ужасны также слизисто-гнойный цервицит и негонорейный уретрит.

Папа глядит на маму и добавляет:

- Но эти заболевания возникают обычно как аллергическая реакция на латексный презерватив или спермицид.

Мама отпивает немного кофе и некоторое время смотрит на собственные руки, в которых чашка. Потом поворачивается ко мне.

Я сижу на прежнем месте.

- Мы с папой хотим одного, - говорит она, - убережь тебя от беды, не повторить ту ошибку, в результате которой мы потеряли твоего брата.

Я достаю из сапожка очередную пачку презервативов. Перри Комо поет: "В полночь все стало понятно". На упаковке написано: "...подходят даже для длительного анального сношения..." Папа говорит:

- Мы забыли упомянуть о венерической гранулеме и о бактериальном вагинозе. - Он поднимает руки и молча пересчитывает что-то, загибая пальцы. Потом проделывает то же самое еще раз. - А еще о контагиозном моллюске.

Некоторые из презервативов белые. Другие - разноцветные. На одной коробочке написано: ребристые. Если в таком в тебя входят,входят, чувствуешь себя, наверное, как хлеб под зубчатым лезвием ножа. На второй упаковке указано: светятся в темноте, на третьей - увеличенного размера.

В каком- то смысле мне даже приятно: по-видимому, мои предки считают, что у мужчин я пользуюсь бешеным успехом.

Перри Комо поет:

"О, приди, о, приди, Эммануэль".

- Мы не хотим тебя запугать, - говорит мне мама, - но ты молода. Думать, что по ночам ты спишь одна, было бы глупо с нашей стороны.

- Кстати, - вставляет папа, - причиной бессонницы могут служить острицы.

- Мы не должны допустить, чтобы ты повторила судьбу брата, - договаривает мама.

Мой брат мертв, тем не менее у него тоже есть сапожок, набитый подарками. И в нем наверняка не презервативы.

Мой брат мертв, но я уверена, что в данную минуту он наблюдает за нами. И заходится от смеха.

- Что касается остриц, - продолжает папа, - ночью их самки перемещаются по толстой кишке к околоанальной области, чтобы отложить там яйца. Если к прямой кишке человека, страдающего энтеробиозом, приложить кусочек клейкой ленты, к нему приклеится острица. Длиной некоторые из них достигают четверти дюйма! Если рассмотреть эту гадость под микроскопом... Мама морщится:

- Боб, прекрати!

Папа наклоняется ко мне.

- Запомни одно: десять процентов мужчин в нашей стране страдают этим заболеванием, - говорит он вполголоса. - Заразиться им от кого-то из них - пара пустяков.

Почти все, чем наполнен мой сапожок, - презервативы. В коробочках, в пакетиках из фольги - отдельных круглых или прямоугольных, скрепленных в длинные ленты.

Но есть в нем и два других подарка: свисток, чтобы позвать кого-нибудь на помощь в случае столкновения с насильником, и банка спрея, мейс. Я чувствую себя так, будто вокруг меня сосредоточилось все самое жуткое. И боюсь, что родители преподнесут мне какой-нибудь еще подарочек. Например, фаллоимитатор, с которым я смогу забавляться каждую ночь, не выходя из дома.

Перри Комо поет:

"Обожаю Рождество".

Я смотрю на сапожок Шейна, все еще набитый подарками, и спрашиваю:

- А что вы приготовили для Шейна?

Если тоже презервативы, они ему больше не понадобятся, думаю я.

Мама и папа переглядываются.

- Ответь ты, - просит маму отец.

- Мы решили, что подарки Шейна должны достаться тебе, - говорит она.

Перенесемся в тот момент, когда я жутко растеряна. Покажи мне доходчивость.

Покажи мне разум. Покажи мне соответствие. Вспышка.

Я протягиваю руку и открепляю сапожок Шейна от камина. Он набит смятыми салфетками.

- Загляни вовнутрь, - говорит папа.

Среди салфеток я нахожу запечатанный конверт.

- Вскрой его, - произносит мама.

В конверте отпечатанное письмо. На самом верху написано: "Спасибо".

- Это подарок обоим нашим детям, - поясняет отец. Я читаю письмо и не верю собственным глазам.

- Вместо того чтобы покупать тебе большой подарок, - говорит мама, - мы сделали вклад от твоего имени в международный фонд исследования СПИДа.

Я нащупываю в смятых салфетках второй конверт.

- А это, - комментирует папа, - подарок тебе от Шейна.

О, я этого не вынесу, думаю я.

Перри Комо поет:

"Я видел, как мама целует Санта-Клауса".

Я говорю:

- Мой хитроумный мертвый братик, черт возьми, как же он внимателен!

Я говорю:

- Ему не следовало, на самом деле не следовало так беспокоиться обо мне. Может, было бы лучше, если бы он наконец забыл о самоотречении и начал существовать так, как подобает мертвому. Или перевоплотился бы.

Я говорю:

- Наверняка его стремление убедить всех в том, что он не умер, - явление нездоровое.

Про себя я не скуплюсь на смачные выражения. В этом году мне безумно хотелось получить к Рождеству новую сумку "Прада". В том, что в мусорном ведре взорвался тогда этот проклятый аэрозольный баллончик с лаком для волос, не было ни капли моей вины.

После взрыва Шейн вошел в дом шатающейся походкой. Его лоб на глазах становился черно-синим. В машине "скорой помощи" он мог видеть уже лишь одним глазом, второй опух и заплыл. Его лицо с каждой разрывавшейся внутри венкой раздувало все больше и больше. До самой больницы мой брат не произнес ни слова.

Не было моей вины и в том, что, взглянув на Шейна, работники больничной социальной службы с бранью и упреками накинулись на нашего отца. Подумали, увечье Шейна - результат его жестокого обращения с ребенком. Следствие отсутствия заботы родителей о собственном чаде.

Я была абсолютно невиновна и в том, что за расследование дела взялась полиция. Что человек, изучающий условия жизни неблагополучных семей и лиц, нуждающихся в материальной или моральной поддержке, начал опрос наших соседей, школьных друзей и учителей. Что в конце концов все стали смотреть на меня как на несчастное создание, достойное сочувствия.

Я сижу со своими рождественскими подарками, для использования которых мне не хватает пениса, и думаю о том, что никто не знает, чем закончилась эта история.

Она закончилась крахом нашей семьи.

Когда расследование, в ходе которого ничего не удалось доказать, завершилось, да, да, уже тогда нашего семейства не стало. А окружающие

и по сей день уверены, что это я выбросила в мусорное ведро аэрозольный баллончик с лаком для волос.

Поэтому- то и считают меня виновной во всем, что за этим последовало. Во взрыве. Во вмешательстве в дела полиции. В побеге Шейна из дома. В его смерти.

А я ни в чем не виновата.

- Вообще-то, - говорю я, - если бы Шейн по-настоящему захотел сделать мне подарок, тогда он воскрес бы из мертвых и купил бы для меня новый шкаф. В таком случае я действительно считала бы, что это мое Рождество - счастливое. И смогла бы искренне поблагодарить Шейна.

Молчание.

Я достаю из сапожка второй конверт.

Мама говорит:

- Мы решили, что это тебя порадует.

- От имени твоего брата, - поясняет отец, - мы оплатили твое вступление в организацию "ПиФлэг".

- Какой еще флэг? - спрашиваю я.

- Родители и друзья лесбиянок и геев, - расшифровывает мама.

Перри Комо поет:

"Дом - вот лучшее место для проведения праздников".

Молчание.

Мама поднимается со стула и объявляет:

- Я схожу за бананами, которые купила специально для тебя.

Она говорит:

- Мы с папой хотим удостовериться, что ты вне опасности. Поэтому нам не терпится увидеть, как ты пользуешься нашими рождественскими подарками.

Глава тринадцатая

Перенесемся в дом Эви, в ту самую полночь, когда я ловлю пытающегося прикончить меня Сета Томаса.

Я без челюсти, мое горло заканчивается некой дыркой. Из нее торчит язык. Вокруг дырки зарубцевавшаяся ткань: темно-красные блестящие шишки, похожие на вишни в вишневом пироге.

Когда я опускаю язык, можно увидеть мое нёбо, розовое и гладкое, как внутренняя сторона спинки краба. Его обрамляют болтающиеся белые корни верхних зубов, напоминающие подковы.

Чаще всего мое лицо закрыто вуалью, но в некоторые моменты они мне абсолютно ни к чему.

Я ошеломлена. В огромный дом Эви в полночь врывается Сет Томас - этого я никак не ожидала.

Сет поднимает голову и видит меня, спускающуюся по винтовой лестнице в холл. На мне персиково-розовый пеньюар Эви, сшитый из шелково-кружевного полотна. Полосы кружева и полосы шелка расположены по косой. Кружево скрывает мое тело настолько же, насколько целлофановый пакет скрывает запакованную в него замороженную индейку. Низ рукавов и внутренние края бортов пеньюара отделаны озонной дымкой из страусовых перьев, точно таких же, какими украшены тапочки, которые сейчас на мне.

Сет неподвижно стоит у основания лестницы, как будто замороженный. В его руке лучший нож Эви - шестнадцатидюймовый. На голове у него ее колготки.

Укрепленный хлопковой тканью ромб, который должен находиться на промежности Эви, красуется на лице Сета. Чулки свисают вниз и смотрятся в его созданном по принципу смещения и подгонки солдатском костюме подобно ушам кокер-спаниеля.

А я кажусь ему видением. Шаг за шагом я спускаюсь вниз. Я приближаюсь к направленному на меня острию ножа походкой манекенщицы, участвующей в вегасском ревю.

О, я восхитительна! Фантастична!

Я сама суть сексуальности.

Сет стоит на месте как вкопанный. И смотрит на меня, затаив дыхание. Он до смерти перепуган. А все потому, что у меня в руках винтовка Эви.

Ее приклад вдавлен в мое плечо, а ствол устремлен вперед.

Перекрестие наведено прямо в центр укрепленного хлопком ромба колготок Эви Коттрелл.

Мы с Сетом одни в холле Эви - холле с окнами из стекла с фаской. Окна у парадного разбиты.

На потолке хрустальная австрийская люстра. Когда она включена, то ослепительно сверкает, как дешевые украшения на платье. Из мебели в холле всего одна вещь - небольшой белый с золотом столик в стиле французской провинции.

На нем телефон цвета слоновой кости с золотой трубкой - огромной, как саксофон. В центре круглой панели с кнопками - камея.

Наверняка Эви считает, что эта штукавина - само роскошество.

Держа нож перед собой, Сет говорит:

- Я не собираюсь причинять тебе вред.

Я продолжаю спускаться с лестницы величавой поступью манекенщицы. Шаг. Пауза. Шаг. Сет произносит:

- Давай договоримся, что ни один из нас не умрет. Дежа-вю, думаю я.

Именно так Манус спрашивал, достигла ли я оргазма. Я имею в виду не слова, а интонацию.

Сквозь укрепленный хлопковой тканью ромб Сет выкрикивает:

- Я виноват перед тобой лишь в одном: в том, что спал с Эви!

Дежа-вю.

Хочешь покататься на яхте?

Эта фраза была произнесена точно таким же тоном.

Сет разжимает руку, нож падает вниз и буквально в полудюйме от его ноги, обутой в военный ботинок, входит острием в паркетный пол холла Эви.

Сет говорит:

- Может, Эви сказала, что это я отстрелил твою челюсть? Она лжет, клянусь.

На столике рядом с телефоном лежит блокнот для записей и карандаш. Сет говорит:

- В ту самую секунду, когда мне стало известно, что с тобой произошло, я понял: в тебя стреляла Эви.

Удерживая винтовку одной рукой, я пишу другой в раскрытом блокноте:

сними колготки.

- Я хочу сказать, что ты не должна меня убивать, - произносит Сет, хватаясь за пояс колготок. - Я - всего лишь причина, из-за которой Эви в тебя выстрелила.

Я медленно приближаюсь к Сету, подцепляю пояс колготок дулом винтовки и сдергиваю их с его квадратно-челюстной головы.

Это тот самый Сет Томас, который в Ванкувере Британской Колумбии будет Альфой Ромео. А до Альфы Ромео - Нэшем Рэмблером, Бергдорфом Гудманом, Ниманом Маркусом, Саксом Пятая Авеню и Кристианом Диором.

Тот Сет Томас, который задолго до получения этого имени был Манусом Келли, моим женихом.

Я не говорила вам правды до настоящего момента, так как хочу, чтобы вы лучше поняли, что я испытываю. И что творится у меня в сердце.

Мой жених намеревался меня убить. И даже сознавая это, я продолжала любить Мануса. Я до сих пор люблю Сета.

Мне казалось в ту ночь, что в меня все-таки вонзили нож. Настолько больно было понимать, что, несмотря на все пережитые беды, я все еще чересчур ранима.

В ту самую ночь началась наша совместная кочевая жизнь, жизнь, которая однажды заставила Мануса Келли превратиться в Сета Томаса. А в промежутке между Манусом и Сетом, в Санта-Барбаре, в Сан-Франциско, в Лос-Анджелесе, в Рино, в Бойсе и в Солт-Лейк-Сити этот парень носил другие имена. За период, прошедший с той ночи по сегодняшний вечер, когда я лежу в кровати в Сиэтле и все еще люблю его, Манус был Лансом Копрелом и Чейзом Манхэттенем. А еще Дау Корнингом, Геральдом Трибьюном и Моррисом Коудом.

И все благодаря проекту "Свидетели перевоплощения Бренди Александр", как она сама его называет.

Столько разных имен, но все они принадлежали когда-то Манусу Келли, человеку, пытавшемуся меня убить.

Сколько разных личностей, но все они обладали сногсшибательной внешностью агента сыскной полиции Мануса Келли. У них у всех были обалденные голубые глаза.

"Ты не должна меня убивать" и "Хочешь покататься на яхте?" - обе эти фразы произнес один и тот же человек. Человек, у которого поменялась прическа, но волосы которого всегда сексуально густые и похожи на жесткую собачью шерсть.

Сет Томас - это Манус. Манус обманывал меня, изменяя мне с Эви, но я до сих пор так сильно его люблю, что готова добавить любое количество конъюгированных эстрогенов в его пищу. Я люблю его настолько безрассудно, что мечтаю его уничтожить.

Конечно, вы подумаете, что я должна быть более разумной. Ведь

когда-то я была студенткой колледжа. И к настоящему моменту могла бы стать врачом.

Прости меня, мама.

Прости меня, Господи.

Перенесемся в ту минуту, когда я чувствую себя безумно глупой, прижимая к уху огромную золотую телефонную трубку-саксофон. Имени Бренди Александр, неудобной многим королевы, не указано в телефонном справочнике. А мне известно лишь то, что она живет в центре города в многоквартирном номере "Конгресс Отеля" с тремя соседями:

Китти Литтер.

Софондой Питере.

И жизнерадостной Вивьен ВаВейн.

Известными также как сестры Рей, тремя трансвеститами, боготворящими роскошную королеву и готовыми убить друг друга за дополнительный кусочек пространства в платяном шкафу.

Все это рассказала мне Бренди.

Мне следует позвонить ей, но я набираю номер родителей, предварительно закрыв своего жениха-убийцу в нише для верхней одежды. В этой нише, кстати говоря, я увидела множество своих шмоток, тоже растянутых и превращенных в ничто. А ведь именно в одежду я вложила когда-то все деньги, которые заработала.

Я запираю Мануса на ключ и чувствую, что должна кому-нибудь позвонить.

Возвращаться в кровать мне ни в коем случае нельзя. Вот я и звоню. Мой звонок раздается в удаленном от меня на несколько пустынных районов и лесной массив доме. Отвечает папа.

Я говорю своим чревовещательным голосом, стараясь избегать согласных, для произнесения которых необходима челюсть:

- Герк орх корк, эрх гаирк. Хик. Эрг, кох герхох аиргих? Гиги!

Я понимаю, что телефон мне больше не помощник. Папа отвечает:

- Не вешайте, пожалуйста, трубочку. Я приглашу к телефону жену.

Я слышу, как папа удаляется от телефона и говорит маме:

- Лесли, скорее просыпайся! До нас добрались-таки ненавистники сексуальных меньшинств.

До меня доносится отдаленный голос мамы:

- Я не буду с ними разговаривать. Скажи им, что мы любили и берегли нашего сына-гомосексуалиста.

Сейчас ночь. Я разбудила обоих своих родителей. Я говорю:

- Лот. Орхог. Я говорю:

- Гехра их ка альк. Гехра их ка альк!

- Минуточку, - отвечает отец. Я слышу, как он кричит маме:

- Лесли, может, ты все же подойдешь к телефону? Трубка-саксофон невероятно тяжелая. Я наклоняюсь и опираюсь локтями на стол.

За моей спиной из ниши с верхней одеждой вопит Сет:

- Прошу тебя, не звони в полицию, пока мы не поговорили с Эви!

Из телефонной трубки звучит женский голос:

- Алло?

Это моя мама.

- Наш мир настолько огромен, что всем нам хватает в нем места. Мы должны любить друг друга, - говорит она. - В сердце Господа хватает тепла для каждого из его детей. В том числе и для геев, лесбиянок, бисексуалов и транссексуалов. То, что некоторые люди получают удовольствие только от анального секса, вовсе не означает, что им чужда любовь.

Она делает паузу и продолжает:

- Я чувствую, что вы сильно страдаете. Быть может, я в состоянии вам помочь?

Сет орет:

- Я не собирался тебя убивать! Я пришел расквитаться с Эви за то, что она сделала с тобой!

В трубке слышится шум воды в унитазе и голос моего отца:

- Ты до сих пор разговариваешь с этими ненормальными?

Мама отвечает ему:

- Все это просто ужасно! Мне показалось, один из них только что пригрозил нас убить!

Сет пронзительно кричит:

- Я уверен, что в тебя стреляла именно Эви!

Из трубки раздается голос папы. Он гремит так громко, что я вынуждена отдалить трубку от уха.

- Это вы, вы должны быть мертвыми, а не наш Шейн! Наверняка вы и убили его, проклятые изверги!

Сет горланит:

- Нас с Эви связывал лишь секс!

Мне можно просто удалиться из комнаты, предварительно подав Сету телефон. Сет продолжает надрываться:

- Умоляю, только не думай, что я хотел всадить нож в тебя, спящую!

Мой отец ревет в телефонную трубку:

- Только попробуй это сделать, ублюдок! Имей в виду, у меня есть

пистолет! Я немедленно его заряжу и буду круглые сутки держать при себе!

Он кричит:

- Отныне мы больше никому не позволим мучить нас! Мы даже горды тем, что являемся родителями мертвого гомосексуалиста!

Сет орет:

- Пожалуйста, никому не звони! Я говорю:

- Ахк! Оага!

Папа бросает трубку.

Теперь мне некого звать на помощь. Помочь себе могу только я сама. Рассчитывать на лучшую подругу или жениха или врачей и монашек - все это теперь не для меня. Остается полиция, но к ней я, возможно, обращусь позднее.

Еще не время втискивать все это безумие в строгие рамки закона. Еще не время начинать привыкать к своей новой безликой и мерзкой жизни, которую жизнью и не назовешь.

В моей голове полный кавардак. Окружает меня та же неразбериха. И я не знаю, что делать.

Но вот ко мне приходит странное спокойствие. Я ощущаю, что хочу продлить свою драму. У меня такое впечатление, что я способна на что угодно. И что все только начинается.

Моя винтовка заряжена.

И у меня есть первый заложник.

Глава четырнадцатая

Перенесемся в тот день, когда я навещаю родителей в последний раз перед несчастным случаем. Я еду к ним накануне своего дня рождения.

Шейн по-прежнему мертв, и я не ожидаю подарков. Я практически не надеюсь, что для меня приготовят праздничный торт. В этот последний раз я еду домой только с одной целью - повидаться с предками.

У меня еще есть рот, поэтому перспектива задувать свечи меня не пугает.

Родительский дом, коричневый диван и стулья с откидными спинками в гостиной - все выглядит как обычно. Изменился лишь вид окон. На них задернуты шторы, хотя только начало темнеть.

Мое внимание привлекли и три другие странные вещи. Во-первых, на воротах я увидела вывеску "Злая собака" и предупреждение о том, что дом защищен сигнализационной системой. Во-вторых, мамина машина, которая обычно стоит во дворе, сегодня в гараже. В-третьих, парадная дверь заперта на засов, которого раньше не было.

Когда я ступаю на порог, мама жестом велит мне поторопиться.

- Держись подальше от окон, Малёк. По сравнению с прошлым годом в этом году количество наших недоброжелателей возросло на шестьдесят семь процентов.

Она говорит:

- После наступления темноты следи за тем, чтобы твоя тень не падала на занавески. Тогда обнаружить твоё местоположение с улицы будет невозможно.

Ужин мама готовит при свете фонарика. Когда я открываю духовку или холодильник, она, охваченная паникой, подскакивает ко мне и тут же захлопывает передо мной их дверцы.

- Внутри холодильника и духовки яркий свет. Открывая их, ты помогаешь преступникам определить, где мы находимся, - говорит она. - На протяжении последних пяти лет жестокость ненавистников геев не знает пределов.

С работы возвращается папа. Машину он оставляет где-то на удалении от дома. До нас доносится звук его шагов и лязганье ключей.

Мама замирает от ужаса и вцепляется мне в плечи, не позволяя выйти в прихожую. Раздается стук в парадную - три отрывистых и быстрых удара и два медленных.

Мама вздыхает с облегчением.

- Это он, - говорит она. - Но прежде чем открывать дверь, все равно посмотри в глазок.

Папа входит в дом, с опаской оглядываясь через плечо на темную улицу. По дороге проезжает машина.

- "Ромео танго фокстрот" шестьсот семьдесят четыре, - бормочет он. - Быстро запишите это.

Мама берет в руки ручку, склоняется над блокнотом для записей у телефона и пишет.

- А какая марка? Модель? - спрашивает она, записав то, что сказал папа.

- "Меркурий", голубого цвета, - отвечает он. - "Соболь".

Мама восклицает:

- Все это может пригодиться!

Я говорю, что они уделяют чересчур много внимания несущественным вещам. Папа качает головой:

- Не пытайся убедить нас в том, что наше положение не столь серьезное.

Перенесемся в ту минуту, когда я начинаю жалеть, что приехала домой. Перенесемся в то мгновение, когда мне хочется, чтобы Шейн был жив. Если бы он только мог видеть, что происходит с нашими родителями!

Папа проходит в гостиную и первым делом выкручивает из люстры лампочку, которую я вкрутила. Шторы на венецианском окне задвинуты и в центре прикреплены друг к другу булавкой. Предки точно помнят, где располагается мебель. А мне приходится спотыкаться обо что-нибудь буквально на каждом шагу. Я натываюсь то на стол, то на стул. Роняю на пол вазочку с конфетами. Она разбивается. Мама взвизгивает и убегает на кухню.

Папа поднимается на ноги. Он сидел за диваном.

- У мамы нервы на пределе. Не сегодня-завтра на нас нападут эти подонки,

Мама кричит из кухни:

- Что это было? Кто-то бросил в окно камень? Или бутылку с зажигательной смесью?

Папа громко и с некоторым раздражением отвечает:

- Не паникуй, Лесли! Еще одна ложная тревога, и мы раньше времени навлечем на себя беду.

В крошечной темноте я собираю осколки вазы. Об один из них раню пальцы. И прошу папу дать мне бинт. Я стою на месте, поднимая порезанную

руку. И жду. Папа возникает из мрака, останавливается прямо передо мной и протягивает одеколон и бинт.

- Мы все задействованы в этой войне, - мрачно произносит он. - Все, кто является членом "ПиФлэга".

"ПиФлэг". Организация "Родители и друзья лесбиянок и геев".

Я знаю. Я знаю. Я знаю. Спасибо тебе, Шейн! Я говорю:

- Вам не следовало вступать в этот "ПиФлэг". Ваш сын-гей мертв, поэтому его уже можно не принимать в расчет. - Я сознаю, что мои слова звучат жестоко и причиняют отцу боль. Но я истекаю кровью. - Прости.

От одеколona порезы жжет. Теперь они туго перебинтованы. Я стою в непроглядной тьме. Папа говорит:

- Уилсоны вывесили знак "ПиФлэга" в своем дворе. А через два дня кто-то проехал на машине прямо по их газону и испортил его.

Слава богу, мои предки еще не вывесили нигде никаких знаков, думаю я.

- Мы тоже вывешивали символы "ПиФлэга" у дома, но, узнав о несчастье Уилсонов, сразу сняли их, - сообщает папа. - На стекле маминой машины приклеен стикер "ПиФлэга", поэтому теперь мы ставим ее в гараж. - Он вздыхает. - Гордиться сыном-гомосексуалистом означает постоянно пребывать в опасности.

Откуда- то из темноты раздается мамин голос:

- Ты забыл рассказать про Бредфордов. Им на крыльцо бросили горящую сумку с собачьими испражнениями. Если бы бедняги не обнаружили ее вовремя, то сгорели бы в кроватях вместе с домом. Это произошло лишь только потому, что во внутреннем дворе они вывесили разноцветный флюгер со знаком "ПиФлэга". Представляешь, Малёк, даже не в переднем, а во внутреннем дворе!

- Ненависть, - произносит папа. - Она окружает нас со всех сторон, Малёк. Ты понимаешь, что это означает?

Мама говорит:

- Пора ужинать, стойкие воины.

Она приготовила одно из блюд из поваренной книги "ПиФлэга". В общем-то пахнет оно неплохо, но как выглядит, лишь Богу известно.

Мы ужинаем в темноте. Дважды я ударяю рукой по стакану с водой, потому что не вижу его. Я сыплю соль себе на колени. Каждый раз, когда я начинаю что-нибудь говорить, предки на меня шикают.

Мама то и дело шепчет:

- Вы слышали? По-моему, на улице кто-то есть.

Я шепотом спрашиваю, помнят ли родители, какой завтра день. Не

потому, что хочу заполучить торт со свечами и подарок, мне просто интересно, не забыли ли они о моем дне рождения. Я жду ответа в странном напряжении.

- Что завтра за день? Конечно, мы помним, - произносит папа. - Именно поэтому так сильно нервничаем.

К разговору подключается мама:

- Мы собирались побеседовать с тобой о завтрашнем дне, - говорит она. - Для нас не секрет, что ты до сих пор очень страдаешь из-за брата, поэтому тебе наверняка захочется принять участие в нашей демонстрации.

Перенесемся в тот момент, когда на горизонте передо мной замаячило новое жестокое разочарование.

Перенесемся на несколько лет назад, в тот день, когда я присутствовала при свершении великого возмездия.

Наш папа орал:

- Мы не знаем, что за заразу ты приносишь в этот дом, мистер, но были бы счастливы, если бы сегодня ночью ты спал где-нибудь в другом месте!

Они называли это любовью.

Сидя за этим же самым столом, мама сказала тогда Шейну:

- Сегодня звонили из офиса доктора Питерсона. - Она повернулась ко мне. - Было бы лучше, юная мисс, если бы ты удалилась в свою комнату и что-нибудь почитала.

Я могла бы удалиться хоть на луну, но и оттуда слышала бы их крики.

Шейн и родители сидели в гостиной, а я стояла в своей комнате у самой двери. Моя одежда, большая часть одежды, в которой я ходила в школу, висела во дворе на бельевой веревке.

Я слышала, как папа прокричал:

- Нам известно, мистер, что у тебя вовсе не стрептококковое воспаление горла. Мы хотим знать, где ты ошиваешься и чем занимаешься.

- Если бы речь шла о наркотиках, мы смогли бы справиться с твоими проблемами, - заявила мама.

Шейн сидел молча. На его лице краснели уродливые шрамы.

- Если бы твоя беда заключалась в том, что от тебя забеременела девочка-подросток, мы тоже нашли бы выход из положения, - продолжила мама.

Шейн ничего не ответил.

- Доктор Питерсон сообщил, что существует практически один способ заполнения того заболевания, которым страдаешь ты, - выпалила мама. - Но я ответила: нет! Такого не может быть! Наш Шейн на подобное не

способен!

Папа сказал:

- Мы позвонили твоему тренеру, мистеру Ладлоу. По его словам, ты махнул на баскетбол рукой два месяца назад.

- Завтра тебе следует пойти в окружной департамент здравоохранения, - сказала мама.

- Сегодня! - прогремел отец. - Я не желаю терпеть его в своем доме!

Эти слова принадлежали нашему отцу.

И вот те же самые люди разыгрывают из себя добропорядочных, сердечных, добрых и любящих, те же самые люди посвящают всю свою жизнь рискованной и самоотверженной борьбе за права мертвого сына. Это те же самые люди, крики которых я слышала через дверь в своей комнате.

- Мы не знаем, что за заразу ты приносишь в этот дом, мистер, но были бы счастливы, если бы сегодня ночью ты спал где-нибудь в другом месте!

Я помню, что хотела сходить за одеждой, погладить ее и разложить по местам.

Покажи мне смысл самообладания.

Вспышка.

Я помню, что услышала, как открылась и закрылась парадная дверь. Вполне тихо, без ненужного шума. В моей комнате горел свет, поэтому, выглянув в окно, я увидела в стекле лишь собственное отражение. Я выключила лампу и вновь подошла к окну. Прямо перед ним на улице стоял Шейн. Он смотрел на меня. Его изувеченное, обезображенное взрывом лицо напоминало физиономию монстра из фильма ужасов.

Покажи мне страх.

Вспышка.

Никогда раньше я не видела своего брата курящим, но в тот момент он достал сигарету, взял ее в рот, поджег и постучал в окно.

И попросил:

- Эй, открой мне дверь. Покажи мне отказ.

Он сказал:

- Эй, здесь холодно. Покажи мне игнорирование.

Я включила лампу, и в окне опять появилось лишь мое отражение. Я задернула шторы. Шейна я никогда больше не видела.

А сегодня, когда в родительском доме не горит свет, когда окна занавешены, а парадная дверь заперта на засов, я сижу с ними на кухне и спрашиваю:

- О какой демонстрации вы ведете речь? Мама отвечает:

- О демонстрации "Гордость геев". Папа говорит:
- Мы идем с группой представителей "ПиФлэга". Они хотят, чтобы я тоже завтра маршировала. Они

хотят, чтобы я сидела вместе с ними в темноте и прикидывалась, будто уверена, что нам необходимо прятаться от внешнего мира. От ненавистного незнакомца, который замышляет напасть на нас посреди ночи. От неизвестного фатального сексуального недуга. Они хотят верить, что страшатся некоего фанатичного неприятеля гомосексуалистов. Им не кажется, что их совесть нечиста. В них живет убеждение, что я должна чувствовать себя так, словно обязана искупить перед ними свою вину.

Но ведь я не выбрасывала в мусорное ведро баллончик с лаком для волос. Я виновата лишь в том, что включила тогда в своей комнате свет.

Через некоторое время после этого где-то вдали послышались сирены пожарных машин. Я повернула голову и увидела оранжевые отсветы на занавесках. Я встала с кровати и подошла к окну. Мои одежды на бельевой веревке на улице были объаты пламенем. Мои чистые, высохшие, пропахнувшие свежим воздухом одежды. Платья, и джемперы, и брюки, и блузки - все, что я любила, пылало и разваливалось на куски. Через несколько секунд ничего не стало.

Вспышка.

Перенесемся на несколько лет вперед. Я повзрослела и уезжаю из родительского дома.

Покажи мне новое начало.

Перенесемся в ту ночь, когда кто-то звонит с телефона-автомата и спрашивает, являются ли мои предки родителями Шейна Макфарленда. Предки отвечают, возможно. Тогда им сообщают, что Шейн мертв.

Какой- то другой голос говорит звонящему: расскажи им и все остальное.

Третий голос произносит: передай им, что мисс Шейн их не переваривала, что ее последними словами были слова: пусть знают, что история еще не закончена.

Кто- то раздражается смехом.

Перенесемся к нам, сидящим в темноте на кухне, поглощающим блюдо из поваренной книги "ПиФлэга".

Папа говорит:

- Ну так что, детка, ты хочешь принять участие в завтрашней демонстрации?

Мама добавляет:

- Это чрезвычайно важно для защиты прав гомосексуалистов.

Покажи мне мужество.

Вспышка.

Покажи мне терпимость.

Вспышка.

Покажи мне мудрость.

Вспышка.

Перенесемся к действительности.

Я отвечаю:

- Нет.

Глава пятнадцатая

Перенесемся в огромный тихий дом Эви.

Час ночи. Манус прекращает вопить, и я могу спокойно обмозговать ситуацию.

Эви в Канкуне. Наверное, ждет, что ей позвонит полиция и сообщит о подозрении монстра без челюсти, оставшегося караулить ее дом, в убийстве Мануса Келли, ее тайного любовника, ворвавшегося в этот дом посреди ночи с шестнадцатидюймовым ножом.

Наверняка Эви сейчас не спит. Сидит в номере какого-нибудь мексиканского отеля и пытается вспомнить, какова разница во времени между Канкуном, куда она уехала на съемки, и забытым Богом местом, где стоит ее дом. В котором осталась я и, возможно, уже лежу мертвая.

Скажу прямо: смысленной Эви не назовешь. В сезон максимального товарооборота никому и в голову не придет проводить в Канкуне съемки. Особенно приглашать на них ширококостных девушек-ковбоев, подобных Эви Коттрелл.

Если бы я умерла, для Эви открылся бы ряд заманчивых возможностей.

Я - невидимый никто, сидящий на белом диване, обитом тканью парчового типа напротив другого такого

же дивана. Передо мной кофейный столик, похожий на глыбу малахита.

Эви спала с моим женихом, поэтому теперь я готова сделать с ней что угодно.

После просмотра фильма, в котором один из героев неожиданно становится невидимым - в результате ядерного излучения или какого-нибудь научного эксперимента, - непременно задаешься вопросом: а что сделал бы я, если бы превратился в невидимку?...

Я, например, любила представлять, что со мной случается нечто подобное. Невидимая, я тут же отправилась бы в мужскую раздевалку в "Голдз джим" или лучше в раздевалку "Окленд Рейдерз". Окинула бы этих красавцев оценивающим взглядом. А еще сходила бы в "У Тиф-фани", выбрала бы себе пару бриллиантовых диадем или что-нибудь в этом роде.

Манус не смог зарезать меня сегодня. Потерял дар речи, когда я появилась на лестнице. Подумал, что я - это Эви, что она всадила в меня пулю, когда я спала в ее кровати.

Если бы папа пришел на мои похороны, то обязательно стал бы всем рассказывать, что я мечтала вернуться в колледж и получить-таки диплом персонального тренера по фитнесу. А потом непременно пошла бы учиться на врача.

О, папа, папа, папа, папа, папочка!

Я так и не смогла сдать биологию. Потому что ничего не знала об эмбриональном периоде развития свиньи.

А теперь я труп.

Прости меня, мама.

Прости меня, Господи.

Эви стояла бы рядом с моей мамой. Рядом с моим гробом. Эви притворно пошатнулась бы и вцепилась бы в Мануса, якобы чтобы не упасть.

Из одежды Эви, несомненно, выбрала бы для меня и дала представителю похоронного бюро что-нибудь нелепое.

Итак, мои похороны. Свободной рукой Эви обнимает мою маму. А Манус не уходит с погребальной церемонии сразу же просто потому, что не желает показаться невежливым. Я лежу в гробу, обитом синим вельветом, как будто в синем нутре машины "линкольн-таун".

Благодаря Эви на мне желтое кимоно из шелка с огромными разрезами по бокам и вышитыми красными драконами в районе груди и бедер - вечерний наряд китайской наложницы. На моих ногах черные ажурные чулки.

И красные туфли на высоких каблуках.

А челюстной кости у меня нет.

Эви, естественно, говорит моей маме:

- Ей нравился этот наряд. Желтое кимоно было ее любимым.

Чуткая Эви бормочет:

- Представляю, как вам тяжело. Потерять обоих детей...

Я с удовольствием прикончила бы эту Эви.

Я заплатила бы змеям, чтобы те ее ужалили.

На мои похороны Эви надела бы черный костюм для коктейля от Рея Кавакубо: шелковую юбку с асимметричным краем и топ без бретелей. А плечи и руки покрыла бы прозрачным черным шифоном.

У Эви с собой драгоценности - крупные изумруды, подчеркивающие зелень ее глаз. А также смена аксессуаров. Так что по окончании этого мероприятия она может спокойно отправляться на танцы.

Я ненавижу Эви.

Мой удел - гнить обескровленной в этом отвратительном

трансвеститском наряде, в платье токийской розы Сюзи Вонг. Оно мне велико, поэтому работникам похоронного бюро пришлось заколоть его на спине в нескольких местах булавками.

Мертвая, я выгляжу как дерьмо.

Я выгляжу как мертвое дерьмо.

Мне хочется зарезать Эви прямо сейчас, по телефону.

Мы поставили бы урну с ее прахом где-нибудь в техасском фамильном склепе. Я сказала бы миссис Кот-трелл, что Эви действительно всю жизнь мечтала быть кремированной.

Что касается меня, я надела бы на похороны Эви то черное кожаное коротенькое платье от Джанни Версаче, плотно облегающее фигуру. И длиннющие шелковые перчатки.

Я сидела бы на заднем сиденье огромного черного траурного "кадиллака" рядом с Манусом. На моей голове красовалась бы та шляпа с черной вуалью от Кристиана Лакруа, напоминающая автомобильное колесо. Позднее я могла бы ее снять и преспокойно идти на предварительный осмотр выставленных на аукцион роскошных вещей, или на распродажу жилья, или в какой-нибудь ресторан.

А Эви была бы дерьмом. Вернее, пеплом.

Сидя одна в гостиной Эви, я беру со столика, похожего на глыбу малахита, хрустальный портсигар и швыряю его в камин из красного кирпича.

Раздается звук бьющегося стекла. Сигареты, спички и осколки разлетаются в разные стороны.

Потерянная девушка, представительница буржуазного класса, я вдруг жалею о своем поступке, встаю с дивана, подхожу к камину, опускаюсь на колени и начинаю собирать осколки и сигареты.

Эви... Ее портсигар... Почему-то мне в голову лезут мысли о представителях последнего поколения.

И спички.

Я чувствую боль в пальце. В него вонзился один из осколков - настолько тонкий и прозрачный, что я его не вижу.

Я поворачиваю руку и замечаю ослепительный блеск.

Только когда из ранки начинает струиться кровь, я разглядываю в своем пальце осколок. И вытаскиваю его. С одной стороны он ярко-красный.

Моя кровь капает на коробок из-под спичек.

О, миссис Коттрелл, Эви действительно хотела, чтобы ее кремировали.

Я беру коробок, поднимаюсь с пола, из месива осколков, сигарет и

спичек, и бегаю дом, выключая перепачканной кровью рукой все лампы и светильники. Когда я прохожусь мимо ниши для верхней одежды в прихожей, Манус кричит:

- Прощу тебя!

Но я занята обдумыванием неожиданно осенившей меня мысли.

Я выключаю свет во всех комнатах на первом этаже. Манус зовет меня. Ему нужно в туалет. Он кричит:

- Пожалуйста!

В огромном плантаторском доме Эви с мощными фасадными колоннами властвует тьма. Я ощупью пробираюсь в столовую, иду наугад вперед от двери и упираюсь в стол. У меня под ногами восточный ковер. На столе - кружевная скатерть.

Я чиркаю спичкой о стенку коробка.

Я зажигаю одну из свечей в большом серебряном канделябре.

Я чувствую себя героиней средневекового романа.

Я зажигаю остальные четыре свечи и беру канделябр в руки.

Он очень тяжелый.

На мне все тот же шелковый пеньюар со страусовыми перьями. Я, призрак умершей красивой девушки, с серебряной штуковиной со свечами иду по длинной винтовой лестнице мимо картин, написанных маслом, на второй этаж дома Эви.

Войдя в спальню Эви, красивая девушка-привидение в шелковом пеньюаре, освещенном сиянием свечей, открывает шкафы, наполненные ее же одеждой, безбожно растянутыми и приведенными в негодность этим гигантским средоточием зла - Эви Коттрелл.

Мои бедные измученные платья и свитера, и платья и слаксы, и платья и джинсы, и костюмы и туфли, и платья - почти все они изуродованы и изменены до неузнаваемости. Они умоляют меня прекратить их страдания.

Фотограф в моей голове кричит:

Покажи мне гнев.

Вспышка.

Покажи мне месть.

Вспышка.

Покажи мне полностью оправданное возмездие.

Вспышка.

Безжизненный призрак, безнадежное, абсолютное ничто - иначе меня теперь не назовешь, - я подношу канделябр к своим искалеченным одеждам. И...

Вспышка.

Передо мной разгорается настоящий ад. Ад в излюбленном гротескном стиле Эви.

Все полыхает.

Потрясающе! Я хватаю с кровати одеяло - пуховое, выполненное под старину, подношу его к огню, и оно мгновенно занимается.

Занавески, зеленые бархатные портьеры мисс Эви, вскоре воспламеняются и они.

Абажур лампы тоже горит.

Черт! Огонь подбирается и ко мне. Вот уже тлеют страусовые перья на моем пеньюаре. Я поспешно хлопаю по ним первой уцелевшей тряпкой, которая попадает мне под руку, и выхожу из спальни Эви, превратившейся в чудесную преисподнюю, в коридор второго этажа.

На этом этаже десять других спален, к каждой из них примыкает ванная. Я вхожу во все ванны. Как здорово горят полотенца. Как великолепен ад в ванной комнате! Вот "Шанель № 5". Духи вспыхивают.

Пылают картины, написанные маслом, с изображенными на них скаковыми лошадьми и мертвыми фазанами. И восточные ковры. Безвкусные композиции из сушеных цветов на столах в считанные секунды превращаются в миниатюрные геенны.

Красота!

Кукла Эви по имени Катти Кэти тает на глазах. Потом воспламеняется коллекция чучел животных Эви, купленных ею во время карнавалов. Их зовут Кути, Пучи, Пам-Пам, мистер Баните, Чучи, Пу-Пу и Ринджер - все они подвергаются массовому сожжению.

Здорово! Незабываемо!

Я вбегаю в одну из ванн и хватаю нечто, еще не объятые огнем.

Бутылочку валиума.

Я спускаюсь вниз по винтовой лестнице.

Ворвавшись в дом с намерением убить меня, Манус оставил открытой парадную дверь. Поэтому сейчас огненный ад, оставшийся позади меня на втором этаже, притягивает к себе холодный поток уличного воздуха. Этот поток плывет вверх, обтекая меня со всех сторон, задувая мои свечи. Теперь свет излучает только зажженное мной пекло. Оно дышит мне в спину и улыбается.

У меня такое чувство, что я только что получила огромную награду за какое-то грандиозное достижение.

Что я стала "Мисс Америкой".

Я спускаюсь вниз.

Ко мне приковано всеобщее внимание, и это безумно меня радует.

Манус хныкает за дверью ниши для верхней одежды. Он чувствует запах дыма.

- Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не дай мне умереть...

Можно подумать, меня еще волнует его судьба.

Манус хотел, чтобы его кремировали.

Я пишу в блокноте на столике с телефоном:

через минуту я открою дверь, но винтовка все еще у меня в руках.

а сейчас я дам тебе валиум, просуну под дверь, съешь его. если не сделаешь этого, я тебя убью.

Я вталкиваю записку в щель под дверью ниши.

Я посвящаю Мануса в свои планы. Мы выйдем из дома и направимся к его машине. Теперь мой бывший жених должен выполнять все, что бы я ему ни приказала. Если он ослушается, я расскажу полиции, что этот тип ворвался в дом, в котором я спала, поджег его и похитил меня при помощи винтовки. Я сообщу и о

грязном любовном романчике, завязавшемся между ним и Эви.

Любовном!

Когда я применяю это слово, описывая связь этих двоих, мне кажется, что у меня во рту ушная сера - до того делается гадостно.

Я ударяю прикладом винтовки по другой двери ниши. Раздается звук выстрела. Какой-нибудь дюйм - и я распрощалась бы с жизнью. В таком случае выпустить Мануса из ниши было бы некому. Его сожрало бы пламя.

Манус надсадно кричит:

- Да! Я готов выполнить все, что бы ты мне ни приказала. Только, пожалуйста, не оставляй меня на растерзание огню и не стреляй в меня! Открой дверь!

Я высыпаю на пол несколько таблеток валиума и ногой просовываю их в отверстие под дверью ниши. Потом открываю ее, держа перед собой винтовку, и отступаю назад.

Воздух все гуще наполняется сизым дымом. Манус, пошатываясь, вываливается из ниши. Его божественные голубые глаза выпучены, руки вскинута вверх.

Я приставляю ствол винтовки к его спине и подталкиваю его к выходу. Мы идем к машине.

Даже касаясь Мануса чертовой винтовкой, я чувствую, насколько он сексуален.

Я не знаю, что делать дальше. Все, что мне известно, так это то, что в настоящий момент я не нуждаюсь ни в чем определенном. Чем бы ни закончилась эта история, мне уже никогда не вернуться к нормальной

жизни.

Я запираю Мануса в багажнике "фиата спайдера". Неплохая машина. Красного цвета с откидным верхом.

Я ударяю прикладом винтовки по крышке багажника.

Груз - моя любовь - не издает ни звука. Я отмечаю, что он наверняка мечтает помочиться.

И, забросив винтовку на пассажирское сиденье, возвращаюсь в плантаторский ад Эви. В холл, который теперь не холл, а настоящая дымовая труба, ветровой туннель, по которому на второй этаж, к свету и жару, устремляется мощный поток прохладного воздуха, проходящего сквозь парадную дверь.

В холле все еще стоит столик с телефоном - золотым саксофоном. Дымом заполнен каждый угол, и сирена дымового детектора гудит так громко, что закладывает уши.

Бедная Эви! Она лежит в Канкуне, не смыкая глаз, и ждет новостей.

Я набираю номер, который она оставила. Сами догадываетесь, что Эви хватается трубку после первого же гудка.

И говорит:

- Алло?

Ей отвечает вой сирены дымового детектора и треск пламени. А еще звон люстры, раскачиваемой ветром. Больше она не слышит ничего.

Поэтому спрашивает:

- Манус, это ты?

Где- то с грохотом обваливается потолок, наверное, в столовой. Из нее в холл вылетает фейерверк -искры и горящие угли.

Эви говорит:

- Манус, перестань играть в свои дурацкие игры. Если это ты, нам не о чем с тобой разговаривать. Я ведь уже сказала, что больше не желаю тебя видеть.

В этот момент что-то бабахает прямо рядом со мной.

Это падают с потолка полтонны сверкающего, переливающегося, обработанного вручную австрийского хрусталя.

Если бы я стояла на пару дюймов ближе к центру, меня бы уже не было в живых.

Ха- ха! Ну разве это не смешно? Меня и так нет в живых.

- Послушай, Манус, - говорит Эви. - Я ведь запретила тебе мне звонить. Наберешь мой номер еще раз, и я расскажу полиции, как ты отправил мою лучшую подругу в больницу, изуродовав ей лицо. Ты меня понял?

Эви говорит:

- Ты зашел слишком далеко.

Кому мне верить - Манусу или Эви, - я не знаю. Главное, о чем мне следует позаботиться в данную минуту, так это о страусовых перьях, которые опять начали тлеть.

Глава шестнадцатая

Перенесемся на съемки на свалке - кладбище старых замызганных изувеченных автомобилей. Мы с Эви должны взбираться на эти развалюхи в узких плетеных купальных костюмах от Германа Мэнсинга.

Эви заводит разговор:

- А твой изуродованный брат, он...

Фотограф и художественный руководитель, которые работают с нами сегодня, отнюдь не мои любимые. Поэтому я отвечаю Эви:

- Что ты хочешь о нем знать? Я выпячиваю задницу. Фотограф кричит:

- Эви! Где твоя попка?

Чем уродливее наряды, которые мы демонстрируем, тем безобразнее места, где нас в них снимают. Единственный способ показать эти шмотки в выгодном свете. Мы вынуждены лазить по свалкам. Скотобойням. Цехам обработки сточных вод. Это тактика уродливых подружек невесты, при которой выглядишь неплохо только в сравнении с остальными. Однажды, когда нас снимали для "Индастри Джинс Веа", мне на протяжении всех съемок казалось, что нас вот-вот заставят целоваться с покойниками.

Корпуса этих древних, никому не нужных машин испещрены дырами с неровными проржавевшими краями. А я почти голая и силюсь вспомнить, когда в последний раз мне делали прививку от столбняка.

Фотограф опускает камеру.

- Девочки, втяните животы! Снимать вас в таком виде - только пленку переводить!

Быть всегда красивой требует все больше и больше жертв.

От одного пореза бритвой хочется плакать. Приходится удалять волосы с области бикини горячим воском.

После процедуры наполнения губ коллагеном Эви заявила, что ей уже не страшны муки ада.

Что касается ада, я говорю Эви:

- В аду мы снимаемся завтра.

Итак, вернемся к нашему художественному руководителю. Он кричит:

- Эви, попробуешь забраться повыше на этой куче, скажем, на парочку машин?

Эви на высоких каблуках, тем не менее лезет вверх. В тех местах, где можно упасть, поблескивает защитное стекло.

Эви широко улыбается, как если бы постоянно говорила "сыр", и

спрашивает у меня:

- Каким именно образом твой брат превратился в уroda?

Улыбаться по-настоящему человек в состоянии непрерывно лишь на протяжении нескольких минут. Потом он уже не улыбается, а скалит зубы.

Художественный руководитель взбирается наверх и корректирует на моих ягодицах чуть стершийся загар.

- Кто-то выбросил аэрозольный баллончик с лаком для волос в ведро, в котором мы сжигаем мусор, - отвечаю я. - Мусор поджег Шейн. Баллончик взорвался.

Эви спрашивает:

- Кто-то? Я отвечаю:

- Мне показалось, это сделала мама. Она так безумно заорала и стала тут же пытаться остановить его кровотечение.

Фотограф кричит:

- Девочки, попробуйте подняться на носочки! Эви спрашивает:

- Это был здоровый баллон лака "ХэШелл" в тридцать две унции? Наверняка твой брат лишился половины лица!

Мы обе поднимаемся на носочки. Я говорю:

- Все было не так страшно, как можно себе представить.

- Секундочку! - кричит художественный руководитель. - Мне нужно, чтобы вы расставили ноги пошире.

Он командует:

- Еще чуть шире.

Нам подают какие-то хромированные инструменты. Мой весит не менее пятнадцати фунтов.

- Это плотницкий молоток с круглым бойком, - говорит мне Эви. - И ты держишь его неправильно.

- Дорогая, - кричит фотограф, обращаясь к Эви, - не могла бы ты поднять цепную пилу чуть выше, ко рту?

Металлические останки машин разогреты солнцем. Давя на соседей своим весом, они медленно добивают друг друга.

Сюда попадают автомобили со сплюснутыми мордами, измятыми боками, изуродованными задками и впечатанными в приборную доску пассажирскими сиденьями. Многие из них искорежены и разорваны от взрыва бензобака. Они - свидетели смертей и ранений, в их памяти, быть может, до сих пор звучат сирены "скорых".

- Какая роскошь нас окружает, - говорит Эви. - Всю жизнь мечтала иметь подобную работу.

Художественный руководитель желает, чтобы мы водрузили на

обломки лежащей наверху машины свои бюсты.

- Мы постоянно растем, - замечает Эви. - А ведь раньше я думала, что быть женщиной... это не настолько досадно.

Все, о чем мечтала всю жизнь я, - так это быть в семье единственным ребенком. Фотограф восклицает:

- Отлично!

Глава семнадцатая

Сестры Рей - это трос мужчин с тощими белыми лицами, которые днями напролет просиживают в своем номере в "Конгресс отеле" в нейлоновых комбинациях и туфлях на высоких каблуках, покуривая сигареты. С их плеч то и дело спадает то левая, то правая бретелька. Они - это Китти Литтер, Софонда Питере и жизнерадостная Вивьен ВаВейн.

Их лица намазаны белыми, как яичный белок, увлажняющими кремами. Им нравится музыка "ча-ча-ча", под которую танцуют, делая быстрые и медленные шаги. Такую теперь нигде не услышишь, разве что в лифте в некоторых учреждениях.

Волосы сестер Рей, их волосы короткие и сплошь усеяны плоскими заколками. Возможно, в холодное время года они напяливают поверх заколок какие-нибудь шапки-парики. Но чаще им неизвестно, лето на дворе или осень. Шторы на их окнах никогда не раздвигаются, а в устройство для автоматического переворачивания пластинок на проигрывателе всегда вставлено с дюжину виниловых дисков с записью музыки "ча-ча-ча".

У них светлая мебель и стереофонический проигрыватель "Эр-Си-Эй Филко" на четырех ножках. Иглой этого древнего проигрывателя можно, наверное, вспахать поле. Металлический тонаrm весит около двух фунтов.

Позвольте представить их:

Китти Литтер.

Софонда Питере.

И жизнерадостная Вивьен ВаВейн.

На сцене известные также как сестры Рей.

Это ее семья, Бренди Александр сама рассказала мне об этом в кабинете логопеда. Не при первой нашей встрече, нет. Не в тот день, когда я плакала и посвящала ее в свою печальную историю о потере лица. И не тогда, когда она пришла в больницу с плетеной корзинкой для шитья, полной способов скрыть от людей то, что я монстр.

Это случилось в другой день, один из множества дней, когда мы беседовали с ней в кабинете логопеда.

- Обычно, - рассказывает Бренди, - Китти Литтер отбеливает на лице ненужные волосы или выщипывает их. Занимаясь этой неприглядной процедурой, она по несколько часов просиживает в ванной. Все злятся на нее, но ей ни до кого нет дела. Смотреть на себя в зеркало - ее страсть.

Эти Рей, именно они сделали Бренди тем, чем она является. Ее

несравненное величество перед ними в неоплатном долгу.

Бренди заперла дверь в кабинете логопеда на замок. Если бы кто-то постучал снаружи, мы завопили бы так, как вопят, достигая оргазма. Мы стонали бы и кричали и шлепали бы ногами по полу. Я бы стала хлопать рукой об руку, имитируя специфические звуки, которые известны каждому. Кто бы ни постучал в дверь, тут же умотал бы.

А мы спокойно возобновили бы беседу и продолжили бы накладывать на глаза косметику.

- Софонда, - рассказывала Бренди, - Софонда Питере - наш мозг. Да-да, она такая. Мисс Питере своими пальцами с фарфоровыми ногтями целыми днями крутит диск телефонного аппарата. Звонит агентам или дилерам и все что-нибудь продает, продает, продает.

Кто-то постучал в дверь, и я издала кошачий вопль и ударила себя по бедру.

Без сестер Рей, продолжила рассказывать Бренди, без них ей было бы не выжить.

Когда они нашли ее королевское величество, она занималась синхронным озвучиванием любительских видеошоу.

Ее волосы, ее фигура, ее несравненная походка "от бедра Бренди Александр" - все это создали сестры Рей.

Перенесемся в тот момент, когда навстречу мне, мчащейся по автостраде в сторону города, попадают две пожарные машины. Я стремительно удаляюсь от объятых огнем дома Эви. В зеркале заднего вида "фиата спайдера" он уже выглядит обычным костром. Я в персиково-розовом пеньюаре Эви. Страусовые перья, обдуваемые мощным потоком ветра, неистово хлещут по мне. Подол пеньюара прихлопнут машинной дверцей, но мне на это наплевать.

Я пропитана запахом дыма. Дуло винтовки на пассажирском сиденье смотрит в пол.

Груз - моя любовь - в багажнике не произносит ни звука.

Я направляюсь в единственное место, где меня могут принять.

Позвонить Бренди я не в состоянии. Оператор все равно не сможет меня понять. Поэтому я еду к ее королевскому величеству без предупреждения. Мой путь лежит к "Конгресс отелю".

Перенесемся к истории о том, как сестры Рей благодаря кукле по имени Катти Кэти заполучили кучу денег. Эту историю мне тоже рассказала Бренди в перерывах между имитацией оргазмических воплей в кабинете логопеда. Катти Кэти - одна из тех здоровенных кукол с немыслимыми объемами. 46-16-26 - вот какие были бы ее размеры, если бы

речь шла о реальной женщине.

Если бы речь шла о реальной женщине, то из готовой одежды Катти Кэти не смогла бы купить себе абсолютно ничего. Вы наверняка видели таких кукол. Их продают голыми в блистерных упаковках по доллару за штуку. Но одежды для них стоят целое состояние. Вот какие они реалистические, эти куколки.

Для такой куклы можно купить сотни четыре отдельных частей туалета, скомбинировать их и получить три приличных наряда. В этом смысле она ужасно похожа на живую женщину. Так похожа, что делается страшно.

Блестящая идея пришла в голову, конечно же, Со-фонде Питере. Она изобрела Катти Кэти, изготовила прототип, продала его и получила огромную прибыль. Этих денег хватает на жизнь им всем.

Катти Кэти умеет разговаривать, поэтому ее и купили так быстро.

Вместо обычной веревки в ее спине короткая золотая цепочка. Когда дергаешь за эту цепочку, она говорит:

- Это платье очень нарядное. Если именно нарядной ты хочешь выглядеть.

- Твое сердце - мои пенаты.

- Ты собираешься надеть на себя вот это?

- Мне кажется, наши с тобой отношения только улучшились бы, если бы мы начали ходить на свидания с другими людьми.

- Целую. А еще:

- Не прикасайся к моим волосам!

Сестры Рей продали коротенькое болеро Катти Кэти. Они сшили его в Камбодже, затратив на работу сущие гроши. А в Америке получили за него шестнадцать долларов. Люди с радостью заплатили им такие деньги.

Перенесемся ко мне, припарковывающей "фиат" с грузом - моей любовью - в багажнике у обочины.

Я иду вверх по Бродвею к "Конгресс отелю". Я - женщина без половины лица, приехавшая в роскошную гостиницу, сооруженную сотню лет назад из стекла и камня цвета терракоты. В гостиницу, похожую на замок. На мне персиково-розовый пеньюар. Та его часть, которая была прихлопнута дверцей машины, наполовину оторвалась и волочится за мной по земле. Страусовые перья опалены. Вуалей и покровов на мне нет.

Я стараюсь держать свою винтовку в большом секрете. Она у меня под мышкой, как костыль.

Кстати, на мне всего одна тапочка. Вторую я где-то потеряла.

Портье во фраке с золотыми галунами даже не смотрит на меня.

О, что стало с моими волосами! Я вижу свое отражение в начищенной до блеска металлической дощечке с надписью "Конгресс отель". Прохладный ночной ветер превратил мою чудесную прическу в какое-то волокнистое безобразие.

Перенесемся ко мне, стоящей у конторки портье в "Конгресс отеле".

Я старательно строю глазки. Говорят, первое, на что человек обращает внимание в незнакомце, так это на его глаза. На меня устремляются взгляды нескольких человек. Один из них скорее всего ночной проверяющий. Второй, наверное, управляющий, третий - администратор. Первое впечатление всегда играет весьма важную роль.

При помощи дыры - верхней части моего горла, высовывающегося из нее языка и всего, что вокруг них, я произношу:

- Гех керк гахк га ик.

Наверное, мои глаза смотрятся восхитительно - все пялятся на них как зачарованные.

Вероятно, в какой-то момент я чисто машинально кладу винтовку на конторку портье. Она лежит, глядя в пустое пространство.

Управляющий в блейзере темно-синего цвета делает шаг в мою сторону. На его груди - маленькая медная пластинка с указанием имени "мистер Бокстер".

Он говорит:

- Мы можем отдать вам все деньги, которые лежат в выдвижном ящике, но никто из присутствующих не в состоянии открыть сейф в офисе.

Теперь ствол винтовки смотрит на медную пластинку на груди мистера Бокстера. И все обращают на это внимание.

Я щелкаю пальцами и, указывая на лист бумаги, жестом прошу подать его мне. Потом беру в руку ручку для посетителей, прикрепленную к конторке цепочкой, и пишу:

в каком номере живут сестры рей? не вынуждайте меня стучать в каждую дверь на пятнадцатом этаже. Как-никак, сейчас середина ночи.

- В номере 15-Г, - поспешно отвечает управляющий и протягивает мне в обеих руках наличные, которые я не просила. Потом подается вперед и услужливо сообщает: - Лифт находится справа от вас.

Перенесемся в тот момент, когда я становлюсь Дэйзи Сент-Пейшнс. Мы с Бренди только-только познакомились. Я взяла в магазине

замороженную индейку. Я целое лето ждала, когда кто-нибудь спросит, что случилось с моим лицом. Бренди я рассказала все.

Бренди усадила меня на свой стул, сиденье которого еще хранило тепло ее задницы. Бренди дала мне новое имя. Имя из будущего. Дэйзи Сент-Пейшнс. И сделала меня наследницей дома Сент-Пейшнс - суперсалона высокой моды. Ее никогда не интересовало, как меня звали до встречи с ней.

Бренди, она говорила и говорила. Нам уже не хватало свежего воздуха, настолько долго Бренди говорила. Под словом "нам" я подразумеваю не только себя и ее, я веду речь о целом мире. Всему миру уже не хватало свежего воздуха, вот как долго говорила Бренди.

Ее речь повлияла, наверное, даже на состояние бассейна реки Амазонки.

- То, кем ты являешься в тот или иной момент, - сказала Бренди, - всего лишь фрагмент истории.

В чем я сильно нуждалась, так это в новой истории.

- Позволь мне сделать для тебя то, - попросила Бренди, - что для меня сделали сестры Рей.

Покажи мне бесстрашие.

Вспышка.

Покажи мне смелость.

Вспышка.

Итак, перенесемся ко мне, к Дэйзи Сент-Пейшнс, поднимающейся наверх в лифте "Конгресс отеля". К Дэйзи Сент-Пейшнс, направляющейся к номеру 15-Г по широкому, устланному коврами дорожками коридору.

Дэйзи стучит в дверь, но ей никто не отвечает. До нее доносятся звуки музыки "ча-ча-ча".

Спустя некоторое время дверь открывается на расстояние шести дюймов. И останавливается, удерживаемая цепочкой.

В шестидюймовом пространстве между ней и косяком одна над другой появляются белые лица, намазанные увлажняющим кремом, - лица Китти Литтер, Софонды Питере и жизнерадостной Вивьен ВаВейн.

Их коротко стриженные головы покрыты плоскими заколками для волос и шапками-париками.

Сестры Рей.

Кто есть кто, я не знаю.

Королевский тотемный столб в пространстве между дверью и косяком говорит, обращаясь ко мне:

- Не отбирай у нас ее несравненное величество.

- Она - все, чем наполнены наши жизни.

- Мы не сделали еще и половины того, что планировали с ней сделать.

Из складки в моем пеньюаре я вытаскиваю винтовку. Дверь тут же захлопывается. Я слышу бряцанье звеньев цепочки.

Дверь открывается настежь.

Перенесемся в одну из ночей в пути, не знаю точно, в какое место, Вайоминг или Монтану. Сет утверждает,

что в момент рождения родители становятся для тебя Богом. Ты обязан им жизнью, и у них есть право тобой управлять.

- А достигая половой зрелости, ты превращаешься в сатану, - говорит он. - Потому что в тебе появляется желание познать нечто лучшее.

Перенесемся в тот момент, когда я прохожу вовнутрь номера 15-Г. Вокруг меня светлая мебель, сигаретный дым, музыка "ча-ча-ча боссанова" и порхающие сестры Рей в нейлоновых комбинациях. С их плеч то и дело спадает то левая, то правая бретелька.

Мне не остается ничего другого, как направить на них ствол винтовки.

- Мы знаем, кто ты такая, Дэйзи Сент-Пейшнс, - говорит одна из них, закуривая сигарету. - В последнее время все речи Бренди исключительно о тебе и о твоём лице.

В комнате повсюду расставлены большие, большие керамические пепельницы, покрытые глазурью. Они настолько большие, что выбрасывать из них пепел и окурки можно, наверное, не чаще, чем раз в пару лет.

Та из сестер, что закурила, протягивает мне руку с длинными пальцами и фарфоровыми ногтями и говорит:

- Я - Пай Рей.

- А я - Ди Рей, - сообщает вторая, стоящая у проигрывателя.

Та, что с сигаретой, поясняет:

- Это наши сценические имена. - Она указывает на третью Рей, сидящую на диване и уплетающую из картонной коробки какое-то китайское блюдо, приготовленное в ресторане. - А эту мисс, которая ест столько, что скоро разжиреет, можешь называть Гон Рей.

Гон Рей открывает рот, набитый тем, чего видеть никому не захотелось бы, и говорит:

- Тебе очень приятно с нами познакомиться, не сомневаюсь в этом.

Размахивая рукой с сигаретой, Пай Рей восклицает:

- Королеве не нужны твои проблемы, по крайней мере сегодня.

Она говорит:

- Мы - семья, в которой нуждается наша супердевочка.

На проигрывателе стоит серебряная рамка с фотографией красивой девушки. Девушка улыбается, глядя в невидимую камеру, а фотограф-невидимка кричит ей:

Покажи мне страсть.

Вспышка.

Покажи мне радость.

Вспышка.

Покажи мне молодость, и энергию, и невинность, и прелесть.

Вспышка.

- Первая семья Бренди, та, в которой она родилась, отказалась от бедняжки. Мы ее удочерили, - говорит Ди Рей, указывая на фотографию на проигрывателе. - Ее родственники думают, что она умерла.

Перенесемся в прошлое, в тот период, когда у меня еще было лицо. Меня фотографировали для обложки журнала "Бейб Веа".

Перенесемся назад в номер 15-Г к фотографии на проигрывателе. На ней изображена я. Это тот самый снимок, с обложки журнала "Бейб Веа". Ди Рей указывает на меня.

Перенесемся к нам, сидящим в кабинете логопеда, в котором дверь заперта изнутри. Бренди говорит, что она счастливая. Не каждому человеку дано повторно родиться.

Родиться и быть заново поднятым на ноги. Но на этот раз любящими людьми.

- Китти Литтер, Софонде и Вивьен, - произносит Бренди, - этим людям я обязана всем.

Перенесемся в гостиничный номер 15-Г. Гон Рей

машет в мою сторону китайскими палочками для еды и говорит:

- Даже не пытайся отобрать ее у нас. Мы еще не все для нее сделали.

- Если Бренди уедет с тобой, - заявляет Пай Рей, - ей придется самой платить за конъюгированные эстрогены. И за вагинопластику. И лабиапластику. Не говоря уже о мошоночном электролизе.

Ди Рей поворачивается к фотографии на проигрывателе и смотрит на глупое улыбающееся лицо в серебряной рамке.

- Все эти удовольствия стоят немалых денег, - замечает она.

Ди Рей берет фотографию и подносит ее ко мне. Я гляжу в глаза своему прошлому. Ди Рей говорит:

- Вот так, так Бренди пожелала выглядеть. Как ее сучка сестра. Два года назад при помощи лазерной хирургии голосовые связки нашей девочки сделали более тонкими, а трахею - более короткой. Ей изменили форму черепа. Мы заплатили за уменьшение ее надбровных дуг, - у мисс Мужчины они слишком сильно выдавались вперед, за придание женских очертаний ее челюсти, ее лбу.

- И каждый раз, - произносит Гон Рей, набив полный рот китайской снедью, - каждый раз она возвращалась из больницы домой с чем-нибудь переделанным и еще не зажившим. Кто, по-твоему, ухаживал за ней на протяжении этих двух лет?

Перенесемся к моим спящим предкам, удаленным отсюда на несколько округов. Перенесемся в прошлое, в тот день, когда им позвонил какой-то сумасшедший, некий извращенец с хриплым голосом, сообщивший, что их сын мертв.

Их сын Шейн, которого они не любили, он умер от СПИДа.

Но звонивший не сказал, где это случилось и когда. Просто рассмеялся и повесил трубку.

Перенесемся в гостиничный номер 15-Г. Ди Рей машет перед моим лицом фотографией, на которой изображена я, и говорит:

- Вот как она пожелала выглядеть! И спустя десятки тысяч долларов,

заработанных на Катти Кэти, выглядит сейчас.

Гон Рей вставляет:

- Черта с два! Бренди выглядит лучше.

- Мы - единственные люди, которые любят Бренди, - заявляет Пай Рей.

- А ты - единственная, кого любит она, потому что ты в ней нуждаешься, - говорит Ди Рей.

- Тот, кого любишь ты, и тот, кто любит тебя, никогда не могут быть одним человеком, - произносит Гон Рей. - Бренди покинет нас, если узнает, что ты в ней нуждаешься. А мы нуждаемся в ней.

Тот, кого люблю я, заперт в багажнике машины, оставленной мною у обочины. Мой любимый наверняка до сих пор мечтает помочиться. Его желудок набит валиумом.

Шейн, которого я ненавижу, восстал из мертвых. Я всегда чувствовала, что верить в его смерть - слишком наивно.

Он не умер от взрыва баллончика с лаком для волос.

Наша семья ни на минуту о нем не забывает.

Меня подвел даже смертоносный вирус СПИДа, а я так на него надеялась.

Мой братец - непрекращающееся жестокое и беспощадное разочарование.

Откуда- то издалека до нас доносится шум открывающейся и закрывающейся двери, потом хлопает другая дверь, потом растворяется третья.

Раздается знакомый голос:

- Дэйзи, дорогая...

И в сигаретный дым и музыку "ча-ча-ча" входит Бренди.

На ней дорожный костюм в стиле "первая леди" от Билла Бласа из зеленой бурильной трубы, отделанной белым кантом, зеленые туфли на высоких каблуках, а в руке - потрясающая зеленая сумочка. На голове - облако зеленых, как тропический лес, перьев попугая, уложенных на шляпке.

Она говорит:

- Дэйзи, дорогая, не направляй винтовку на людей, которых я люблю.

В руках Бренди, украшенных перстнями и кольцами, дорожные сумки грязно-белого цвета. Она говорит:

- Вещи, которые мне понадобятся, в другой комнате.

Поворачиваясь к Софонде, Бренди произносит:

- Мисс Пай Рей, мне просто необходимо уехать. Ты должна меня понять.

Китти Бренди говорит:

- Мисс Ди Рей, мы выполнили все, что к данному моменту могли выполнить, - мне изменили форму черепа, уменьшили надбровные дуги, мои голосовые связки сделали более тонкими, а трахею - более короткой. Моим челюсти, лбу и носу придали новые очертания...

Неудивительно, что я не узнала своего изуродованного брата.

Бренди поворачивается к Вивьен и говорит:

- Мисс Гон Рей, мне следует потренироваться жить настоящей жизнью. На это уйдет несколько месяцев. Я не могу провести их в этом гостиничном номере.

Перенесемся к нам, уезжающим в "фиате спайдере", нагруженном вещами.

Представьте себе доведенных до отчаяния беженцев с Беверли-Хиллз, направляющихся с семнадцатью дорожными сумками одинакового цвета на Средний Запад, в Оклахому.

Все очень элегантно и со вкусом, как будто во время каникул знаменитой семьи Джоадов, только наоборот. Мы оставляем за собой шлейф аксессуаров, туфель, и перчаток, и шейных платков, и шляп, чтобы облегчить свой груз и иметь возможность пересечь Скалистые горы.

Все происходит после того, как мы едва не сталкиваемся с полицией. Скорее всего это управляющий отелем вызвал ее и рассказал, что какой-то изуродованный псих поднялся с оружием на пятнадцатый этаж и угрожает всем его обитателям. А еще после того, как сестры Рей перенесли весь багаж Бренди вниз. После того как Бренди объяснила им, что должна уехать и обо всем тщательно подумать перед грандиозной операцией. Перед трансформацией.

И после того, как я смотрела на Бренди во все глаза и думала: Шейн?

- Это настолько серьезное решение, - говорит Бренди. - Стать девушкой. Навсегда.

И принимать гормональные препараты. Всю оставшуюся жизнь. В таблетках, путем введения инъекций - всю оставшуюся жизнь. А что, если однажды на ее пути кто-нибудь повстречается, человек, который сможет сделать ее счастливой. Который будет любить ее такой, какая она есть на самом деле, без гормонов и косметики, и одежды и туфель, и операций? Ей следует хотя бы немного посмотреть мир.

Бренди говорит все это, а сестры Рей начинают плакать и укладывать сумки в машину и махать руками.

Сцена душераздирающая, и я тоже распустила бы нюни, если бы не знала, что Бренди была когда-то моим мертвым братом и что я - человек,

чью любовь она хочет заполучить. Я, ненавидящая сестра Шейна, уже обдумывающая план его убийства.

Да, я намереваюсь убить Бренди Александр. Я, кому больше нечего терять, кого томит жажда мести.

Покажи мне фантазии о жестокой расплате как средстве борьбы.

Вспышка.

Просто покажи мне первую возможность.

Вспышка.

Бренди сидит за рулем. Ее глаза в слезах и расплывшейся туши похожи на пауков. Она поворачивается ко мне и спрашивает:

- Ты знаешь, что такое стандартные руководящие принципы Бенджамина?

Бренди поворачивает ключ зажигания, снимает машину с тормоза и говорит:

- Перед вагинопластикой я должна почти целый год принимать гормональные препараты. Это называется: обучение реальной жизни.

Бренди трогается с места, и можно считать, что мы успели смотаться. Полицейские команды СВАО в черных форменных одеждах, оснащенные слезоточивым газом и полуавтоматическим оружием, влетают в отель. Портье в золотых галунах держит дверь открытой.

Сестры Рей бегут за нами, машут руками и посылают воздушные поцелуи, походя на уродливых подружек невесты. А выдохшись и выбившись из сил, начинают спотыкаться и останавливаются. Их высокие каблуки безнадежно сбиты.

В небе светит луна. Офисные здания по обеим сторонам дороги окутаны тьмой. Манус все еще лежит в багажнике. Между нами и угрозой моей поимки пролегло уже приличное расстояние.

Бренди кладет свою большую руку мне на ногу и слегка пожимает ее.

Поджог, похищение человека... Мне кажется, скоро я спокойно совершу убийство. Возможно, все это сосредоточит на мне достаточное количество внимания. На всемирную славу я, конечно, не претендую, но хотела бы, чтобы обо мне узнала вся страна.

Девушка- монстр лишает жизни засекреченного девицу-брата.

- До окончания года, в течение которого я должна научиться реальной жизни, остается восемь месяцев, - говорит Бренди. - Ты сможешь занимать меня чем-нибудь целых восемь месяцев?

Глава восемнадцатая

Половину своей жизни я прячусь в ваннных комнатах богачей.

Перенесемся назад в Сиэтл, в тот период, когда мы с Бренди и Сетом занимаемся добычей наркотиков. Перенесемся в день после вечера в Спейс Нидл. Бренди лежит на полу в ванной. Сначала я помогла ей высвободиться из пиджака, потом расстегнула пуговицы блузки у нее на спине. Теперь я сижу на унитазе и запихиваю валиум в ее графитовый рот.

Бренди постоянно повторяет, что хоть валиум и не убивает боль, но помогает не обращать на нее внимание. Вот в чем его ценность.

- Ударь меня, - говорит Бренди и по-рыбьи складывает губы.

Бренди наделена способностью прекрасно переносить воздействие наркотиков. На то, чтобы с их помощью ее убить, потребуется целая жизнь. К тому же она слишком крупная и крепкая, на нее уйдет несчетное количество бутылок чего бы то ни было.

Я вкладываю ей в рот валиум. Таблеточку валиума, светло-синюю малышку. Потом еще одну. Светло-синие, эти таблетки похожат на подарки от Тиффани. Они проникают во внутренность Бренди.

Костюм от Пьера Кардена, пиджак от которого я только что с нее сняла, выполнен в стиле "космический век". Белая свежая и стерильная труба-юбка по длине не достигает коленей Бренди. Пиджак - всегда актуального простого покроя с рукавами три четверти. А на блузке рукавов нет. Обувь Бренди - белые виниловые ботинки с квадратными носами. К такому прикиду вместо сумки отлично подошел бы счетчик Гейгера.

Когда Бренди кошачьей поступью выходит из примерочной в "Бон Марше", мне хочется аплодировать. Именно этот костюм на следующей неделе она должна вернуть. У нее начнется депрессия, сравнимая с послеродовой.

Перенесемся в то утро, накануне которого после продажи наркотиков Бренди и Сет вернулись с кучей денег. Мы заказываем завтрак в номер.

Сет говорит, что Бренди может совершить путешествие во времени - перенестись в Лас-Вегас пятидесятых годов и улететь на другую планету. На Крилон, где синтетические гибкие глэмботы высосут ее жир и переделают ее.

Бренди спрашивает:

- Какой жир? Сет отвечает:

- Мне просто нравится думать, что ты могла бы оттуда через

шестидесятые перелететь в отдаленное будущее.

Я кладу еще больше премарина в очередную чашку кофе Сета. И больше дарвона в шампанское Бренди.

Перенесемся в ванную комнату, к нам с Бренди.

- Ударь меня, - говорит Бренди.

Ее губы раскрыты и расслаблены, и я всовываю в них очередной подарок от Тиффани.

Ванная, в которой мы прячемся, изобилует декоративными штрихами. Когда в ней находишься, у тебя такое впечатление, что ты в подводной пещере. Даже телефон здесь цвета морской волны.

Но стоит приблизиться к большому окну-иллюминатору, и ты видишь Сиэтл. Отсюда он смотрится таким, каким виден с вершины Капитолийского холма.

Унитаз, на котором я сижу - просто сижу на закрытой крышке, - большой керамический улитковый дом, привинченный к стене. А раковина - привинченная к стене керамическая половина обиталища двустворчатого моллюска.

Страна Бренди, сексуальная площадка для звездных игр.

Бренди говорит:

- Ударь меня.

Перенесемся в тот момент, когда мы только пришли сюда. Риелтор, встретивший нас, выглядел как тупица. Как учащийся колледжа со сросшимися бровями, обожающий футбол, так никогда и не получающий какую бы то ни было степень.

Конечно, не мне - горе-студентке - проводить подобные параллели.

Итак, перед нами риелтор из супердорогого агентства. Наверное, он получил место работы от тестя, какого-нибудь выпускника колледжа, считающего, что главное в зяте - способность оставаться бодрым даже после шести-семи партий в боулинг. Возможно, я и ошибаюсь.

При виде этого здоровяка с избыточным количеством Y-хромосом в организме даже Бренди чувствует себя слабой женщиной. Он в шерстяном двубортном пиджаке синего цвета. По сравнению с его лапищами руки Бренди выглядят маленькими.

- Мистер Паркер, - говорит Бренди. Ее кисть тонет в клешне риелтора. В ее лице - любовь из саундтрека Хэнка Манчини. - Мы разговаривали с вами по телефону сегодня утром.

Мы в гостиной дома, расположенного на Капитолийском холме.

Это еще одно место, где все, что видишь, - настоящее. Замысловатые розы в стиле эпохи Тюдоров, вырезанные в потолке, - штукатурная работа,

а не прессованная медь и не стекловолокно. Торсы потертых греческих обнаженных - из мрамора, а не из мраморовидного гипса. Ювелирные сувениры Фаберже - отнюдь не подделка под Фаберже.

Переплеты абсолютно всех книг на полках в библиотеке из настоящей кожи - кожаные не только их корешки, но и передняя и задняя части обложки. Страницы книг резные. Это сразу видно, даже если не берешь в руки ни одну из этих книг.

Риелтор, мистер Паркер, в плотно облегающих задницу брюках. По двум выступающим внизу ягодич полоскам можно определить, что он не в широких, похожих на боксерские, трусах, а в коротких.

Бренди кивает на меня:

- Это мисс Арден Скоция из денверской организации, занимающейся заготовкой и транспортировкой леса.

Я в очередной раз становлюсь жертвой проекта "Свидетели перевоплощения Бренди Александр".

Огромная ручища Паркера на несколько мгновений поглощает мою маленькую кисть, как крупная рыба - малька.

Белоснежная рубашка Паркера наводит на мысли об обеденном столе, покрытом чистой скатертью. Его грудь настолько значительно выдается вперед и такая жесткая, что кажется, на нее можно спокойно поставить бокалы с напитками.

- А это, - Бренди кивает на Сета, - сводный брат мисс Скоции, Эллис Айленд.

Рыбина Паркера заглатывает рыбешку Эллиса. Бренди говорит:

- Нам с мисс Скоцией хотелось бы осмотреть дом. А Эллис слишком взбудоражен - морально и эмоционально.

Эллис улыбается.

- Надеемся, вы за ним присмотрите, - поет Бренди.

- Само собой, - отвечает Паркер. Он говорит:

- Не беспокойтесь.

Эллис улыбается и дергает Бренди за рукав:

- Только не оставляй меня надолго, мисс. Если я не приму достаточное количество своих таблеток, со мной опять случится припадок.

- Припадок?

Паркер настораживается. Эллис поясняет:

- Порой мисс Александр... иногда она забывает обо мне. И не дает мне вовремя таблетки.

- С вами случаются припадки? - спрашивает Паркер.

- Я ни о чем подобном ни разу не слышала, - произносит Бренди,

улыбается и поворачивается к моему

новому сводному брату. - Эллис, я приказываю тебе забыть о припадках.

Перенесемся к нам, расположившимся в подводной пещере.

- Ударь меня.

Пол под спиной Бренди выложен холодной керамической плиткой с изображением рыб. Рыбы лежат как сардины в консервной банке - хвост одной между головами двух других.

Я всовываю валиум в графитовый рот.

- Я когда-нибудь рассказывала тебе о том, как моя семья выставила меня на улицу? - спрашивает Бренди, проглотив синюю малышку. - Я имею в виду, моя первая семья. Семья, в которой я родилась. Я когда-нибудь рассказывала тебе эту кошмарную историю?

Я опускаю голову к коленям и смотрю прямо на Бренди. Ее голова лежит между моих ступней.

- На протяжении пары дней у меня болело горло, и я не ходила ни в школу, ни куда бы то ни было, - произносит Бренди. - Мисс Арден? Эй, ты меня слышишь?

Я продолжаю на нее смотреть. Как же просто представить ее мертвой!

- Мисс Арден, пожалуйста, - говорит она. - Ты ударишь меня?

Я кладу ей в рот еще одну таблетку валиума. Бренди удовлетворенно кивает.

- Я не могла глотать, - рассказывает она. - Настолько сильно у меня болело горло. Даже есть как следует была не в состоянии. Родители, естественно, подумали, что это острый фарингит.

Я смотрю вниз. Голова Бренди прямо под моей. Только она перевернута вверх тормашками.

Я гляжу прямо в пространство между графитовыми губами, темное, влажное, ведущее вовнутрь, к органам и системам, скрытым от глаз окружающих. К закулисной жизни Бренди Александр.

Когда смотришь на ее лицо, перевернутое вверх тормашками, она кажется абсолютно незнакомым тебе человеком.

А Эллис был прав. Ты спрашиваешь у людей об их жизни только для того, чтобы получить возможность рассказать им о себе.

- Исследование мазка, - говорит Бренди, - мазка на острый фарингит, дало положительные результаты на триппер. Помнишь третью из сестер Рей? Ее зовут Гон Рей. Гонорея. Проклятые гонококки. Мне было шестнадцать лет. Я заболела триппером. Мои родители отреагировали на эту новость неправильно.

Еще и как неправильно, думаю я.

- Они повели себя странно, - говорит Бренди. Просто вышвырнули своего сына из дома.

- Кричали, что эта болезнь чудовищна, - произносит Бренди.

А потом выбросили Шейна на улицу.

- Под "чудовищной болезнью" они подразумевали гомосексуализм, - говорит Бренди.

Предки выгнали его.

- Мисс Скоция? - зовет она. - Ударь меня. Я ударяю ее.

- А потом они выставили меня из своего проклятого дома.

Перенесемся в тот момент, когда мистер Паркер прибегает к двери ванной.

- Мисс Александр? Мисс Александр, это я. Мисс Скоция? Вы здесь?

Бренди медленно приподнимается и облачивается на пол.

- С Эллисом что-то происходит, - кричит Паркер через дверь. - Кажется, у него начался припадок.

По ванной цвета морской волны разбросаны косметика и лекарства. Полураздетая Бренди на полу, усыпанном таблетками, капсулами и пилюлями.

- Он ее сводный брат, - отвечает она. Дверная ручка начинает дергаться.

- Вы должны мне помочь, - кричит Паркер.

- Перестаньте, мистер Паркер! - командует Бренди, и дверная ручка замирает на месте. - Успокойтесь. И не входите сюда. Что вам следует сделать, - Бренди смотрит на меня, - что вам следует сделать, так это вернуться к Эллису и прижать его к полу, чтобы он не поранился. Я спущусь к вам буквально через минуту.

Бренди смотрит на меня и улыбается. Ее губы - графитовая дуга.

- Паркер? Вы меня слышите? - спрашивает она.

- Пожалуйста, поторопитесь, - раздается из-за двери.

- Идите вниз и прижмите Эллиса к полу, - говорит Бренди. - Всуньте что-нибудь ему в рот. У вас есть бумажник?

Паркер отвечает не сразу:

- Он из кожи угря, мисс Александр!

- Значит, вы должны им гордиться, - отвечает Бренди. - Вам следует протиснуть его между зубов брата мисс Скоции. Сядьте на Эллиса, если это потребуется.

Бренди, она само воплощение зла, лежащее у моих ног. Откуда-то снизу слышится звон бьющегося стекла.

- Быстрее же! - взмаливается Паркер. - Он что-то громит.

Бренди облизывает губы.

- Когда разожмете ему зубы, попробуйте схватить его за язык. В противном случае он может запасть ему в горло, и тогда вам придется сидеть на мертвом теле.

Молчание.

- Вы меня слышите? - спрашивает Бренди.

- Говорите, я должен схватить его язык?

Снизу опять раздается шум. Бьется что-то настоящее и дорогое.

- Мистер Паркер, мне кажется, я все понятно объяснила, - говорит принцесса Александр. Ее душит смех, поэтому она красная как рак. - Придавите Эллиса к полу, разожмите ему челюсть и вытащите его язык - так далеко, как только сможете. Скоро я приду и помогу вам.

Дверная ручка поворачивается.

Мои вуали и покровы на раковине, мне до них не дотянуться.

Дверь растворяется настолько, что Паркеру во всей красе видна хихикающая, полураздетая Бренди, растянувшаяся на усыпанном таблетками полу.

И я, сидящая на унитазе.

А мне видно лицо Паркера с недоуменно сдвинутыми бровями.

Бренди вскрикивает:

- Мы с мисс Арден Скоцией заняты!

Паркер захлопывает дверь. По-видимому, перспектива держать язык бьющегося в припадке незнакомца кажется ему более привлекательной, чем лицезрение монстра, сидящего на унитазе - улитковой раковине.

Мы слышим, как его тяжелые шаги поспешно удаляются.

Звучат на лестнице. Потом в холле. Он направляется в гостиную.

Раздается вопль Эллиса - внезапный и настоящий. Где-то вдалеке, внизу. А потом все смолкает.

- Итак, - произносит Бренди. - На чем мы остановились?

Она опять укладывает голову между моих ступней и спрашивает:

- Ты не подумывала прибегнуть к услугам пластических хирургов? Ударь меня.

Глава девятнадцатая

Если вам доводилось выпивать с пьяницами, вы наверняка знаете об одной их особенности: они наполняют ваш стакан только для того, чтобы беспрепятственно осушить собственный. Пока вы продолжаете пьянствовать с алкоголиком, выпивка кажется ему вполне приличным занятием. Двое - это уже компания. Пока бутылка не опустошена, пьяница, даже если вы ни разу не выпьете до дна, будет подливать и подливать вам спиртного. И вновь и вновь наполнять свой стакан.

Это выглядит как щедрость.

Так и Бренди Александр, она постоянно заводит со мной разговор о пластической хирургии. И спрашивает, почему я не задумаюсь о ней всерьез. Грудь Бренди набита силиконом, ее талия обработана липосакцией. Бренди - песочные часы, 46-16-26 Катти Кэти, продукт волшебного деяния сказочной крестной, "прекрасная леди" из "Пигмалиона". И мой брат, восставший из мертвых. Вот кто она такая. Бренди Александр - творение пластических хирургов.

И наоборот.

Разговор в ванной.

Бренди все еще лежит на холодном полу, выложенном плиткой, на верхушке Капитолийского холма в Сиэтле.

Мистер Паркер пришел и ушел. Все послеобеденное время мы с Бренди вдвоем.

Я так и сижу на привинченной к стене гигантской раковине улитки. И пытаюсь убить королеву абсолютно бестолковым способом. Ее рыжеволосая голова между моих ступней.

По всему полу цвета морской волны разбросаны помада и таблетки демерола, румяна и перкоцет-5, баклажанные грезы и нембутал.

Я так долго держу в руке пригоршню валиума, что моя ладонь приобрела синий цвет Тиффани.

Все послеобеденное время здесь только я и Бренди. И лучи солнца, льющиеся под все более и более низким углом сквозь большие окна-иллюминаторы.

- Моя талия, - говорит Бренди. Ее графитовые губы приобрели синеватый оттенок. Я бы сказала, синеватый оттенок Тиффани. Это цвет передозировки. - По мнению Софонды, окружность моей талии не должна превышать шестнадцать дюймов, - говорит Бренди. - Но ведь у меня

широкая кость, и я высокая. Мой рост - шесть футов. Шестнадцатидюймовая талия - это не для меня.

Я сижу на огромной улитковой раковине и почти не слушаю Бренди.

- Софонда, - продолжает она, - Софонда была уверена, что это все же возможно, а я ей доверяю. Я знала, что однажды очнусь в послеоперационной палате и у меня будет шестнадцатидюймовая талия.

Все это в каких-то других ваннах я слышала уже раз десять.

Я поднимаю бутылочку с капсулами билакса и ищу этот препарат в "Настольном справочнике врача".

Билакс в капсулах. Очищение желудка.

"Может, стоит всыпать эту ерунду в незакрывающийся графитовый рот?" - думаю я.

Перенесемся на съемки рекламного ролика, на которых присутствовал Манус.

Тогда мы были еще такими красивыми! Я - с нормальным лицом, он - не напичкан конъюгированными эстрогенами.

Я думала, нас связывает настоящая любовь. Правда думала. А наш роман представлял собой всего лишь продолжительную сексуальную связь, похожую на наркотическое опьянение. Рано или поздно подобное заканчивается.

Манус закрывал свои волшебные голубые глаза и качал головой и сглатывал.

А я, я всегда говорила ему, что кончаю вместе с ним.

В постели мы подолгу болтали.

Это обычное явление - ты твердишь себе, что любишь человека, а на самом деле только используешь его.

За любовь мы постоянно принимаем что-то другое.

Перенесемся к лежащей на полу в ванной Бренди. Она говорит:

- Софонда, Вивьен и Китти - они были со мной в больнице.

Ее пальцы сжимаются в кулаки, поднимаются с пола и начинают двигаться вверх и вниз вдоль туловища.

- На всех трех были мешковатые щетинистые костюмы зеленого цвета. На лацкане у каждой красовалось по драгоценной броши виндзорской герцогини.

Их головы в париках покрывали сеточки для волос, - говорит Бренди. - Они порхали за спиной хирурга. Софонда твердила, что я должна считать от ста до одного... Сто... девяносто девять... девяносто восемь... Ну, ты понимаешь...

Глаза Бренди - эти баклажанные грезы - закрываются. Она дышит

глубоко и ровно. И продолжает говорить:

- Врачи, они удалили мне по одному нижнему ребру с каждой стороны. На протяжении двух месяцев я, не поднимаясь, лежала в постели. Зато у меня появилась шестнадцатидюймовая талия. Она и сейчас такая.

Одна из рук Бренди разжимается и скользит по плоской поверхности - тому месту ее тела, где блузка заправлена под пояс юбки.

- Они удалили мне два ребра. Я никогда их больше не видела. О чем-то подобном говорится в Библии.

Она имеет в виду процедуру создания Евы.

- Не знаю, почему я позволила им проделать со мной все это, - говорит Бренди.

И засыпает.

Перенесемся назад, в ту ночь, когда мы с Бренди покинули "Конгресс отель" и отправились в это путешествие. Бренди мчала на такой скорости, которая допустима лишь в два тридцать ночи в открытой спортивной машине с заряженной винтовкой внутри и напичканным наркотиками заложником в багажнике.

Глаза Бренди скрыты темными очками. Ей требуется немного уединения. Мимолетное очарование другой планеты пятидесятых годов, она покрывает рыжеволосую голову шарфом Гермеса и завязывает его под подбородком.

В очках Бренди я вижу собственное отражение. В них я маленькая и ужасная. Холодный ночной ветер продолжает трепать мои волосы. Мое лицо... Если бы вы дотронулись до моего лица в темноте, то наверняка решили бы, что касаетесь апельсиновых корок и кусков выделанной кожи.

Мы направляемся на восток, от кого-то убегая. От кого точно, я не знаю. От Эви, или от полиции, или от мистера Бокстера, или от сестер Рей. Или ни от кого. Или от будущего. Или от судьбы. От взросления и старения. От необходимости собирать по крупицам то, что еще не растеряно. Можно подумать, побег в состоянии избавить нас от нужды мириться с собственной участью.

В данный момент я с Бренди. Потому что не представляю себе, как бы убегала без нее. Потому что сейчас в ней нуждаюсь.

Не то чтобы я ее любила. Вернее, его. Шейна.

Слово "любить" в данном случае вообще звучит как-то неуместно.

На Бренди шарф Гермеса. И темные очки. И косметика. Я смотрю на ее несравненное величество в мелькающем свете, мелькающем свете, мелькающем свете фар встречных автомобилей.

Я гляжу на нее и вижу то, что видел Манус, когда звал меня кататься

на яхте.

Я смотрю на нее, сидящую со мной рядом в машине Мануса, освещенную вспышками света, и понимаю, что я в ней люблю. Себя.

Бренди Александр выглядит точно так же, как выглядела до несчастного случая я. И это неудивительно. Ведь она - мой брат, Шейн. Мы с Шейном были почти одного роста и обладали одинаковым цветом глаз, бровей, ресниц и схожими чертами.

Он был на год старше меня.

В Бренди введен силикон. Изменены ее трахея, надбровные дуги, форма черепа, линия лба, носа, челюсти. Добавьте к этому несколько лет электролиза и горсть гормонов и ежедневные порции антиандрогенов.

Неудивительно, что я ее не узнала.

К тому же я была уверена, что мой брат мертв. Ни один нормальный человек не настраивает себя на встречу с мертвецом.

Что мне нравится, так это я. Я была очень красивой.

Груз- моя-любовь, Манус, закрыт в багажнике. Манус, который собирался меня убить... И почему я до сих пор уверена, что люблю Мануса?

Манус - последний мужчина, считавший, что я красивая. Целовавший мои губы. Касавшийся меня. Манус - последний мужчина, который объяснялся мне в любви.

Я чувствую, что от этих мыслей погружаюсь в депрессивное состояние.

Теперь я могу есть только детские смеси.

Моя лучшая подружка спала с моим женихом.

Мой жених чуть не зарезал меня ножом.

Я подожгла дом и целую ночь направляла винтовку на невинных людей.

Мой ненавистный брат восстал из мертвых и смотрит на меня свысока.

Я - невидимый монстр и не в состоянии любить кого бы то ни было.

Я не знаю, что из вышеупомянутого самое худшее.

Перенесемся ко мне, смачивающей над раковиной мочалку из махровой ткани. В ванной - подводной пещере даже полотенца и мочалки синие или цвета морской волны, и все они украшены по краям раковинovidными фестонами.

Я кладу мокрую мочалку на лоб Бренди и бужу ее, чтобы дать ей еще таблеток. Чтобы она умерла в машине, а не в этой ванной.

Я помогаю принцессе подняться на ноги и напяливаю на нее пиджак.

Нам нужно выйти из дома незамеченными. Никто не должен видеть ее

в таком состоянии.

Бренди, она опирается на мое плечо. Держится за стену. Потом наклоняется, берет в руку несколько капсул биалакса и косится на них.

- У меня болит спина, - говорит она. - И почему я позволила им сделать мне такие большие сиськи?

Ее несравненное величество выглядит так, будто готова проглотить горсть чего угодно. Я качаю головой. Бренди косится на меня.

- Но я хочу их съесть, - говорит она.

Я открываю "Настольный справочник врача" на той странице, где написано, что биалакс в капсулах предназначен для очищения желудка, и показываю ей.

- О! - восклицает Бренди и ссыпает капсулы в сумку. Некоторые из них, прилипшие к ее ладони, так и не падают. - Если у тебя ненатуральные сиськи, то твои соски смотрят в разные стороны и расположены слишком высоко. Их срезают бритвой и переносят на другое место.

Таков весь ее мир. Она перенесена в другое место. И живет по программе "Перемещения сосков Бренди Александр".

Мой мертвый брат, покойный Шейн, смахивает со своей ладони последний очиститель желудка.

- Своих сосков я не чувствую, - сообщает Бренди.

Я беру вуали и покровы и слой за слоем надеваю их себе на голову.

Спасибо за то, что не лезете ко мне в душу.

Мы выходим из ванной и бродим по коридорам второго этажа до тех пор, пока Бренди не объявляет, что готова спускаться вниз.

Медленно и осторожно мы направляемся в холл.

Сквозь закрытые двойные двери гостиной до нас доносится низкий спокойный голос мистера Паркера. Он вновь и вновь повторяет какие-то фразы.

Бренди опирается на мое плечо. Мы на цыпочках пересекаем холл, приближаемся к дверям гостиной, приоткрываем их и заглядываем вовнутрь.

Эллис распластан на ковре.

Мистер Паркер сидит у него на груди. К его голове с обеих сторон прикреплены какие-то штуковины.

Эллис колотит руками по заду мистера Паркера, остервенело дергает его за спинку двубортного пиджака.

Несчастный пиджак разошелся по шву до самого воротника.

Мистер Паркер удерживает пропитавшийся слюной и искусанный бумажник из кожи угря между стиснутых зубов Эллиса.

Лицо Эллиса бордовое и блестящее и напоминает вишню из вишневого пирога. Оно перемазано соплями, слезами, слюнями и кровью из носа.

Волосы мистера Паркера сбились ему на глаза. Его правая рука - кулак, крепко сжатый вокруг вытянутого из рта Эллиса языка.

Эллис бьется и мечется под плотными ногами мистера Паркера.

Вокруг них на полу - разбитые вазы эпохи Мин и других коллекций.

Мистер Паркер бормочет:

- Вот так. Все хорошо. Просто расслабьтесь.

Мы с Бренди стоим и смотрим.

Я ужасно хочу уничтожить Эллиса, поэтому не могу допустить, чтобы столь замечательный процесс издевательства над ним сейчас прервался.

Я дергаю Бренди за рукав, желая сказать, что нам лучше опять подняться вверх. Ей не мешает еще немного отдохнуть. И проглотить дополнительную горстку таблеток бензедрина.

Глава двадцатая

Что касается пластической хирургии, в "Мемориальной больнице Ла-Палома" я целое лето занималась изучением ее возможностей.

Со мной беседовали пластические хирурги, я смотрела принесенные ими книжки. С картинками. Слава богу, они были черно-белыми.

Мне объяснили и показали, как я смогу выглядеть спустя несколько лет жутких страданий.

Многие пластические операции начинаются с пересадки так называемого лоскута на питающей ножке.

Смотрится это кошмарно. Даже на черно-белой картинке.

А я еще подумывала когда-то стать врачом.

Прости меня, мама.

Прости меня, Господи.

Манус сказал однажды, что каждый видит в родителях Бога. Ты любишь их и пытаешься им угодить, но живешь по своим правилам.

Хирурги объяснили мне, что невозможно просто отрезать кусок кожи с одного места и переместить на другое. Ведь речь идет не о прививке растений. К пересаженному участку кожи должна поступать кровь, а вены и капилляры не во всех случаях могут к нему присоединиться. Если этого не происходит, он просто отмирает и отторгается.

Ужасно, но теперь, когда я вижу, что человек краснеет, в моей голове возникает единственная мысль: мысль о том, что под кожей любого участка человеческого тела циркулирует кровь.

Один из пластических хирургов, занимающийся дермабразией [Дермабразия - удаление эпидермиса и сосочкового слоя кожи с лечебной или косметической целью], сравнил свою работу с обработкой созревшего помидора на ленточно-шлифовальном станке. Получается, ему платят непонятно за что.

Чтобы воссоздать челюсть человека, необходимо рассечь кожу у основания его шеи и отделить ее от тела, но сверху не отрезать.

Представьте себе такую картину: от вашей шеи отодрана кожа, но от нижней части лица она не отсоединена и болтается, подобно тряпке. И все еще жива, поэтому получает кровь.

Кто-то берет эту кожу и сворачивает в трубочку. С нижней части вашего лица свисает кусок плоти. Он должен зажить.

Живая ткань. Теплая, болтающаяся возле шеи. Наполненная свежей

здоровой кровью. Это и есть лоскут на питающей ножке.

Только этот первый этап может продлиться несколько месяцев.

Перенесемся в красный "фиат". На Брендди темные очки. Манус все еще в багажнике.

Мы едем по Скалистым горам, в районе Бьютта. Вокруг развалины какой-то крепости. Если бы завтра был

выходной, то учащиеся средних школ "Паркроуз", "Грант" и "Мэдисон" пили бы сейчас в этих руинах пиво и наслаждались прелестями небезопасного секса.

Особеннолюдно здесь, наверное, по вечерам в пятницу.

Молодежь смотрит с этой вершины вниз и видит свои дома со светящимися голубым телевизионным сиянием окнами.

Развалины, мимо которых мы проезжаем, - каменные глыбы, покоящиеся друг на друге. Почва между ними - ровная, каменистая и покрыта битым стеклом и жесткой травой.

Повсюду вокруг нас высокие утесы. Их нет лишь на дороге, устремляющейся вверх.

Тишина настолько оглушающая, что кажется, ею вот-вот задохнешься.

Нам необходимо где-нибудь остановиться. Я должна решить, что делать дальше.

У нас в запасе два-три дня. К возвращению Эви домой нам следует уехать как можно дальше.

Потом я позвоню ей и потребую денег.

Она передо мной в неоплатном долгу.

И я не намерена прощать ей его.

Брендди сворачивает в самую тьму и резко жмет на тормоза. Если бы не ремни безопасности, нас вдавило бы в приборную доску. Фары гаснут.

От грохота и дребезжания, наполняющего машину, звенит в ушах.

- Извини, - говорит Брендди. - На полу каким-то образом оказалась какая-то непонятная штуковина. Она попала под педаль тормоза, когда я на нее нажала.

Из-под наших сидений раздается переливчатая металлическая музыка. Я смотрю вниз и вижу выскочив-

шие к моим ногам кольца для салфеток и серебряные чайные ложки. У ступней Брендди - подсвечники. А еще выскользнувшее наполовину большое плоское блюдо из серебра. В нем отражается свет звезд.

Брендди поворачивается ко мне, опускает очки на кончик носа и вскидывает подведенные карандашом брови.

Я жму плечами и выхожу из машины, чтобы освободить груз-свою-

любовь.

Я открываю крышку багажника, но Манус не двигается. Его колени прижаты к локтям, ладони - к лицу, ступни - к заднице. Он похож на зародыша. То, что вокруг него, я вижу впервые. Наверное, все дело в том, что когда я запихивала его в багажник, пребывала в состоянии крайнего потрясения. Вот и не обратила внимание на все эти серебряные вещицы. Манус лежит в них.

В ценностях.

В сувенирах.

Бренди вылезает из машины и приближается ко мне.

- О черт! - восклицает она и закатывает глаза. - О черт! Черт!

Я смотрю на пепельницу рядом с задом бесчувственного Мануса. Вернее, это гипсовый слепок. Подобные вещицы делают дети в начальной школе, чтобы подарить маме в День матери.

Бренди сдвигает волосы со лба Мануса.

- Классный парень, - говорит она. - Но наверняка во время езды в этом багажнике получил серьезную травму головы.

Я слишком устала, чтобы объяснять ей в письменном виде, что произошло. Но уверена, что никакой травмы Манус не получил.

Просто наглотался валиума.

Бренди снимает очки, чтобы лучше видеть. Потом сдергивает с головы шарф Гермеса, расправляет волосы, облизывает и закусывает губу. На всякий случай, ведь Манус может очнуться в любую минуту.

- Классных парней, - говорит она, - лучше кормить барбитуратами.

Я беру это на заметку.

И начинаю теревить Мануса.

Через пару минут он медленно приподнимается и свешивает ноги. И приоткрывает свои волшебные голубые глаза. Потом моргает. Закрывает их вновь, опять открывает и щурится.

Бренди подается вперед, ей не терпится показаться Манусу.

Мой брат намерен украсть у меня жениха. Мне хочется убить всех.

- Просыпайся, красавчик, - говорит Бренди и теребит Мануса по подбородку.

Манус жмурится:

- Мама?

- Проснись, сладкий, - говорит Бренди. - Все в порядке.

- Что? - спрашивает Манус.

- Все отлично.

Раздается странный шум. Так стучит дождь по крыше палатки.

- О боже! - Бренди делает шаг назад. - Боже мой!

Манус моргает, бросает на Бренди косой взгляд, опускает голову и смотрит на свои ноги. На его штанах появляется темное пятно. Оно на глазах расплзается, до самых колен.

- Класс! - восклицает Бренди. - Он только что пописал в штанишки.

Вернемся к пластической хирургии. Представим, что счастливый день заживления настал. Длинный кусок кожи, свисающий с нижней части вашего лица на протяжении пары месяцев, готов.

Это не один, а несколько лоскутов на питающей ножке. Пластическому хирургу требуется немало ткани.

Говорят, первое, на что в человеке обращают внимание, это его глаза.

По прошествии двух месяцев заживления куска кожи, оторванного с вашей шеи, вы убедитесь, что это утверждение неверно. На ваши глаза никто больше не обратит ни малейшего внимания, потому что вы превратитесь в нечто, похожее на продукт, выпускаемый фабрикой "Ням-ням".

На мумию, разваливающуюся на части под дождем.

Хирург берет живую, питаемую кровью кожу, отделенную два месяца назад от вашей шеи, и прикладывает ее к вашему лицу. В этом случае перемещаемая с одного участка на другой ткань вообще не отсоединяется от вашего тела.

Кожу расправляют на неровной поверхности лица. А шея покрывается шрамами.

Хирурги надеются, что ткань приживется на новом месте.

Вы тоже надеетесь.

Проходит еще один месяц.

И еще один.

Вы продолжаете лежать в больнице и живете надеждой.

Перенесемся к Манусу, сидящему в своей моче в устланном серебряными изделиями багажнике красной

спортивной машины. Наверное, он вспоминает о тех далеких днях, когда родители объясняли ему, что мочиться следует в горшок.

Я наклоняюсь и ощупываю его карманы, надеясь найти бумажник.

Манус таращится на Бренди. Возможно, думает, что она - это я. Прежняя я, с нормальным лицом.

Бренди теряет к Манусу интерес.

- Он ничего не помнит, - бормочет она. - Считает, я его мамаша. Ладно бы принял меня за сестру, но за мамочку!

Дежа- вю.

Нам нужно где-то остановиться. Манус наверняка уже живет не там, где мы жили с ним вместе. Он будет вынужден пустить нас в свое обиталище, в противном случае я сообщу копам, что он похитил меня и сжег дом Эви. Ему ведь ничего не известно ни о мистере Бокстере, ни о сестрах Рей, ни о том, что я наводила на них винтовку.

Я пишу пальцем в грязи:

мы должны найти его бумажник.

- Но его штаны, - отвечает Бренди, - они мокрые. Манус пристально смотрит на меня, выпрямляет спину и чешет голову об открытую крышку багажника.

О боже! Боже! На него больно смотреть. Но все не так страшно, пока Бренди не усугубляет ситуацию своим возгласом:

- Бедняжка!

Манус не выдерживает. Манус Келли, который вообще не имеет права плакать, начинает хныкать. Я ненавижу все и вся.

Вернемся к пластической хирургии. Перемещенный кусок кожи приживается на новом месте, прирастает к тому, что осталось от вашей челюсти.

Но без челюстной кости вам не обойтись. Без нее мягкая ткань, жизнеспособная и здоровая, может вскоре реабсорбироваться.

Именно это слово употребляют пластические хирурги.

Реабсорбироваться.

Перепоглотиться моим лицом. Как будто оно - губка, сделанная из кожи.

Перенесемся к плачущему Манусу и склоненной над ним, нежно теребящей его сексуальные волосы, воркующей Бренди.

В багажнике пара детских туфелек из бронзы, серебряный электротермос, картинка с изображением индейки.

- Знаете... - Манус всхлипывает и проводит тыльной стороной ладони под носом. - Сейчас я под кайфом, поэтому могу сказать вам все, что думаю.

Манус смотрит на склоненную над ним Бренди и на меня, сидящую на корточках у лужи грязи.

- Сначала, - говорит Манус, - родители дарят вам собственную жизнь. Но по прошествии времени пытаются навязать свои жизни.

Для того чтобы сделать вам челюсть, хирургам придется сломать вашу большеберцовую кость, которую питает артерия. Сначала они эту кость обнажат, потом прямо на ноге придадут ей нужную форму.

Это не единственный метод. Хирурги могут сломать и другие ваши кости, например, длинные трубчатые кости ваших рук или ног. Их внутренность наполнена мягкой губчатой массой.

Это слово применяют хирурги. И авторы специальных медицинских книг. Губчатая.

- Моя мама, - говорит Манус, - и ее новый муж - она часто выходит замуж, - они купили эту квартиру во Флориде. В кондоминиуме "Боулинг-Ривер". Люди, не достигшие шестидесяти, не имеют права приобретать в нем собственность. Таков действующий там закон.

Я смотрю на Бренди.

Она все еще играет роль чрезмерно остро реагирующей на разные глупости мамочки - стоит перед Ману-сом на коленях и гладит его по голове.

Я перевожу взгляд туда, где из-за ближайшего к нам утеса можно увидеть окна домов внизу, светящиеся синим телевизионным сиянием. Синий цвет Тиффани. Синий цвет валиума. Все люди сидят в плену.

Сначала моего жениха похищает у меня лучшая подруга. А теперь и брат.

- Я ездил к ним на Рождество в прошлом году, - продолжает рассказывать Манус. - Они любят свой кондоминиум. Моей маме и отчиму по шестьдесят исполнилось недавно, они в "Боулинг-Ривер" считаются юнцами. На меня все их соседи смотрели как на потенциального похитителя автомобилей.

Бренди облизывает губы.

- Согласно стандартам "Боулинг-Ривер", - говорит Манус, - я еще не родился.

Необходимо извлечь из кости это мягкое, пропитанное кровью костное вещество. Губчатую массу. Потом поместить ее и отдельные части кости в пересаженную на ваше лицо кожу.

Конечно, всем этим придется заниматься не вам, а пластическим хирургам. Вы в это время будете крепко спать.

Если куски костной массы приблизятся друг к другу на нужное расстояние, тогда образуется фибропласт.

Это слово тоже из книг.

Фибропласт.

На вышеописанное опять потребуются месяцы.

- Моя мама и ее новый муж, - говорит сидящий в багажнике "фиата спайдера" Манус, - на прошлое Рождество они подарили мне огромную коробку, завернутую в подарочную бумагу. Я надеялся, что в ней какая-нибудь классная стереосистема или телевизор с большущим экраном. Конечно, это могло быть и что-то другое, не менее нужное.

Он придвигается к краю багажника, ставит на землю одну ногу, потом другую, встает и поворачивается лицом к своему "фиату", нагруженному серебром и прочими безделицами.

- Так нет же! - говорит он. - В коробке оказалось вот это дерьмо.

Манус достает из багажника большой пузатый серебряный чайник и смотрит на свое искаженное отражение в его блестящей выпуклой стенке.

- Можете себе представить? Мне подарили целую коробку проклятых фамильных ценностей, которые никому не нужны!

Точно так же, как я швырнула в камин табакерку Эви, Манус забрасывает пузатую серебряную посудину куда-то во тьму.

Чайник пролетает мимо утеса, падает вниз и приземляется так далеко от нас, что мы не слышим ни единого звука.

Не поворачиваясь к машине, Манус хватает из багажника очередную фамильную ценность. Серебряный подсвечник.

- Мое наследство!

Заброшенный в темноту, подсвечник несколько раз бесшумно переворачивается в воздухе и исчезает из виду. Наверное, так же тихо летают искусственные спутники.

- Вы понимаете, - спрашивает Манус, загребая рукой из багажника пригоршню колец для салфеток, - что я имею в виду, когда говорю, что родители - это Бог? Ты, естественно, питаешь к ним любовь и хочешь знать, что они всегда рядом, но практически никогда их не видишь, если им от тебя ничего не нужно.

Серебряный электротермос взмывает вверх и летит ввысь, ввысь, к самым звездам, потом - вниз. И приземляется где-то между домами со светящимися телевизионной синевой окнами.

После того как костные осколки срастутся внутри пересаженной на ваше лицо кожи, пластический хирург попытается создать из всего этого нечто такое, при помощи чего вы сможете разговаривать, есть, на что вы сможете наносить косметику.

За операцией последуют годы жутких мучений.

Годы надежды на то, что результат многочисленных экспериментов и страданий окажется лучше, чем лицо без челюсти.

Годы рассматривания себя в зеркале и опасений.

Манус хватает из багажника белую свечу.

- Моя мама, - говорит он, - преподнесла мне на прошлое Рождество еще один подарочек. Коробку с вещами, которые она хранила с первых дней моей жизни.

Только взгляните на это! - Он показывает нам свечу. - Моя крестильная свеча!

Манус зашвыривает свечку во тьму.

Вслед за ней летит туфелька из бронзы.

И крестильный наряд.

И горстка детских зубов.

- Будьте вы прокляты! - орет Манус. - Сказочные зубки!

Очередная жертва Мануса - локон светлых волос в медальоне на цепочке. Он вылетает из его руки и с приглушенным звоном исчезает во мраке.

- Она сказала, что дарит мне эти штуковины, потому что у нее нет для них места, - выкрикивает Манус. - Вовсе не потому, что желает от них избавиться.

Гипсовый слепок, сделанный руками ученика начальной школы, следует за кулоном.

- Знаешь ли, мамочка! - восклицает Манус. - Если вся эта дребедень больше не нужна тебе, мне она тоже ни к чему.

Перенесемся в те моменты, когда Бренди заговаривает со мной о пластической хирургии. Я сразу вспоминаю о лоскуте на питающей ножке. И о реабсорбции. И фибропласте. И губчатой костной массе. И о годах надежды и страданий.

Ну как тут не рассмеяться?

Смех - единственный звук, который я могу издавать своим горлом и значение которого понятно людям.

Бренди, ее королевское величество с лучшими побуждениями и огромными силиконовыми сиськами - настолько огромными, что ей сложно стоять прямо, - она говорит:

- Ты хотя бы вникни в то, насколько обширны возможности современной медицины.

Разве тут прекратишь смеяться? Я хочу сказать Шейну, что не нуждаюсь в столь заботливом к себе отношении.

Что намерена продолжать носить свои вуали. Если я не могу быть красивой, тогда буду невидимой.

Перенесемся к серебряному черпаку для пунша, улетающему в никуда.

К чайным ложкам, следующим за ним.

К табелям успеваемости ученика начальной школы, к рисункам с уроков рисования, упархивающим во мглу.

Манус мнет лист плотной бумаги.

Свидетельство о рождении. И рвет его на мелкие клочки.

И, обнимая себя, начинает раскачиваться, поднимаясь на пятки, на носки, на пятки, на носки.

Бренди смотрит на меня, явно чего-то ожидая.

Я пишу пальцем в грязи:

манус где ты сейчас живешь?

Я чувствую нежные прикосновения чего-то прохладного и влажного. Начинается дождь.

Бренди поворачивается к Манусу и говорит:

- Послушай, я не желаю знать, кто ты такой, но, если бы у тебя был выбор, кем бы ты стал?

Манус качает головой и отвечает:

- Единственное, что я знаю, так это то, что не старею. Что не хочу стареть.

Руки Мануса скрещены на груди, он раскачивается, поднимаясь на пятки, на носки, на пятки, на носки. Манус упирает подбородок в грудь и, раскачиваясь, смотрит на каменистую почву и осколки.

Дождь усиливается. Уже нельзя уловить ни запаха моих опаленных страусовых перьев, ни аромата "Лер дю Там" Бренди.

- Значит, ты будешь мистером Денвером Омлетом, - говорит Бренди. - Мистер Омлет, познакомьтесь с Дэйзи Сент-Пейшнс. - Рука Бренди, украшенная перстнями и кольцами, взмывает вверх и мягко опускается на сорокашестидюймовое силиконовое великолепие. - А это... Это Бренди Александр.

Глава двадцать первая

Перенесемся на одну из наших с Бренди встреч в кабинете логопеда. Бренди застаёт меня в тот момент, когда мои руки под вуалями и покроями. Я ощупываю остатки своих зубов, осторожно прикасаюсь к рельефной поверхности шрамов, сухой и туго натянутой, трогаю края горла с внутренней стороны, смоченные слюной.

Бренди говорит, что я не должна изучать себя так тщательно.

- Дорогая, - мягко произносит она, - в моменты, подобные этому, советую тебе рассматривать собственную персону как диван или газету. Как что-то созданное другими людьми, но не вечное.

Открытые края моего горла на ощупь кажутся синтетическими и ребристыми, определить их размеры и описать форму очень сложно. А еще они жесткие. Примерно такие, как верх открытого платья без бретелей или сплошного купальника, укрепленный проволокой или пластиковой опорой. Жесткие, но теплые. Костяные, но покрытые мягкой теплой кожей.

Не восстановленная нижнечелюстная эктомия подобного типа до момента удаления трахеотомической трубки может стать причиной ночного апноэ, так считают врачи. Во время утренних обходов они разговаривают между собой.

Люди никогда меня не поймут.

Доктора считают, что до тех пор, пока они не восстановят мою челюсть или хотя бы ее подобие, каждый раз, когда я засыпаю, я подвергаюсь опасности умереть. Я могу просто перестать дышать и не проснуться.

Смерть наступит быстро и безболезненно.

Я пишу на листе бумаги:

не дразните меня.

Мы с Бренди в кабинете логопеда. Она говорит:

- Ты ответственна за то, как ты выглядишь, не больше, чем автомобиль за то, как смотрится он. Иногда полезно размышлять о своей внешности именно подобным образом. Ты такой же продукт, как он. Продукт продукта продукта. Люди, создающие машины, - тоже продукты. И твои родители - продукты. Продуктами были их родители. Продуктами являются твои учителя. И священник в церкви, которую ты посещаешь.

Порой лучший способ борьбы с дерьмом - это отказ от убеждения, что ты - большая ценность, считает она.

- Я хочу убедить тебя в том, что ты не в состоянии убежать от всего мира, равно как и не в состоянии ответить за то, как выглядишь, будь ты несравненной красавицей или настоящей уродиной, - говорит Бренди. - Ты не несешь ответственности за то, что чувствуешь или как себя ведешь, управлять всем этим не в твоей власти.

Точно так же компакт-диск не несет ответственности за то, что на нем записано. Ты примерно настолько же свободен в своих действиях, насколько запрограммированный компьютер. Ты один из множества, как долларовый счет.

- В тебе нет реальной тебя, - говорит Бренди. - Даже твоё физическое тело, твои клетки, - каждые восемь лет они обновляются.

А кожу, кости, кровь и органы - все это вполне можно переносить из одного человека в другого. Даже то, что живет в тебе в настоящий момент - микробы и вирусы, поедающие за тебя твою пищу, все это тебе просто необходимо. Без этого ты умрешь.

Все, что мы собой представляем, унаследовано. В нас нет реальных нас.

- Расслабься, - говорит Бренди. - Все, о чем ты думаешь, приходит в голову миллионам других людей. Все твои действия кем-то повторяются. И никто ни за что не в ответе. Каждый из нас - это совместные усилия.

Под своими вуалями я нащупываю корень языка.

Врачи сказали, что для удлинения моего горла могут использовать часть моей тонкой кишки. Они предложили сломать мои большеберцовую и малоберцовую кости, чтобы придать им другую форму и вставить в другую часть меня, человеческого продукта. Чтобы подарить мне новую челюсть.

На листе бумаги я написала:

ножные кости связаны с головной костью?

Врачи меня не поняли.

Давайте прислушаемся к Господу.

- Ты - продукт, языка, при помощи которого мы общаемся друг с другом, - говорит Бренди. - А еще зависишь от принятых у нас законов и от веры в то, что мы такие, какими нас хочет видеть Бог. Над каждой отдельной

молекулой, составляющей человеческое тело, ломали головы

миллионы умов, - говорит она. - Твои раздумья не новы и скучны. И вполне естественны. Ты в безопасности, потому что находишься в рамках своей культуры. Все, что ты себе представляешь, - прекрасно, потому что ты способна это представить. И выбраться из своих представлений ты никогда не сможешь. Это нереально.

- Мир, - говорит Бренди, - есть твоя колыбель и твоя ловушка.

Я написала в агентство, в котором работала, письмо и спросила, могу ли быть моделью рук или ног - демонстрировать обувь и наручные часы. Через некоторое время после того, как со мной произошло несчастье, из агентства в больницу мне прислали букет цветов. Я подумала, что имею возможность продолжать работать.

Что про меня наболтала в агентстве Эви, я не знала.

Мне ответили. Как выяснилось, только в том случае, если ты носишь перчатки седьмого размера, а кольца - пятого, ты можешь быть моделью рук. Модель ног должна обладать отличными ногтями на ногах и носить обувь шестого размера. А еще ей нельзя играть в спортивные игры.

Но главным условием является следующее: твои руки и ноги должны выглядеть идеально на развороте журнала, где их размеры превышают настоящие в три раза, и на рекламном щите, где они увеличены в двести раз. В противном случае надеяться тебе не на что.

Размер моих рук восьмой. Ног - седьмой.

Бренди говорит:

- Даже если тебе удастся вырваться из нашей культуры, ты опять попадешь в капкан. Само желание высвободиться из ловушки эту ловушку только укрепляет.

Книги по пластической хирургии, буклеты и брошюры - все они дарили массу надежд на то, что у меня есть возможность жить более нормальной, более счастливой жизнью. Но я чувствовала, что хочу этого все меньше и меньше. А желала я другого - того, что каждый из нас учится желать с самого детства.

Покажи мне внимание.

Вспышка.

Покажи мне красоту.

Вспышка.

Покажи мне умиротворение и счастье, любовь и уютный дом.

Вспышка. Бренди говорит:

- Лучший способ существования - не сражение, а спокойное движение по течению. Не надо все время пытаться что-то регулировать и улаживать. То, от чего ты бежишь, лишь дольше остается с тобой. Когда борешься с

чем-нибудь неприятным, то только укрепляешь это неприятное.

Она говорит:

- Делай не то, что тебе хочется делать, а то, чего тебе делать не хочется. То, чего тебя всегда учили не хотеть.

По- моему, это нечто противоположное погоне за счастьем.

Бренди говорит:

- Занимайся тем, что пугает тебя больше всего.

Глава двадцать вторая

В Сиэтле, в подводной пещере, Бренди спит лет сто шестьдесят. А может, дольше.

А я, я сижу с глянцевой стопкой брошюр от хирургов, показывающих, как производятся операции по изменению пола. Операции по превращению мужчин в женщин, женщин в мужчин.

На цветных фотографиях представлены в одной и той же позиции влагалища различного качества. Половые губы раздвигают чьи-то руки с накрашенными ярким лаком ногтями. Хорошо видно уретральное отверстие, нежное, розовое. Лобковые волосы подстрижены до короткой щетины. Предлагается три варианта влагалищной глубины - шесть, восемь и два дюйма.

Я рассматриваю капюшоновидные клиторы, уздечки клитора - складочки кожи, соединяющие клитор с губами.

Внутренние части дешевых влагалищ изготавливают из мошоночной ткани, покрытой волосами. Волосы продолжают расти и после операции, и бедные влагалища буквально захлебываются ими.

Высококачественные, красивые, выглядящие как натуральные вагины делают из определенных участков толстой кишки. Эти влагалища способны самоочищаться и смазываться собственной слизистой оболочкой. Их клиторы создаются из обрезанной крайней плоти пениса. Эти штуковины - настоящие "кадиллаки" вагинопластики. Некоторые из этих "кадиллаков" получаются настолько удачно, что их счастливым обладателям не обойтись без прокладок на каждый день.

Некоторые из предлагаемых влагалищ создаются по совершенно устаревшим технологиям. Тому, кому такое делают, каждый день приходится растягивать влагалище при помощи специального пластикового приспособления.

Все эти брошюры - сувениры ближайшего будущего Бренди Александр.

После того как мы увидели мистера Паркера сидящим на Эллисе, я помогла напичканной до отказа Бренди вновь подняться наверх, опять сняла с нее одежду и попыталась впихнуть в нее еще несколько таблеток дар-вона, но Бренди закашлялась, выплюнула их, опустила на пол и заснула.

Повесив ее пиджак себе на руку, я почувствовала, что в его

внутреннем кармане лежит что-то твердое.

Книга Мисс Роны. А в книгу вложен сувенир моего будущего.

Я опять сажусь на унитаз - улитковую раковину и читаю:

Я так сильно люблю Сета Томаса, что вынуждена его уничтожить. Я получаю огромную компенсацию, преклоняясь перед ее величеством. Сет никогда меня больше не полюбит. Ни он, ни кто бы то ни было другой.

Я в жутком смущении.

Покажи мне бедное взволнованное хныкающее пустословие.

Вспышка.

Покажи мне эгоцентричную глупую писанину.

Боже.

Черт! Как я устала быть собой! Собой красивой. Собой уродливой. Блондинкой. Брюнеткой. И от миллиона проклятых модных веяний тоже устала. Модных веяний, которые только дальше загоняют меня в ловушку. Ловушку необходимости быть собой.

Та девушка, какой я была до несчастного случая, теперь - лишь рассказ. Все, что происходило со мной до настоящего момента, настоящего момента, настоящего момента, - история, которую я ношу в себе.

Наверное, то же самое можно сказать о любом человеке нашей планеты.

Что мне нужно, так это новый рассказ о том, кто я такая.

Я сама не пойму, в чем нуждаюсь. Это ужасно.

Глава двадцать третья

Да, она такая, наша жизнь в рамках проекта "Свидетели перевоплощения Бренди Александр".

В Санта- Барбаре Манус, который был Денвером, научил нас, как воровать наркотики. На протяжении всего пути от Портленда до Санта-Барбары мы трое были втиснуты в "фиат спайдер", и Бренди мечтала умереть.

Она постоянно прижимала руки к нижней части спины и твердила:

- Останови машину! Мне необходимо потянуться. У меня спазмы! Давайте остановимся!

На переезд из Орегона в Калифорнию нам потребовалось два дня. Эти штаты соседствуют.

Манус постоянно глазел на Бренди, слушал ее, был настолько явно в нее влюблен, что мне хотелось убить их обоих, причем гораздо более жестоким способом, чем я планировала.

Мы въезжаем в Санта-Барбару. Бренди тут же объявляет, что хочет выйти и немного прогуляться.

Вся проблема в том, что в Калифорнии очень любят порядок. Когда ты появляешься в холмистом районе над Санта-Барбарой, к тебе тут же подруливает полицейский или представитель какой-нибудь частной охранной организации и вежливо спрашивает, кто ты такой и не будешь ли ты так любезен предъявить документы.

А Бренди, ее опять мучают спазмы, и она открывает дверцу и высовывает на улицу одну ногу еще до того, как Денвер Омлет останавливает машину.

Бренди жаждет раздобыть тилокс в капсулах, который она забыла забрать из номера 15-Г "Конгресс отеля".

- Ты никогда не станешь красивой, - повторяет Бренди в тысячный раз, - пока не почувствуешь себя красивой.

Здесь наверху, в холмах, мы останавливаемся у обочины, рядом с табличкой "ДОМ ПРОДАЕТСЯ". Дом, который на нас взирает, - огромная гасиенда. Она настолько испанская, что, глядя на нее, хочется станцевать на столе фламенко, покачаться на люстре из кованого железа или напаялить на себя сомбреро.

- А теперь, - говорит Денвер, - становитесь красивыми, и я покажу вам, каким образом мы можем достать болеутоляющие, продаваемые

только по рецепту.

Вернемся назад, в те три дня, которые мы провели в квартире Мануса, прежде чем раздобыть наличные.

Бренди, у нее созрел новый план. Прежде чем отправиться под нож, она решает разыскать свою сестру.

То есть меня, мечтающую поскорее станцевать на ее могиле.

- Вагинопластика никуда не денется, - говорит Бренди. - По крайней мере до тех пор, пока я кое-что не улажу.

Она настроена найти сестру и обо всем ей рассказать. О гонорее, о том, почему Шейн не умер, о его невероятных приключениях.

Чтобы не осталось никаких неясностей.

Наверное, она удивится, когда узнает, что ее сестре уже многое известно, думаю я.

Я должна поскорее исчезнуть из города. Я опасаясь, что не сегодня-завтра подпишут ордер на мой арест по обвинению в поджоге.

Я угрожаю Денверу, говорю, что, если он не поедет с нами, я свяжусь с полицией и обвиню его во всех грехах. В поджоге, в похищении человека, в покушении на убийство. Эви я отправляю письмо.

А Бренди пишу:

давай покатаемся по стране. посмотрим, что из этого выйдет. развеемся.

Каждому из нас есть от чего убегать.

Когда я говорю "из нас", имею в виду всех людей на свете.

Итак, Бренди считает, что мы едем на поиски ее сестры, а Денвер соглашается отправиться в путь, потому что боится моих угроз.

Отправленное мной письмо Эви лежит в почтовом ящике у дороги, ведущей к руинам ее спаленного дома.

Наверное, Эви еще в Канкуне.

А в письме вот что:

Адресуется мисс Эвелин Коттрелл.

Манус говорит, что это он в меня выстрелил. А ты помогала ему, потому что между вами существовала грязная связь. Если не хочешь очутиться в ТЮРЬМЕ, тогда как можно скорее получи страховку за утраченное в результате пожара имущество. Поменяй деньги на десяти и двадцатидолларовые купюры и перешли их мне до востребования. В Сиэтл, штат Вашингтон.

Я - человек, у которого ты похитила жениха, твоя бывшая лучшая подруга, и меня не интересует, что ты можешь сказать в свое оправдание. Перешли деньги, и я буду считать, что наше знакомство -

дело прошлое, не пойду в полицию и не потребую упечь тебя в ТЮРЬМУ. В которой дни и ночи напролет тебе пришлось бы бороться за свое достоинство и за жизнь. В которой и того, и другого ты наверняка лишилась бы. Кстати, я сделала серьезную операцию по восстановлению лица и теперь выгляжу еще лучше, чем раньше. Манус Келли со мной, любит меня и постоянно твердит, что тебя он ненавидит и готов на любом суде подтвердить, что ты сучка. Подпись: Я.

Перенесемся на побережье Тихого океана, к табличке у обочины дороги "ДОМ ПРОДАЕТСЯ".

Денвер говорит нам с Бренди, что, пока он будет заговаривать зубы риелтору на первом этаже испанской гасиенды, мы должны подняться наверх. Найти спальню хозяев несложно - обычно ее дверь имеет самый шикарный вид. А в ванной, примыкающей к спальне хозяев, как правило, и хранятся основные лекарства.

Манус работал детективом. Несомненно, работал, если считать детективной деятельностью виляние задницей, обтянутой узкими трусиками "Спидо", по кустам Вашингтон-парка и надежду на то, что вот-вот повстречаешь сексапильного "любителя", у которого при виде тебя вскочит член.

Красота - это сила, равно как деньги, равно как заряженный пистолет. А Манус с его квадратно-челюстной скуластой сногсшибательной внешностью мог бы запросто работать моделью для нацистских постеров.

Однажды утром, в тот период, когда Манус еще боролся с преступностью, я застала его на кухне квартиры, в которой мы жили вместе, срезающим корочку с куска

хлеба. Я замерла от умиления. Хлеб без корочки напомнил мне о детстве. Я подумала, Манус хочет сделать мне тост.

Я ошиблась.

Манус в белых "Спидо" поднимается со стула и подходит к большому зеркалу.

И спрашивает:

- Если бы ты была парнем-геем, захотела бы трахнуть меня в попу?

Манус переодевается в красные "Спидо" и опять задает мне тот же самый вопрос:

- Как ты думаешь, у тебя возникло бы желание вставить в мою задницу?

Подобные дни я с удовольствием вычеркнула бы из памяти.

- Что мне нужно, так это чтобы мой член был внушительных размеров, а зад всегда оставался крепким и юным.

Он засовывает кусок хлеба в свои "Спидо" спереди.

- Уверяю тебя, к подобным трюкам прибегают все модели, демонстрирующие нижнее белье. Смотри, каким ровным, гладким и безобидным он выглядит.

Манус крутится перед зеркалом, рассматривает себя со всех сторон и спрашивает:

- Может, стоит положить еще кусочек?

Работа Мануса детективом заключалась в том, что в хорошую погоду он разгуливал по улице в сандалиях и своих счастливых красных "Спидо", в то время как неподалеку в машине сидели двое переодетых полицейских и ждали, что на их приманку попадет жертва. Их надежды оправдывались чаще, чем вы можете себе представить.

Манус был единственным участником кампании по очистке Вашингтон-парка. Если бы он работал обычным полицейским, столь значительный успех никогда бы ему не сопутствовал. Зато никто никогда в него не стрелял.

Все это отдавало историями о Джеймсе Бонде, шпионами и приключениями.

У Мануса, помимо всего прочего, был чудный загар. А еще ему делали скидку при посещении спортзала и покупке новых "Спидо".

Перенесемся к риелтору в Санта-Барбаре. Он трясет мою руку и еще и еще раз повторяет мое имя. Дэйзи Сент-Пейшнс, Дэйзи Сент-Пейшнс. Так себя ведут, когда хотят произвести благоприятное впечатление. Но на мои вуали и покровы он не смотрит. Глядит на Бренди и Денвера.

Ему приятно со мной познакомиться, в этом я не сомневаюсь.

Дом представляет собой то, что воображаешь себе, когда видишь его снаружи.

В центре гостиной, под люстрой из кованого железа, стоит большой рубцеватый стол на трех ножках, исполненный в стиле, созданном по образцам старинных испанских католических миссий в Калифорнии. На нем расшитая серебром испанская шаль с бахромой. На этом столе можно танцевать.

Мы представляем одну телезвезду, имени которой назвать пока не можем, говорит Денвер риелтору.

Мы - передвижная команда, занимающаяся поисками летнего домика для этой безымянной знаменитости. Мисс Александр - специалист по определению выделяемых архитектурными сооружениями летальных испарений и оценке токсичности различных материалов.

- Из нового ковра, например, - говорит Денвер, - на протяжении целых

двух лет выделяется ядовитый формальдегид.

Бренди кивает.

- Я знаю, какие при этом испытываешь ощущения.

До того, как Манус занялся поимкой мужчин путем соблазна, с одним из них он судился.

Обидчик, выглядевший как онанист, подкатил к нему и на виду у всех попросил угостить сигаретой.

- Можно подумать, по мне не видно, что я не курю, - заявил Манус в суде.

Против каких еще пороков ему доводилось выступать, мне не известно.

Из Санта- Барбары мы поехали в Сан-Франциско и продали там "фиат спайдер".

Я, я постоянно пишу на салфетках для коктейля:

вполне вероятно, что мы найдем твою сестру в следующем городе. она может находиться где угодно.

В гасиенде в Санта-Барбаре мы с Бренди нашли таблетки бензедрина и декседрина и старенького куаалюда и сомы и несколько капсул диалоса, который, как выяснилось, применяется в качестве слабительного. А еще крем "солаквин-форте". Им, оказывается, отбеливают кожу.

В Сан- Франциско мы продали "фиат" и кое-что из лекарств и купили большой "Настольный справочник врача", чтобы в будущем не воровать никчемные слабительные и отбеливатели кожи.

В Сан- Франциско пожилые люди сплошь и рядом продают свои огромные дома. В них тьма наркотиков и гормональных препаратов. Мы раздобыли демерол и дарвоцет-N. Не малюсенькие таблетки дарвоцет-N 50, а стомиллиграммовые.

Продав "фиат", мы взяли напрокат "севилью" с откидным верхом.

Между собой мы называли друг друга детьми цинка.

Я была Комп Цинк.

Денвер был Тор Цинк.

А Бренди - Стеллой Цинк.

Именно в Сан-Франциско я начала "лечить" Денвера своим секретным методом. Чтобы в итоге уничтожить его.

Карьера Мануса пошла на убыль, когда количество арестованных с его помощью сократилось до одного человека в день, потом в неделю, потом - до нуля в месяц.

Вся проблема состояла в солнце и в загаре и в том, что Манус начал стареть и был уже известен как приманка. Более взрослые мужчины, уже

однажды им арестованные, больше к нему не подходили. А молодых он не интересовал, так как казался им слишком старым.

Манус слегка поправился, и "Спидо" стали ему слишком узки. Это уже не смотрелось чрезвычайно привлекательно. Начальство все серьезнее и серьезнее задумывалось о том, что пора заменить Мануса новой кандидатурой.

Поэтому- то Манусу и пришлось что-то выдумывать. Он пытался сам вступать в разговор с геями, старался показаться оригинальным, увлечь их. Тем не менее никто, включая молодых мужчин, которые не стремились, завидев его, исчезнуть, не соглашался пройти с ним до кустов.

Даже наиболее сексуально озабоченные парни, обращавшие внимание на каждого мужчину в парке, отвечали ему:

- О нет, спасибо. Или по-другому:
- В данный момент мне хочется побыть одному. Или того хуже:
- Чеши отсюда, старая блядь, а не то я позову копов!

После Сан-Франциско и Сан-Хосе и Сакраменто мы направились в Рино, и Бренди переделала Денвера Омлета в Чейза Манхэттена.

Мы объездили все места, где, как мне казалось, имелось достаточное количество лекарств. Деньги Эви могли подождать.

Перенесемся в Лас-Вегас, где Бренди дает Чейзу Манхэттену новое имя - Эберхард Фабер.

Мы едем в "севилье" по самым внутренностям Лас-Вегаса. Все сияет мигающим неоновым светом. В одном направлении мчится вереница красных огней, в другом - белых. Лас-Вегас выглядит так, как, наверное, бывает по ночам в раю. Откидной верх нашей машины убран.

Бренди сидит на багажнике - ее зад на его крышке, а ноги на заднем сиденье. На ней узкое, без бретелей, облегающее фигуру платье из розовой парчи с металлическим блеском. Из ярко-розовой парчи, такой, как сигнальные огни на дороге. Лиф платья украшен драгоценными камнями. Поверх него Бренди надела длинный плащ из тафты с рукавами-баллонами.

Бренди выглядит так потрясающе, что Лас-Вегас с его блеском и огнями тоже кажется одним из ее модных аксессуаров. Аксессуаров Бренди Александр.

Бренди скидывает руки, облаченные в длинные розовые оперные перчатки, и кричит. В этот момент она нереально красива. Длинный плащ из тафты очень ей идет.

Бренди опускает руки, и плащ соскальзывает с ее плеч и улетает в море дорожного движения Лас-Вегаса.

- Остановись у того дома! - вопит Бренди. - Утром этот плащ должен

вернуться к Баллоку!

Когда дела Мануса стремительно пошли на спад, нам пришлось начать ежедневно ходить в спортзал. Иногда по два раза в день.

Аэробика, строгие ограничения в питании, загар в солярии.

Манус занимался бодибилдингом, если считать, что основная составляющая бодибилдинга - это выпивание шесть раз в день над кухонной раковиной какой-то гадости прямо из миксера.

Нижнее белье Манус стал выписывать из-за границы. У нас в стране такого не производят. Эти мешочки на веревках, созданные из так называемого микрофила-ментного волокна, он натягивал на себя каждый раз перед выходом из спортзала на улицу. А потом всю дорогу интересовался, не слишком ли плоской выглядит его задница.

Задавал и другие вопросы, все время требуя, чтобы я представила себе, что я парень-гей.

- Может, мне следует подстричь волосы на лобке? - спрашивал он. - Может, я смотрюсь отчаявшимся? Или отчужденным? Может, у меня недостаточно широкая грудь? Или чересчур широкая?

Манусу было невыносимо думать, что геи принимают его за тупую корову.

Он боялся выглядеть слишком "по-голубому" и постоянно твердил, что геи любят парней, которые действуют прямо и честно.

- Не хочу, чтобы они смотрели на меня как на жирную пассивную задницу, - говорил он. - Чтобы думали, что я готов дать каждому.

Где-то на заднем плане постоянно маячила перспектива его перевода на нормальную службу, туда, где в тебя стреляют. Стреляют преступники, которым нечего терять. И с каждым днем эта перспектива все сильнее грозила превратиться в реальность. Ведь в Вашингтон-парке Манус мог поймать теперь только туристов в возрасте, но и это у него уже не выходило. А командование округа все чаще и чаще поднимало вопрос о подготовке человека для его замены.

Каждый день Манус затягивал свою задницу причудливыми штуковинами с серебристыми веревками, штуковинами, расписанными изображениями животных - зебр, тигров, леопардовых пятен, оцелотов, гепардов, пантер, пум, и долго крутился перед зеркалом, рассматривая себя спереди, сзади и с обоих боков. Он примерял то одни, то другие замысловатые трусики, пока не замечал, что уже опаздывает.

- Вот эти трусы принесут мне удачу, - говорил он. - Как ты считаешь?

Я постоянно уверяла себя, что люблю этого типа.

Манус спрашивал: "Как ты считаешь?" Как я могла считать? В его

делах мне, естественно, не хватало опыта. И я не могла приложить ума, где его набраться.

После Лас-Вегаса мы взяли напрокат семейный фургон.

Эберхард Фабер превратился в Хьюлетта Пакарда. Бренди носила длинное хлопковое белое платье с завязками на боках и огромным разрезом на юбке, абсолютно не подходящее для благопристойного штата Юта.

Мы остановились у Великого Соленого озера, чтобы попробовать его лечебную воду.

Само собой, на самом-то деле нас интересовала вовсе не вода.

Я постоянно писала на песке и на покрывавшем машину слое пыли.

возможно, твоя сестра в следующем городе.

проглоти еще. несколько таблеток викадина.

После того как Манус утратил способность привлекать мужчин как потенциальный партнер по сексу, он начал покупать журналы для гомосексуалистов и посещать гей-клубы.

- Я должен изучить их вкусы. Поэтому и решил, что обязан наведываться в эти заведения. Можешь составлять мне компанию, только стой подальше. Не хочу, чтобы от меня исходили неверные сигналы.

После Юты, в Бьютте, Бренди переделала Хьюлетта Пакарда в Харпера Коллинза.

В Монтане мы взяли напрокат "форд проуб".

Я сидела на тесном заднем сиденье, а Харпер то и дело сообщал:

- Сто десять миль в час.

Мы с Бренди пожимали плечами.

Превышение скорости в таком огромном штате, как Монтана, не столь страшное преступление, как где бы то ни было в других местах.

В мотеле в Грейт-Фоллз я написала помадой на зеркале в ванной:

может, твоя сестра вообще не в Штатах?

Итак, желая сохранить работу Мануса, мы начали ходить с ним в гсй-бары.

Я сидела в одиночестве и размышляла над тем, что мужчины как-то по-другому оценивают красоту друг друга. А Манус строил направо и налево глазки, танцевал, покупал и отправлял выпивку тем парням, которые, как ему казалось, могут им заинтересоваться.

Время от времени он усаживался на высокий стул у стойки рядом со

мной и как можно более тихо и незаметно говорил:

- Не могу поверить, что этот мальчик с тем типом. - Он едва заметно кивал на парня, о котором вел речь. - На прошлой неделе я пытался с ним заигрывать, но так и не получил от него ни капли внимания. Неужели, ну неужели я хуже его дружка, этого белобрысого недоделка?

Манус склонялся к своему стакану и бормотал:

- Парней не поймешь... Я была с ним согласна.

Я твердила себе, что все в порядке. Что отношения с любым мужчиной не могут быть идеальными. Что у нас с Манусом все изменится.

Перенесемся в Калгари канадской провинции Альберта, где Бренди съела суппозитории небалино в золотой фольге, решив, что это миндальные конфеты. Ей было так плохо, что, придя в себя, Бренди превратила Харпера Коллинза в Эддисона Уэсли.

В Калгари большую часть времени Бренди носила белую стеганую лыжную куртку с воротником из искусственного меха и нижнюю часть белого бикини от Донны Каран. Она выглядела забавно и ярко, и мы чувствовали себя свободными и популярными.

По вечерам Бренди облачалась в черные шерстяные брюки и платье-пальто длиной до пола в черно-белую полоску. Пуговицы она никогда не застегивала до конца.

Эддисон Уэсли еще в Калгари превратился в Нэша Рэмблера. Там же мы взяли напрокат другую машину - "кадиллак".

Перенесемся в Эдмонтон, провинция Альберта, где Нэш Рэмблер стал Альфой Ромео. Бренди носила коротюсенькие квадратные юбки-кринолины, черные колготки и ковбойские сапоги. И кожаное бюстье с изображением местного крупного рогатого скота, поднимающее грудь.

Мы сидим в одном милом баре в отеле Эдмонта. Бренди говорит:

- Терпеть не могу, когда на стакане, в котором martini, виден шов. Это пахнет дешевизной.

Вокруг нее крутится толпа парней. Они как огни десятков прожекторов. Я помню, какие испытываешь ощущения, когда на тебе сосредоточено столько внимания. В этой стране Бренди ни разу не пришлось тратить собственные деньги на выпивку, ни единого разу!

Перенесемся в тот день, когда Манус потерял работу специального оперативного сотрудника детективного отдела муниципального департамента полиции. На мой взгляд, ему так никогда и не удалось оправиться от этого удара.

Он столкнулся с серьезными материальными проблемами. На счете у Мануса лежала весьма скромная сумма.

Вскоре мое лицо склевали птицы.

Чего я не знала, так это того, что Эви Коттрелл, жившая одна в своем огромном доме с деньгами из Техаса, сказала однажды Манусу, что ей требуется какая-то помощь. И о нездоровом желании Мануса до-

казать себе, что он до сих пор в состоянии мочиться на каждое дерево.

Теперь мне все известно. И вам тоже.

Перенесемся к нам, мчащимся по дороге после больницы и сестер Рей. Я продолжаю добавлять проверу и климару и премарин во все, что Манус ест и пьет. В виски - эстрадиол. В водку - микрофоллин.

Это настолько просто и настолько страшно. Ведь он постоянно пялит глаза на Бренди.

Мы все от чего-то бежим. От вагинопластики. От старения. От будущего.

Перенесемся в Лос-Анджелес.

Перенесемся в Спокан.

Перенесемся в Бойс и Сан-Диего и Феникс.

Перенесемся в Ванкувер Британской Колумбии, где мы были эмигрантами из Италии и разговаривали на английском как на чужом языке. До тех пор, пока не утратили родной язык.

- Ваши две груди выглядят как груди совсем молодой женщины, - сказал Манус риелторше. В каком доме - я уже не помню.

После Ванкувера мы вернулись в Соединенные Штаты в качестве Бренди, Сета и Буббы-Джоан. Все благодаря умелому рту принцессы.

На протяжении всего пути в Сиэтл Бренди читала нам вслух о том, как одна девушка-еврейка, страдающая странным заболеванием мышц, превратила себя в Рону Барретт.

Все трое из нас были заняты одним и тем же: поиском богатых домов, кражей наркотиков, выбором машин напрокат, покупкой одежды.

- Расскажи нам что-нибудь очень личное, - говорит мне Бренди по пути в Сиэтл.

Все это время Бренди - мой босс. Она так близка к смерти.

Откройся.

Расскажи мне мою историю перед тем, как я умру.

Зашей себя.

Глава двадцать четвертая

Перенесемся на съемки на скотобойне, где повсюду развешаны здоровенные туши свиней без внутренностей.

На нас с Эви вечерние платья из ткани, похожей на нержавеющей сталь, платья от Бибо Келли. За нашими спинами со скоростью сто свиней в час движется цепь конвейера.

Эви спрашивает:

- Что произошло после того, как твоего брата изуродовало взрывом?

Фотограф смотрит на экспонометр и говорит:

- Нет. Так не пойдет. Художественный руководитель качает головой:

- Девочки, подождите. Свиные туши чересчур яркие и привлекают к себе слишком много внимания.

Свиньи проплывают мимо нас одна за другой, огромные, как полые деревья. Их опустошенные животы ослепительно красные, а все остальное покрыто свинаячьей шкурой, кем-то недавно опаленной.

Я невольно сравниваю с ними себя и вспоминаю, когда в последний раз удаляла воском ненужные волосы.

Эви напоминает:

- Я спросила про твоего брата...

Я мысленно прокручиваю назад дни. Пятница, четверг, среда, вторник... Я силюсь воспроизвести в памяти свою последнюю процедуру удаления волос.

- Как так вышло, что из изуродованного он превратился в мертвого? - спрашивает Эви.

Свиные туши движутся слишком быстро, и художественный руководитель не успевает припудрить внутренние части их ярких блестящих выпотрошенных животов.

Я смотрю на кожу этих трупов и не перестаю удивляться - она чудесно выглядит. Неужели современные фермеры мажут своих свиней солнцезащитными кремами, думаю я. Я была настолько же гладкой вот уже, наверное, месяц назад. Может, было бы лучше, если бы в современных салонах вместо лазерных технологий и охлаждающих гелей применяли бы обыкновенные паяльные лампы?

- Космическая девушка, - говорит мне Эви. - Позвони домой.

В помещении, где развешаны свиные туши и где в данный момент находимся мы, слишком холодно, особенно в платье из нержавеющей

стали.

Какие-то ребята в белых халатах трапецевидной формы и ботинках на низких каблуках вынуждены время от времени опрыскивать вспоротые свиные животы -от них исходит пар. Я чувствую себя паршиво и с радостью поменялась бы местами с этими парнями. Или даже со свиньями.

- Полиция не поверила в историю о странном попадании баллончика в мусорное ведро. Решила, что либо мама выбросила его туда, поступив неслышанно небрежно, либо папа заехал Шейну по физиономии в приступе ярости, - отвечаю я Эви.

Фотограф предлагает:

- Может, нам перейти на какое-нибудь другое место, туда, откуда туши будут смотреться не настолько яркими? Туда, где на них падает меньше света?

- Когда они движутся, создается стробоскопический эффект, - говорит художественный руководитель.

- А почему полицейские вам не поверили? - спрашивает Эви.

- Потому что им постоянно звонил какой-то неизвестный, - отвечаю я.

Фотограф интересуется:

- Мы можем на какое-то время остановить цепь?

- Только при условии, что люди на какое-то время откажутся есть мясо, - отвечает художественный руководитель.

Мы с Эви сознаем, что возможность по-настоящему отдохнуть у нас появится лишь через несколько часов.

- Кто-то говорил о вас полиции какую-то ложь? - спрашивает Эви.

Парни в белых халатах в очередной раз заканчивают опрыскивать свиней, косясь в нашу сторону и хихикая. Они заигрывают с нами.

- Шейн убежал из дома, - говорю я Эви. - Все случилось очень просто. А пару лет назад предкам позвонили и сообщили, что он мертв.

Мы подходим как можно ближе к движущимся тушам, все еще теплым.

Пол под нашими ногами жутко грязный и скользкий. Эви делится со мной задумкой написать "Золушку" на новый лад. В которой вместо платья и туфель Золушке делают ряд пластических операций - подтяжку лица, имплантацию, липосакцию. И Золушка превращается в одинокого маленького мальчика.

- Если задумываешься о том, сколько мой брат получал внимания, тогда понимаешь, что он сам положил этот чертов баллончик в мусорное ведро, - говорю я.

Глава двадцать пятая

Перенесемся в один из городов Айдахо. Мы с Бренди ходим по магазинам главной улицы, на которой есть также и булочная, где продают вчерашний хлеб, закусочная и агентство недвижимости, в которое зашел наш мистер Уайт Вестингауз, чтобы побеседовать с кем-нибудь из риелторов.

Мы направляемся к магазину подержанной одежды. Он расположен напротив булочной. Бренди рассказывает, какой фокус проделывал ее отец со своими свиньями, прежде чем везти их на продажу, - пичкал их гадостью, подобной той, что продают в этой булочной.

Воздух свежий и чистый. Солнце ласкает кожу желтыми лучами. Где-то совсем недалеко от нас - медведи и горы.

Мы входим в магазин. Бренди смотрит на меня поверх вешалки с подержанными платьями.

- Ты когда-нибудь слышала о подобной афере со свиньями, дорогая? - спрашивает она.

А еще он продавал картошку в трубе, ее отец. Брал мешок и ставил в него кусок трубы. Вокруг трубы насыпал хороший свежий картофель - крупные крепкие клубни, саму трубу наполнял прошлогодней картошкой, жухлой, порезанной, наполовину сгнившей. Потом вытаскивал трубу и продавал картофель у обочины дороги по более дешевой цене, чем в других местах. Часто даже брал с собою детей. Он занимался благим делом - зарабатывал деньги для семьи.

В тот день у нас в Айдахо был "форд". Коричневый изнутри и снаружи.

Бренди принимается рассматривать каждое платье на вешалке.

- Ты когда-нибудь слышала о чем-нибудь настолько же подлом? - спрашивает она.

Перенесемся к нам с Бренди на главную улицу одного из городов Айдахо. Мы в примерочной все того же магазина подержанной одежды, размерами напоминающей телефонную будку.

Я помогаю Бренди влезть в бальное платье. Создается впечатление, что эта одежка принадлежала когда-то самой Грейс Келли и что на ней невидимыми буквами выведено "Чарльз Джеймс". Переливчатая розовая органза и нежно-голубой бархат укреплены с обратной стороны скелетом из проволоки и обручей.

Эти платья - самые замечательные, говорит Бренди. Бальные конструкции, вечерние инженерные сооружения с кринолинами и лифами без бретелек, стоячими воротниками в форме подковы и расширяющимися книзу рукавами, утягивающимися поясами, басками и опорами. Их век недолог. Натяжение, сжатие, постоянная борьба тонкой ткани с кольцами и проволокой - все это быстро разрушает шелк и крепдешин. А когда внешняя сторона, то, что представлено взглядам окружающих, теряет свою прочность, внутренности прорываются наружу.

Принцесса говорит:

- Мне необходимо съесть таблеточки три дарвона, чтобы втиснуться в эту прелесть.

Она протягивает руку, и я даю ей то, в чем она нуждается.

Ее отец, рассказывает Бренди, он нашпиговывал говядину дробленым льдом, чтобы наполнить ее водой, а потом продавал. А иногда не льдом, а злаковыми.

- Он был неплохим человеком, - говорит Бренди. - Просто чересчур четко следовал своим правилам.

Его правила, по словам Бренди, состояли не в том, чтобы быть кристально честным и справедливым, а в том, чтобы уберечь семью от голода и бедности. И болезней.

Иногда по ночам, говорит Бренди, когда она спала, ее отец приходил к ней в спальню.

Я не хочу это слышать.

Проверо- дарвонная диета Бренди повлекла за собой эмоциональную булимию. Теперь она не в состоянии хранить даже самые страшные тайны.

Я расправляю на ушах свои покровы.

Спасибо за то, что не лезете ко мне в душу.

- Иногда по ночам папа приходил и опускался на край моей кровати, - говорит Бренди. - И будил меня.

Это был наш папа.

Бальное платье обрело новую жизнь, заблистав на фигуре Бренди. Это даже не жизнь, а нечто большее, настоящая сказка.

В последние лет пятьдесят в таких платьях не появляются нигде.

На боку у Бренди широченная молния. Ее талия плотно охвачена корсажем, половина груди, плечи и

длинная шея обнажены. Ноги скрыты облаком желтого тюля, украшенного чрезмерным количеством вышивки и жемчужных зерен.

- Не платье, а настоящий дворец! - восклицает Бренди. - Но, несмотря на помощь наркотиков, мне ужасно больно.

Вокруг ее шеи и на талии в некоторых местах торчит проволока. Панели пластикового китового уса, их острые края врезаются в ее тело. В шелке ей жарко, в тюле неудобно. Просто оттого, что Бренди вдыхает и выдыхает, металл и целлулоид впивается в нее все глубже и глубже. Просто оттого, что в ней есть жизнь, они жуют и терзают ткань и ее тело.

Перенесемся в те ночи, когда отец Бренди приходил к ней в спальню.

И говорил: поторопись. Одевайся и буди сестру.

Меня.

Он велел нам брать с собой пальто и забираться в кузов машины.

Мы повиновались. Это случилось в тот период, когда телевизионные каналы уже заканчивали все свои передачи. Когда на дороге не было никого, кроме наших предков в кабине пикапа и нас - в кузове. Бренди и ее сестры, свернувшись калачиками на рифленом кузовном дне. Было оглушительно тихо. Единственными звуками, нарушавшими ночное безмолвие, были звуки, издаваемые рессорами, монотонный рев двигателя и шум карданной передачи.

Когда колеса пикапа попадали в выбоины, наши головы, подобно тыквам, отскакивали от дна кузова и с силой стукались об него. Мы плотно прижимали к лицам ладони, чтобы, вдыхая воздух, не втянуть в себя опилки и сухой навоз, и не раскрывали глаз.

Мы не знали, куда мы едем, но пытались догадаться. Поворот направо, налево, бесконечная езда по прямой, еще один поворот направо, настолько крутой, что мы перекатывались к левому борту кузова. Спать мы не могли.

Дернувшись и разорвав платье в нескольких местах, Бренди становится вдруг очень спокойной и тихой.

- С шестнадцати лет я большую часть времени предоставлена только самой себе, - говорит она.

С каждым вдохом, несмотря на то, что благодаря дарвону эти вздохи - лишь прерывистые заглывания воздуха, Бренди моргает.

- Когда мне было пятнадцать, произошел один несчастный случай, - говорит она. - А полиция в больнице обвинила папу в жестоком со мной обращении. С этого-то все и началось. Я не могла им ничего рассказать, потому что рассказывать было нечего. Она вдыхает и моргает.

- Опросы, осмотры, лечение... Мне казалось, все это никогда не закончится.

Наш пикап сбавлял скорость и, подпрыгивая, съезжал с асфальта на гравий или в грязь, продвигался еще немного вперед и останавливался.

На что только не толкает людей бедность.

Все еще лежа на дне кузова, мы осторожно убирали от лица руки.

Опилки и навоз к этому моменту уже не кружили в воздухе. Отец Бренди откидывал задний борт, и мы спрыгивали в грязь. И, вглядываясь во тьму, различали длинные стены товарных вагонов. Вагонов остановившегося по каким-то причинам товарного состава.

На вагонах-платформах белели бревна - длинные или короткие, размером два на четыре. Гнутые стенки вагонов-цистерн поблескивали. На хопперах чернел уголь.

Сильно пахло аммиаком. Свежераспиленным кедром. На горизонте брезжил рассвет.

Кузов нашего пикапа наполнялся пиломатериалами. И ящиками с пудингами-полуфабрикатами. А еще коробками с бумагой для пишущей машинки, туалетной бумагой, батарейками, зубной пастой, консервированными персиками, разными книгами.

Вокруг автомобилевозов валялись россыпи бриллиантовых осколков раздробленного защитного стекла. Новенькие машины с чистыми черными колесами беспощадно калечили и растаскивали по частям.

Бренди опускает голову и смотрит в вырез платья на эстрадермовый пластырь на собственной груди. Потом налепляет на вторую грудь еще один кусочек пластыря, прерывисто втягивает в себя воздух и моргает.

- Вся эта ерунда - расследование дела о жестоком обращении с ребенком - закончилась через три месяца, - говорит она. - Позднее в спортзал, где я занималась баскетболом, пришел один человек. Он сообщил, что работает в полиции и желает конфиденциально со мною побеседовать, чтобы поставить точку в связанном с моим несчастным случаем разбирательстве.

Бренди вдыхает, моргает, опять опускает голову, заглядывает в вырез платья, достает зажатый между грудей диск метадона, откусывает половину, а остаток возвращает на место.

Примерочная душная и для нас двоих и для грандиозного сооружения, надетого на Бренди, слишком мала. Бренди говорит:

- Дарвон.

Она щелкает пальцами и просит:

- Быстрее.

Я достаю еще одну розово-красную капсулу, и Бренди глотает ее, не запивая.

- Этот парень, - продолжает она, - пригласил меня к себе в машину. Он спросил, не хочу ли я добавить чего-нибудь, что побоялась рассказать раньше.

Платье разваливается. Шелк трещит по всем швам, тюль лопається в

нескольких местах. Бренди говорит:

- Я ответила детективу "нет". А он сказал: "Хорошо. Мне нравятся дети, которые умеют хранить тайны".

В остановившихся вагонах можно было набрать кучу карандашей, новеньких электрических лампочек, болванок для дверных ключей. К тому моменту, когда подъезжали другие люди, наш пикап был набит до отказа. Народ рассматривал, что мы набрали. Десять тысяч шнурков для обуви. Тысячу банок соленого сельдерея. Пятьсот штук вентиляторных ремней, все одного размера. Естественно, использовать все это сами мы были не в состоянии, но могли продать. Что оставалось, приходило в негодность. Большая часть жира, добавляемого в тесто для рассыпчатости, например, становилась прогорклой, мы не успевали его съесть. Портился и лак для волос.

- Тот полицейский, - говорит Бренди, и из-под желтого шелка на ее теле торчит проволока, - он поло-

жил мне на ногу руку и сказал, что дело закроют. Что мою семью больше не будут мучить. Арестуют только отца, которого считают главным подозреваемым. Арестуют, если я ему не помогу.

Бренди вдыхает, и платье еще сильнее рвется, выдыхает, и ее тело все больше обнажается.

- Что мне было делать? - спрашивает она. - Пятнадцатилетняя, я почти не знала жизни.

На платье сотня дыр. Бренди почти голая.

Когда мы все еще находились у разоренного состава, отец говорил, что с минуты на минуту нагрянет охрана.

Он твердил, что наша семья вот-вот станет богатой и обеспеченной, и торопился исчезнуть с места преступления, чтобы у него не отобрали наворованное.

Я прекрасно все это помню.

- Тому полицейскому, - говорит Бренди, - было года двадцать два, не больше. То есть все прошло не так уж и отвратительно, как если бы с дряхлым стариком. Но это не являлось любовью.

Теперь в нескольких местах разрывается и проволочный скелет платья.

- На протяжении долгого времени, - говорит Бренди, - я пребывала в состоянии жуткого смущения.

Вот так я росла, - наблюдая за тем, как мои родители грабят остановившиеся товарные составы. В период с шести до девяти лет на десерт я ела только пудинги светло-коричневого цвета. Теперь я ненавижу пудинги. И светло-коричневый цвет. Особенно светло-коричневый цвет. И

вкус пудинга. И запах.

А с Манусом я познакомилась вот как: мне было восемнадцать, к нам пришел один красивый парень. Чтобы спросить, не получали ли мы известий от моего сбежавшего из дома брата.

Он был постарше меня, может, лет двадцати пяти. Его имя я прочла на протянутой парнем визитке. Манус Келли. Независимый оперативный сотрудник. Я сразу обратила внимание на то, что у него на пальце нет обручального кольца.

Он ослепительно улыбнулся и сказал:

- А вы очень похожи на своего брата. Как вас зовут?

- Прежде чем вернуться в машину, - говорит Бренди, - я хочу рассказать тебе кое-что о твоём друге, мистере Уайте Вестингаузе.

О бывшем Чейзе Манхэттене, Нэше Рэмблере, Денвере Омлете, о бывшем независимом оперативном сотруднике Манусе Келли.

Я произвожу в голове элементарные математические вычисления.

Манусу тридцать лет. Бренди двадцать четыре. Когда Бренди было пятнадцать, Манус, возможно, уже являлся частью нашей жизни.

Я не желаю это слышать.

Восхитительного старинного платья больше нет. Шелк и тюль упали на пол примерочной, проволока разорвалась и отскочила. Бренди стоит в нижнем белье, на ее теле еще краснеют пятна.

- Забавно, - говорит Бренди, - но со мной это случается не впервые. Однажды я уже уничтожала чужую одежду.

Баклажанный глаз подмигивает мне.

Я чувствую дыхание Бренди и ее тепло. Она стоит совсем рядом.

- Это произошло в ту ночь, когда я сбежала из дома. Перед исчезновением я подожгла все, что сушилось на бельевой веревке у нашего дома.

Я углубляюсь в раздумья. Известно Бренди, кто я такая, или нет? Что означают все ее признания? Что она открывает мне душу? Или что дразнит меня? Если дразнит, то и грязную историю о Манусе могла просто придумать. Если нет, тогда мой любимый - чудовищный сексуальный извращенец.

Либо Манус, либо Бренди, кто-то из них мне врет. Мне, образцу непорочности и правдивости. Манус или Бренди. Я не знаю, кого должна ненавидеть.

Я и Манус. Я и Бренди. Все было не так уж и отвратительно, но это не являлось любовью.

Глава двадцать шестая

Я должна была придумать какой-то другой способ убийства Бренди.

Мне надо обрести свободу. Я хочу раз и навсегда покончить с этой историей. Мечтаю устроить перекрестный огонь, от которого смогу уйти.

В данный момент Эви меня ненавидит. Бренди выглядит так, как когда-то выглядела я. А Манус до сих пор по уши влюблен в Бренди и готов пойти за ней хоть на край света, даже если не будет знать, зачем она туда направляется. Все, что мне следует устроить, так это поставить Бренди под перекрестие винтовки Эви.

Мы в ванной.

Короткий пиджак Бренди с рукавами три четверти висит на краю раковины в форме половины моллюскового дома. Я держу в руке сувенир из будущего. Открытку, на которой запечатлен фрагмент дня открытия Спейс Нидл. 1962 год. Небо ясное и залито солнцем.

Можно выглянуть из окон-иллюминаторов и увидеть, что стало с будущим.

Будущего, каким я о нем мечтала, нет. Будущего, каким мне его обещали. На какое я надеялась. Нет ничего, что я ждала: ни умиротворения, ни любви, ни уюта.

"Будущее превратилось из надежды в угрозу. Когда это произошло?" - написал однажды Эллис на обратной стороне открытки.

Я засовываю сувенир из будущего в книгу мисс Роны и смотрю на обложку. На фотографию блондинки с прической - запечатленным на пленке ураганом, налетевшим с запада. Ураганом, сфотографированным с искусственного спутника. На блондинке жемчуга и какие-то другие камни, скорее всего бриллианты. Они сверкают тут и там.

Эта дамочка выглядит по-настоящему счастливой.

Я возвращаю книгу во внутренний карман пиджака Бренди. Собираю разбросанные повсюду лекарства и косметику и раскладываю их по местам.

Солнце светит уже под очень небольшим углом. Его темно-желтые лучи заполняют ванную, проникая сквозь окна-иллюминаторы.

Скоро все почтовые отделения закроются. А мне надо забрать деньги Эви. По меньшей мере полмиллиона долларов. Что мне делать с подобной суммой, я не знаю, но чувствую, что скоро придумаю.

Бренди спит слишком долго. Я бужу ее.

Глаза Бренди, эти баклажанные грезы, приоткрываются и зажимаются, приоткрываются и сощуриваются.

Ее волосы, сзади они сильно приминаются.

Бренди приподнимается на локте и говорит:

- Сейчас я под кайфом, поэтому могу сказать тебе что угодно.

Бренди смотрит на меня, склоняющуюся над ней, протягивающую ей руку. И произносит:

- Я действительно тебя люблю. И - как бы ты к этому ни отнеслась - хочу, чтобы мы с тобой были семьей.

Мой брат желает на мне жениться, думаю я. Бренди берет меня за руку. И говорит:

- Я не имею в виду семейные отношения двух сестер. Моя программа обучению реальной жизни еще не закончена.

Хищение наркотиков, их продажа, покупка одежды, катание на роскошных машинах, взятых напрокат, возврат одежды в магазины, заказ коктейлей - все это я отнюдь не назвала бы реальной жизнью.

Бренди поднимается на ноги и расправляет спереди юбку. И сообщает:

- Главную операцию мне еще не сделали.

Она подходит к зеркалу, поворачивается боком и рассматривает свой профиль.

- Планировалось, что она произойдет через год, но я неожиданно повстречала тебя. Я собрала сумки в "Конгресс отеле" за несколько недель до твоего в нем появления и терпеливо ждала, что ты придешь и спасешь меня. - Бренди поворачивается к зеркалу другим боком. - Я полюбила тебя так сильно, что подумала: может, еще не поздно?

Бренди берет салфетку, стирает помаду сначала с верхней, потом с нижней губы, бросает салфетку в унитаз - улитковую раковину - и спрашивает своими новыми губами:

- Ты, случайно, не знаешь, где здесь кнопка для смыва?

На этом унитазе я просидела несколько часов. Но ни разу не задумалась о том, где находится кнопка для смыва. Я приближаюсь к двери и ступаю в спальню. Если Бренди желает продолжить мне что-то говорить, ей придется последовать за мной.

На пороге, в том месте, где заканчивается выложенный плиткой пол и начинается пол, покрытый ковром, Бренди спотыкается. Каблук одного из ее ботинок ломается. Правой ногой она задевает дверной косяк. Чулок рвется. Бренди пошатывается и хватается за вешалку с полотенцами. С одного из ее ногтей сдирается лак.

Блистательное анальное королевское великолепие, она восклицает:

- О черт!

Прекрасная принцесса, она выкрикивает:

- На самом-то деле я не хочу быть женщиной! Подожди!

Она вопит мне вслед:

- Я решилась на все это только потому, что большей глупости не могла выдумать! То, чем я занимаюсь, бессмысленно, нелепо, пагубно. Все, у кого бы ты ни спросила, правильно ли я поступаю, ответят: "неправильно". Именно поэтому я и захотела идти именно этой дорогой.

Бренди говорит:

- Ты понимаешь меня? Все мы настолько привыкли, что нам твердят: не совершайте оплошностей. Я посчитала, что если отважусь на наибольшую из возможных ошибок, то получу шанс вырваться из оков и начать жить поистине свободной настоящей жизнью.

Как Христофор Колумб, отправившийся однажды на край света.

Как Флеминг с его плесневым грибом.

- Настоящие открытия человечества порождены хаосом! - орет Бренди.

- И посещением тех мест, которые считаются запретными и проклятыми.

Ее королевским голосом наполнен весь дом. Она кричит:

- Не смей сбегать от меня в тот момент, когда я надумала все тебе объяснить!

Бренди - это женщина, вскарабкивающаяся на крутую гору.

Разумного объяснения действиям скалолазки не существует. Многие люди находят их странными, безрассудными, ошибочными. Альпинистка голодает, мерзнет, страдает от боли и переутомления, но упорно лезет и лезет вверх, день за днем, к самой вершине.

Возможно, это испытание ее изменит, но главная цель, которую она преследует, - добавление рассказа о покорении горы к своей истории.

- Я, - говорит Бренди, все еще стоя на пороге ванной и все еще пялясь на свой ободранный ноготь, - я тоже совершаю глупость, но гораздо более серьезную. Я трачу на нее больше денег, больше времени, от меня отказались все мои старые друзья, а в итоге само мое тело будет считаться моей историей.

Для многих людей операции по изменению пола до сих пор представляются настоящим чудом. Но если ты идешь на эту операцию не потому, что нуждаешься в ней, тогда ты подвергаешь себя пытке, которая никогда не закончится.

Бренди говорит:

- Я не считаю, что быть женщиной плохо. Возможно, это даже прекрасно. Но у меня нет желания быть женщиной. Я не хочу этого, не

хочу больше всего на свете. Я совершаю наибольшую ошибку, какую могла бы совершить.

И это мой брат называет тропинкой к величайшим открытиям.

Мы заключены в тиски нашей культуры и укоренившегося в сознании представления о том, как человек

должен жить на этой планете. Человек с мозгом, двумя руками и ногами. Мы настолько к этому привязаны, что любой путь выхода из этой ловушки окажется новой ловушкой. Все, чего бы мы ни хотели, нас научили хотеть.

- Сначала я подумала, что мне необходимо ампутировать себе ногу и руку, левые или правые. - Бренди смотрит на меня. - Но ни один хирург не согласился бы мне помочь.

Она продолжает:

- Потом я вспомнила о существовании СПИДа. Но от этой идеи тут же отказалась: СПИДом болеют очень многие, это даже популярно и модно. Наверное, именно о СПИДе сестры Рей упомянули, когда звонили моей настоящей семье. Порой эти сучки ведут себя как неисправимые собственницы. Распоряжаются мной, как хотят.

Бренди достает из сумки белые перчатки с пуговками-жемчужинами на внутренней стороне запястий. И медленно натягивает их на руки.

Белый цвет - не лучший для перчаток Бренди. В них ее кисти смотрятся такими гигантскими, будто ей трансплантировали лапы мультипликационного мышонка.

- Потом мне в голову пришла идея поменять пол, - говорит она. - Сестры Рей, они считают, что используют меня. На самом же деле я использую их. Трачу их деньги взамен на предоставление им возможности думать, что они мною управляют. И что происходящее со мной - осуществление их затей.

Бренди поднимает ногу, осматривает ботинок - в том месте, где находился сломанный каблук, - и вздыхает. Потом опускается на пол и разувается.

- Все, на что я решилась, никак не зависит от желаний сестер Рей. Просто это наибольшая глупость, какую я когда-либо могла бы совершить.

Бренди отламывает каблук от невредимого ботинка и вновь обувается.

- В несчастье следует ступать обеими ногами.

Она бросает отломанные каблуки в мусорное ведро в ванной.

- Я не гетеросексуалка, не гей и не бисексуал. Я не желаю навешивать на себя какой бы то ни было ярлык. Не хочу втискивать свою жизнь в определенное слово. В рассказ. Мечтаю отыскать нечто другое, нечто

непостижимое, мечтаю очутиться в таком месте, которого не найдешь на карте. Жажду настоящих приключений.

Сфинкс. Загадка. Тайна. Неизвестность. Неопределенность. Невиданность. Непонятность. Вот какие слова применяла Бренди, когда описывала меня в моих вуалях. Моя история - не банальный рассказ о типичной жизни, которая течет себе, течет и течет, а нечто из ряда вон выходящее.

- Когда я тебя повстречала, меня одолела зависть, - говорит она. - Мне тоже захотелось иметь такое лицо. Я подумала, что с подобным человек в состоянии стать неслыханно сильным и сделать самые головокружительные открытия.

Я выхожу из комнаты и начинаю спускаться по лестнице. Я в полном замешательстве. Бренди следует за мной в своих обновленных ботинках на сплошной подошве.

Мы сходим вниз, пересекаем холл и приближаемся к дверям гостиной. До нас доносится низкий голос мистера Паркера:

- Вот так. Хорошо.

У дверей мы ненадолго останавливаемся. Я взбиваю волосы на затылке Бренди, она одергивает пиджак и подтягивает чулки.

У нее во внутреннем кармане - книги. А в трусах - мужской член. Но, если об этом не знать, подобное никогда не придет тебе в голову. Она выглядит отлично.

Мы распахиваем двойные двери гостиной. И видим мистера Паркера и Эллиса.

Брюки мистера Паркера спущены до колен. Он повернут к нам волосатым задом. Его член вставлен в рот Эллиса. Эллиса Айленда, бывшего независимого оперативного работника Мануса Келли.

- О да! Вот так! Продолжайте, это просто потрясающе!

Эллис отлично справляется с задачей. Втягивает в себя столько мистера Паркера, сколько может. Его квадратно-челюстное нацистско-постерское лицо выражает удовлетворение. Он мычит и хрюкает, наслаждаясь возвращением к работе, с которой его вынудили уволиться.

Глава двадцать седьмая

Человек на почте требует, чтобы я предъявила документы. Но в моем случае документы ничего не удостоверяют, ведь на фотографиях, например, на той, что вклеена в водительские права, я похожа на Бренди, а не на себя. Поэтому мне приходится объяснять в письменном виде, как я теперь выгляжу. Все это время я искоса поглядываю на полицейскую доску с надписью: "Разыскиваются", проверяя, не являюсь ли я наиболее "желанной" для поимки личностью.

Почти полмиллиона баксов - это двадцатипятифунтовая коробка десяти- и двадцатидолларовых купюр. В коробке на самом верху я нахожу записку от Эви на розовой канцелярской бумаге. Моя бывшая лучшая подруга грозит, что, если когда-нибудь еще увидит меня, непременно убьет.

Я счастлива.

Я отклеиваю с коробки наклейку, чтобы Бренди не видела, кому она адресована.

Одним из преимуществ людей, работающих в модельном агентстве, является то, что их номера телефона нет в телефонных справочниках. Бренди не в состоянии определить, в каком я живу городе. Формально меня нет нигде.

Теперь мы направляемся назад, к Эви. К кончине Бренди. Всю дорогу я и Эллис, мы что-нибудь пишем на открытках будущего и выбрасываем их из окон машины. Мы движемся на юг по Интерстейт-5 со скоростью полторы мили в минуту. То есть за каждые пару минут Эви с ее винтовкой становятся к нам ближе на три мили. За час - на девяносто миль.

Эллис пишет:

Рождение человека - это ошибка, исправить которую он пытается на протяжении всей своей жизни.

Электроподъемник с приглушенным шумом опускает на полдюйма стекло машины "линкольн таун", и Эллис выбрасывает открытку в зону пониженного давления, расположенную за нашим быстро движущимся автомобилем.

Я пишу:

Всю свою жизнь ты пытаешься стать Богом, а потом умираешь.

Эллис пишет:

Если ты не рассказываешь окружающим о своих проблемах, значит, не любишь вникать и в их проблемы.

Я пишу:

Все, чем занимается Бог, так это следит за нами и убивает нас, когда мы смертельно устаем жить. Надо стараться не уставать.

Перенесемся к нам, просматривающим раздел в газете, посвященный недвижимости. Нас интересуют выставленные на продажу крупные дома. Приезжая в новый город, первым делом мы занимаемся именно изучением газетных объявлений.

Мы сидим в уютном кафе у тротуара, пьем кофе со взбитыми сливками и шоколадной крошкой и читаем.

Потом Бренди обзванивает риелторов и узнает, в каких из домов еще живут люди. Эллис составляет список тех из них, в которые мы должны наведаться завтра.

Мы селимся в приличном отеле и ложимся отдыхать. После полуночи Бренди будит меня поцелуем. Они с Эллисом уходят, чтобы продать остатки наркотиков, украденных в Сиэтле. Быть может, еще и потрахаться где-нибудь. Мне на это наплевать.

- Нет, - говорит Бренди, - мисс Александр не собирается звонить сестрам Рей, несмотря на то, что находится в этом городе.

Эллис стоит в проеме двери и выглядит как супергерой. Я мечтаю, чтобы этот супергерой забрался ко мне в постель и спас меня. Но с недавних пор Эллис мой брат, а быть влюбленной в брата нельзя.

Бренди спрашивает:

- Тебе подать пульт дистанционного управления? Бренди включает телевизор, и на экране появляется

Эви. Она выглядит напуганной и растерянной, ее волосы всех оттенков блондина распушены. Эвелин Коттрелл Инкорпорейтед идет по студии в платье с блестками и спрашивает людей попробовать ее канале.

Бренди переключает канал.

Бренди переключает канал.

Бренди переключает канал.

После полуночи Эви повсюду. Предлагает народу то, что на подносе в ее руках. А народ не обращает на нее внимания. Люди смотрят на монитор, заключенные в петлю реальности, - наблюдают за собой, наблюдающими за собой. То же самое происходит с каждым из нас каждый раз, когда мы подходим к зеркалу. Нам постоянно хочется постичь, что за человек смотрит на нас оттуда.

Петля никогда не заканчивается. Эви и я, мы вместе снимались в этом

ролике. Как я могла быть настолько глупой и наивной в ту пору? Почему мы так часто погружены в себя и не замечаем, что творится у нас под носом?

Камера на Эви, и я почти слышу, как она говорит:

- Люби меня.

Люби меня, люби меня, люби меня, люби меня, люби меня, люби меня, люби меня, я буду тем, кем ты захочешь. Пользуйся мной. Переделывай меня. Я могу стать тоненькой с большими сиськами и густыми волосами. Разорви меня на части. Преврати во что угодно. Только люби.

Перенесемся на съемки на свалке автомобилей, на скотобойне, в морге. Мы с Эви были готовы отправиться в любое место, лишь бы по сравнению с окружающей обстановкой выглядеть красиво в одеждах, которые нам следовало демонстрировать.

Теперь я сознаю, что именно ненавижу в Эви. То, что она безбожно тщеславная, глупая и поверхностная. А особенно то, что я точно такая же. Выходит, больше всего на свете я ненавижу себя. А потому и всех окружающих.

Перенесемся в следующий день. Мы воруем лекарства в нескольких домах - в парочке шикарных особняков и в замке.

Мы встречаемся с риелторшей в баронской гостиной здорового особняка в Вест-Хиллз. Мы окружены поставщиками провизии и торговцами цветами. Стол в центре комнаты разложен и заставлен серебром и хрусталем, чайными сервизами, самоварами, подсвечниками, бокалами, рюмками и фужерами. Женщина в убогом твидовом костюме, пригодном разве что для огородного пугала, разворачивает серебряные и хрустальные вещицы из оберточной бумаги и делает какие-то пометки в маленькой записной книжке в красной обложке.

Мы окружены водоворотом постоянно прибывающих цветов - ведер с ирисами, розами и левкоем. Дом наполнен их благоуханием, а еще - запахом выпечки и фаршированных грибов.

Нам этот дом не подходит. Здесь слишком много народу.

Бренди смотрит на меня.

Но риелторша уже улыбается. Медленно и протяжно, с техасским акцентом она сообщает, что очень рада нас видеть и что ее зовут миссис Леонард Коттрелл.

Эта дамочка по фамилии Коттрелл берет Бренди под руку и начинает показывать ей первый баронский этаж. А я, я готова смыться отсюда. Или вступить с кем-нибудь в драку.

Покажи мне ужас.

Вспышка.

Покажи мне панику.

Вспышка.

Риелторша Коттрелл проводит нас мимо твидовой женщины и свадебных подарков.

- Это дом моей дочери. Хотя большую часть времени она проводит не здесь, а в мебельном отделе магазина "У Брумбаха" в центре города. До настоящего момента мы мирились с ее странными пристрастиями, но теперь собираемся покончить с ними - выдаем ее замуж за одного ненормального.

Она понижает голос:

- Заставить нашу девочку уговориться было сложнее, чем вы можете себе представить. Последний дом, который мы ей купили, она спалила дотла.

Рядом с твидовой работницей лежит стопка свадебных приглашений, украшенных золотом. Они возвращены назад вместе с извинениями и вежливым отказом.

Отказов довольно много.

Приглашения очень красивые. Это свернутые втрое открытки с гравировкой по золоту и засушенными цветками фиалки внутри. Я приостанавливаюсь у стола, незаметно ворую один из отказов и догоняю миссис Коттрелл, Бренди и Эллиса.

- Нет, - говорит Бренди. - В доме слишком много людей. В таких условиях нам будет неудобно осматривать дом. Да и вам, наверное, сейчас не до покупателей.

- Между нами, - произносит дамочка Коттрелл вполголоса, - мы готовы устроить Эви хоть самую шикарную свадьбу в Америке, лишь бы спихнуть ее какому-нибудь чудаку.

Бренди говорит:

- Не смеем вас задерживать.

- Но некоторым мужчинам, очень ограниченному количеству, нравятся именно такие "женщины", как наша Эви, - не унимается миссис Коттрелл.

Бренди прикладывает руку к груди:

- Нам действительно пора.

Эллис поворачивается к миссис Коттрелл и спрашивает:

- Вы имеете в виду мужчин, которые любят сумасшедших женщин?

- Да нет, я немного о другом, - отвечает та. - Будучи шестнадцатилетним юношей, наш Эван пришел к нам с мужем и заявил:

"Мама, папа, я хочу стать девушкой". С нами чуть не приключился инфаркт. Но мы согласились заплатить за операцию. Эван сказал, что мечтает стать всемирно известной топ-моделью. Он начал называть себя "Эви", а на следующий день я аннулировала подписку на "Вог". У меня было чувство, что это "Вог" принес моей семье столь страшную беду. Бренди говорит:

- Примите наши поздравления.

Бренди дергает меня за рукав и многозначительно косится на дверь.

А Эллис спрашивает:

- Значит, Эви когда-то была мужчиной?

Эви была мужчиной. У меня подкашиваются ноги. Эви была мужчиной. А ведь я видела шрамы вокруг ее груди. Эви была мужчиной. А мы не раз переодевались в одной примерочной.

Покажи мне абсолютно новое видение моей взрослой жизни.

Вспышка.

Покажи мне хоть что-нибудь в этом треклятом мире, что выглядит таким, какое оно есть в реальности!

Вспышка!

Мать Эви пристально смотрит на Бренди:

- Вы когда-нибудь работали моделью? Вы очень похожи на одну подругу моего сына.

- Вашей дочери, - рычит Бренди.

Я ощупываю приглашение, которое стащила. И читаю, что в нем написано, вглядываясь в гравировку сквозь свои вуали. Бракосочетание мисс Эвелин Коттрелл и мистера Аллена Скиннера назначено на завтра. На одиннадцать утра. Прием гостей и свадебное торжество состоятся в доме невесты.

Здесь же состоится грандиозный пожар.

И убийство.

Форма одежды - официальная.

Глава двадцать восьмая

Платье, в котором я намереваюсь заявиться на свадьбу Эви, - нечто похожее на Туринскую Плащаницу. Оно коричнево-белое, с драпировкой. Длинный ряд блестящих красных пуговиц выглядит подобно стигматам на теле святого. На моих руках - длиннющие черные перчатки, а на ногах - туфли на непомерно высоких каблуках. Если в таких упадешь, определенно разобьешь себе нос. Вокруг моей головы - несколько ярдов черной органзовой вуали Бренди с блестящими звездочками. Открыты лишь мои глаза. А похожие на вишни в вишневом пироге шрамы на том месте, где когда-то была моя челюсть, никто не увидит.

Я выгляжу гнетуще и зловеще. Но ощущаю, будто что-то вышло из-под контроля.

Ненавидеть Эви - это сейчас не так просто, как было раньше. Теперь у меня почти нет причин питать к ней ненависть. Я отдалилась от этих причин. В настоящий момент я твердо знаю, что чашечка кофе и капсула декседрина помогают наплевать на что бы то ни было.

На Бренди белый костюм - подделка под Боба Маки. И шляпа, ведь, несмотря ни на что, мы идем на свадьбу. Туфли на ее ногах сделаны из кожи какого-то животного. А еще на ней все необходимые безделушки, называемые аксессуарами. Драгоценные камни, выкопанные из недр земли и отполированные до такого состояния, что отражают свет. Они вставлены в сплав золота с медью, по которому колотили молотками, придавая форму. На все это потрачено столько труда. Я имею в виду, на создание Бренди Александр.

На Эллисе костюм с двубортным пиджаком с разрезом сзади, черного-черного цвета. Он выглядит так, каким ты представляешь себя в гробу, если ты, конечно, парень. Но меня это уже не волнует.

У Эллиса вид человека, способного соблазнить представителя любой категории людей и гордящегося этим. Ему льстит не только сознание того, что недавно он удовлетворил мистера Паркера, но и воспоминания о связи с Эви. Наверное, в его голове уже крутятся мысли о попытке вернуться на свой пост в Вашингтон-парк.

Итак, я беру приглашение с гравировкой по золоту, которое украла, Бренди и Эллис запасаются перкоданом, и мы направляемся на свадьбу Эви.

Перенесемся в одиннадцать часов утра в баронский особняк в Вест-

Хиллз - дом чокнутой Эви Коттрелл. Счастливицы Эви, не расстающейся с винтовкой, только что превратившейся в миссис Эвелин Коттрелл Скиннер. Можно подумать, в данный момент меня все это сильно волнует.

И, о, как все великолепно и блистательно! Эви, она запросто могла бы сыграть роль свадебного торта в своем многоярусном, усыпанном цветами платье с юбкой на обручах. Ее талия сильно утянута, здоровый техасский бюст высоко поднят жестким лифом. На Эви столько же украшений, сколько в торговом пассаже на Рождество.

Большая часть шелковых цветов пришита к правой части ее платья в районе талии. Такие же цветы над ушами в блондинистых, уложенных в замысловатую прическу, залитых лаком волосах. К ним прикреплена воздушная белая ткань, которая сейчас убрана назад и покрывает голову Эви.

В юбке с обручами, с высоко поднятыми техасскими сиськами-грейпфрутами невеста расхаживает перед гостями и командует своим праздничным парадом.

Наполненная шампанским с перкоданом, Бренди смотрит на меня.

А я забавляюсь, представляя, что когда-то Эви была мужчиной. Такая же ширококостная блондинка, она отличалась тогда от себя нынешней тем, что между ног у нее болталась уродливая морщинистая мошонка. Вы понимаете, о чем я.

Эллис старается избежать встречи с Эви. Он занят тем, что пытается выяснить, не станет ли ее муж его очередной победой. Эллис, он до сих пор живет тем, что со спортивным интересом стремится после долгой борьбы завоевать внимание нового мужчины.

Каждый из присутствующих здесь считает, что эта история именно о нем. То же самое можно сказать о любом другом человеке планеты.

Ситуация выходит далеко за рамки обычного "Прости меня, мама. Прости меня, Господи". В данную минуту я не желаю просить прощения ни у кого.

Я ни о чем не сожалею.

И ни о ком.

Нет, на самом деле, все, кто тут собрался, просто жаждут быть кремированными.

Перенесемся наверх. В спальню.

Приданое Эви выложено. Осталось только упаковать его. На сей раз у меня есть собственные спички. Я поджигаю край гравированного приглашения, касаюсь им кровати с приданым, прохожу к занавескам.

Этот момент, он просто головокружителен. Пламя перехватывает

контроль над ситуацией в свои огненные руки, и ты уже ни за что не в ответе.

Я беру большую бутылку "Шанель № 5" в ванной Эви, а еще флакон "Джой" и "Белых плеч" и разбрызгиваю эти благоухающие цветочными ароматами жидкости по спальне.

Огонь, этот свадебный ад Эви, тут же набрасывается на все, что полито духами, и заставляет меня выскочить в холл. Вот что мне нравится в пламени - его способность поглотить меня и любого другого человека и убить. Пламя не может этого знать, но я являюсь его матерью. Огонь ужасно красив и обладает невероятной мощью и властью, и я люблю в нем все это, как ничто другое ни в ком другом.

Ты не в состоянии его остановить. Управлять им. С каждой секундой он охватывает все больше и больше вещей Эви.

Теперь моя задумка осуществляется сама собой. Помощи не требуется.

Я спустилась вниз. Грациозной и медленной поступью профессиональной манекенщицы. Невидимая девушка-модель.

Наконец- то все происходит так, как хочу я. Даже лучше. И никто ничего пока не заметил.

Наш мир стремительно мчится вперед, в будущее. Цветы и фаршированные грибы, гости на свадьбе и квартет музыкантов-струнников - все мы движемся туда, к планете Бренди Александр.

Принцесса в холле и до сих пор думает, что удерживает происходящее под личным контролем.

О, это глупое ощущение жесткого контроля над всем и вся!

Перенесемся в тот день, когда мы с вами будем мертвыми, и все, что кажется нам важным сейчас, утратит всякий смысл. Перенесемся в то время, когда на месте этого особняка будет стоять другой дом. Его жильцы не будут знать о нас абсолютно ничего.

- Куда ты исчезала? - спрашивает Бренди.

В ближайшее будущее, хочу ответить я.

Глава двадцать девятая

Перенесемся ко мне и Бренди. Мы не можем найти Эллиса. А Эви и остальные Коттреллы из Техаса, они потеряли своего жениха. Все смеются нервным прерывистым смехом. Всем хочется знать, которая из подружек невесты сбежала с Алленом. Ха-ха.

Я дергаю Бренди за рукав, но она на меня шикает. Эллис и жених исчезли... Сотня техасцев напиваются... На нелепой невесте огромное свадебное платье... Для Бренди все это чересчур увлекательно, и уйти сейчас она просто не в состоянии.

Перенесемся к Эви, командующей своим праздничным парадом.

Она выскакивает из кладовки дворцового. Ее руки сжаты в кулаки. Фата и волосы летят за Эви, извиваясь в бешеном танце.

Эви орет, что не понимает, как ее угораздило отыскать себе такого женишка. Она застала его трахающимся с всеобщим бывшим дружкой.

О, Эллис.

Я прекрасно помню все эти порножурналы с красочными картинками. На них в деталях изображены элементы орального, анального секса, римминга, фистинга, фельчинга. Я знаю, что парни, пытающиеся сосать собственный член, иногда заканчивают больничной койкой.

О, как все великолепно и блистательно!

Естественно, Эви тут же приподнимает свою юбку с кольцами и устремляется в спальню за винтовкой. А спальня, политая "Шанелью № 5", почти полностью объята пламенем. Парад Эви ступает в огонь.

Люди достают сотовые и начинают набирать 911. Никто не решается войти в кладовку и взглянуть на разворачивающееся там шоу собственными глазами. О подобных вещах народ не желает знать.

Странно, но техасцы меньше напуганы пожирающим дом огнем, чем анальным сексом.

Я вспоминаю своих предков.

Скат и секс с уриной.

Садизм и мазохизм.

Ожидая, что Эви сгорит заживо, гости берут по стакану прохладительного напитка и выстраиваются в несколько неровных шеренг у подножия лестницы. Из кладовки раздается звук громких шлепков. Шлепков особенных, когда перед нанесением удара на ладонь плюют.

Бренди, не относящаяся ни к одной из социальных и сексуальных

групп, Бренди раздражается смехом.

- Чувствую, впереди нас ждет нечто еще более занимательное, - говорит она мне, кривя свои графитовые губы. - В последний стакан с выпивкой Эллиса я добавила горстку очищающего желудок билакса.

О, Эллис.

В этой суете Бренди могла бы запросто смыться отсюда, если бы не начала смеяться.

Но теперь уже слишком поздно. Из огненной стены выскакивает Эви.

От ее свадебного платья остались лишь металлические обручи. На ушах провололочные скелетики от цветов, а в руках винтовка.

Она медленно приближается к лестнице и начинает грациозно спускаться вниз, направляя дуло винтовки прямо на Бренди Александр.

Все смотрят на Эви, на которой нет ничего, кроме обручей, пепла, пота и сажи, на Эви, обладательницу напоминающей по форме песочные часы фигуры, переделанной из мужской в женскую.

Эви выкрикивает:

- Ты!

Поверх ствола винтовки она смотрит на Бренди Александр и орет:

- Это опять сделала ты! Устроила еще один пожар! Шаг вниз, пауза, следующий шаг.

- При такой внешности, как твоя, человеку нет нужды о чем-либо заботиться! - шипит Эви. - Но тебе недостаточно того, что ты лучше всех и самая красивая! Ты жаждешь уничтожить все вокруг.

Огонь со второго этажа подкрадывается к обоям на стенах холла. Гости суетно собирают свои сумки, зонты и пиджаки и устремляются к выходу, прихватив сувениры - серебро и хрусталь.

Из кладовки раздаются звуки шлепков.

Эви ревет:

- Эй, вы, там! Уймись! - Она вновь переводит взгляд на Бренди. - Пусть я проведу несколько лет в тюрьме, но сейчас собственноручно отправлю тебя в ад.

Слышится щелчок взводимого курка. Огонь ползет вниз по стенам холла.

- О боже! Да, да! Господи, как мне хорошо! - вопит Эллис. - Я кончаю!

Бренди перестает смеяться. Она, величественная и недоумевающая, выглядит крупнее и красивее, чем обычно. По выражению ее лица видно, что все происходящее кажется ей шуткой. Она поднимает свою крупную руку и смотрит на часы.

Еще немного, и я стану по-настоящему единственным ребенком в

семье.

В данное мгновение я могла бы все изменить. Скинуть с себя вуаль, рассказать всем правду и спасти чужие жизни. Я это я. Бренди ни в чем не виновата. Судьба дает мне второй шанс. Несколько лет назад у меня уже была возможность открыть окно и впустить Шейна в дом.

Но мне что-то мешает. Вернее, я точно знаю что. Обида на Шейна за то, что он сжег мою одежду. И что впоследствии превратился в центр внимания наших родителей.

Если я сейчас сниму с себя вуаль, все увидят, что я - монстр, изуродованная жертва. Я стану для всех только тем, как я выгляжу.

Откроется правда, голая правда. А честность - самое скучное на планете Бренди Александр.

Эви прицеливается.

- Да! - кричит в кладовке Эллис. - Давай же, сделай это, мой мальчик!

Эви прищуривает глаза.

- Кончи мне в рот! - стонет Эллис. Бренди улыбается.

Я ничего не предпринимаю.

Эви стреляет и попадает Бренди в самое сердце.

Глава тридцатая

- Моя жизнь, - говорит Бренди. - Я умираю и должна увидеть всю свою жизнь.

Никто здесь не умирает.

Покажи мне опровержение.

Эви выстрелила, бросила винтовку и выскочила на улицу.

Полиция и "скорая" в пути. Гости, приглашенные на свадьбу Эви, во дворе. Скандалят из-за подарков, доказывая друг другу, что то или иное принесли именно они и теперь имеют право забрать это назад.

Вся эта неразбериха - просто уморительна.

Бренди Александр вся в крови.

Она произносит:

- Я хочу увидеть свою жизнь.

До нас доносится приглушенный голос Эллиса:

- Можешь ничего не говорить. Перенесемся ко мне.

Я поднимаюсь на ноги. Моя рука в теплой красной крови Бренди. Я пишу на горящих обоях: Тебя Зовут Шейн Макфарленд. Ты Родился Двадцать Четыре Года Назад. У Тебя Есть Младшая Сестра.

Огонь уже поедает мою верхнюю строчку.

Специальный Сотрудник Детективного Департамента Заразил Тебя Гонореей, И Родители Потребовали, Чтобы Ты Убрался Из Дома.

Ты Познакомился С Тремя Трансвеститами, Которые Решили Оплачивать Твои Операции По Изменению Пола. Превратиться В Девушку Ты Желаете Меньше Всего На Свете.

Огонь сжигает мою вторую строчку.

Ты Повстречал Меня.

А Я Твоя Сестра. Шаннон Макфарленд.

Я пишу кровью правду, и спустя считанные мгновения ее поглощает пламя.

Ты Любил Меня, Потому Что, Даже Если Ты Меня И Не Узнал, Все Равно Чувствовал: Я Твоя Сестра. На Подсознательном Уровне Ты Понимал Это С Того самого Мгновения, Когда Мы Только Встретились В Больнице.

Мы объездили весь Запад и повторно выросли и повзрослели вместе.

Я ненавидела тебя всю свою жизнь.

И Ты Не Умрешь Сейчас.

Я могла тебя спасти.

И ты сейчас не умрешь.

Огонь уничтожил всю мою писанину.

Перенесемся к Бренди, истекающей кровью.

Я макаю в эту кровь палец, чтобы писать ею.

Бренди слегка прищуривается и строчку за строчкой читает съедаемую огнем правдивую историю нашей семьи.

И Ты Не Умрешь Сейчас, написано почти на полу, прямо на уровне глаз Бренди.

- Дорогая! Шаннон, милая, - говорит она. - Я знала все, что ты пишешь. Благодаря мисс Эви. Это Эви

сообщила мне, что ты в больнице. Что с тобой произошло несчастье.

Я - неудавшаяся модель рук, думаю я. И тупица.

- А теперь, - произносит Бренди, - расскажи мне все по порядку.

Я пишу:

В Течение Последних Восьми Месяцев Я Пичкаю Эллиса Айленда Мужскими Гормонами. Бренди тихо смеется:

- Я тоже!

Это и в самом деле ужасно смешно.

- Ну же, - говорит Бренди, - быстрее расскажи мне все остальное. Пока я не умерла.

Я пишу:

После Взрыва Лака Для Волос Все Любили Только Тебя Одного. Я пишу:

А Ведь Это Не Я Выбросила Его В Мусорное Ведро. Бренди говорит:

- Я знаю. Это сделала я. Быть нормальным, ничем не отличающимся от остальных ребенком представлялось мне ужасно скучным. Я нуждалась в каком-то спасении. Я мечтала о чем-то, противоположном сказке.

До нас доносится голос Эллиса:

- Все, что бы ты ни сказал, на суде может быть использовано против тебя.

Я пишу на плитке: Я Сама Выстрелила Себе В Лицо. Места больше нет. Больше нет и крови. В общем-то и писать уже нечего. Бренди спрашивает:

- Ты сама выстрелила себе в лицо? Я киваю.

- Вот этого, - говорит Бренди, - вот этого я не знала.

Глава тридцать первая

Перенесемся в тот неповторимый момент, когда полуживая Бренди лежит на полу.

А я склоняюсь над ней. Мои руки перепачканы ее королевской кровью.

Бренди кричит:

- Эви!

В проеме парадной двери появляется обгоревшая голова Эви.

- Бренди, дорогуша, - говорит Эви. - Это самая злая из когда-либо сыгранных тобой шуток.

Эви подбегает ко мне и целует меня своими губами, накрашенными отратительной увлажняющей помадой. Она восклицает:

- Шаннон, не знаю, как благодарить тебя за то, что внесла столько живости и новизны в мою чертовски скучную домашнюю жизнь.

- Мисс Эви, - говорит Бренди, - разыгрывай кого угодно, но несколько минут назад в меня выстрелила именно ты.

Перенесемся к правде. Я круглая дуручка.

Перенесемся к правде. Я выстрелила в себя. Я заставляла Эви думать, что это сделал Манус, а Мануса - что это сделала Эви. Возможно, именно по этой причине они и расстались.

Именно по этой причине Эви постоянно держала при себе заряженную винтовку, а Манус пришел в ее дом со здоровенным ножом, пришел, чтобы разобраться с ней.

Правда заключается в том, что наиболее тупой и наиболее опасной во всей этой истории являюсь я.

Правда в том, что в день своей огромной трагедии я уехала за пределы города. Окно у сиденья водителя в моей машине было наполовину открытым. Я вышла на улицу и выстрелила в него. По пути обратно в город на автостраде я свернула на узкую дорогу, ведущую к Гроуден-авеню. Ведущую к "Мемориальной больнице Ла-Палома".

Правда заключается в том, что я обожала быть красивой и не знала, как отделаться от своей страсти.

Я, конечно, могла остричься наголо, но волосы опять выросли бы. И потом, даже лысая, я все равно выглядела бы слишком хорошо. Не исключено, что в таком виде я привлекала бы к себе еще больше внимания.

Я могла попытаться растолстеть или удариться в беспробудное пьянство, чтобы уничтожить свою красоту, но мне хотелось не этого.

Я жаждала стать поистине уродливой и при этом сохранить нормальным общее состояние своего здоровья.

Морщины и старение казались мне настолько отдаленной перспективой, что о них я даже не задумывалась всерьез.

Я мечтала изобрести какой-нибудь способ мгновенного превращения в уродину, мне было необходимо отделаться от красоты окончательно и бесповоротно. В противном случае я постоянно подумывала бы о ее возвращении.

Вы ведь знаете, как люди смотрят, к примеру, на девушек-горбуний.

Им можно только позавидовать, думала я. Никто не тащит их каждый вечер из дома, не давая возможности заниматься учебой. На них не орут фотографы модных агентств, если что-то не так.

Я смотрела на людей с безобразными ожогами на лицах и с завистью думала, что им не приходится тратить кучу времени на рассматривание своего отражения в зеркале.

Я хотела, чтобы мое уродство было очевидным для каждого из окружающих меня людей. Я грезилась о такой свободе, которой довольствуется, мчась по дороге на машине с открытыми окнами, хромая, бесформенная, дефектная с самого рождения девушка. Ведь ей все равно, как выглядит ее прическа, в порядке ли ее макияж.

Я чувствовала себя смертельно уставшей оттого, что только из-за своей внешности пребываю на низшей ступени развития жизни. Оттого, что не имею ничего настоящего, что дополняло бы мою красоту.

Я нуждалась во внимании и восхищении и ненавидела себя за это. Я ощущала, что живу в гетто внешнего блеска. В путях стереотипов.

В этом смысле, Шейн, мы с тобой - настоящие брат и сестра. Я, как и ты, совершила наибольшую глупость, какую только могла совершить. Я искала в ней спасение. Мне хотелось избавиться от убежденности, что я в состоянии управлять миром. Влиять на него.

Я была уверена, что мне поможет только хаос. Я должна была проверить себя, увидеть, смогу ли я заново встать на ноги, выживу ли.

Поэтому и уничтожила зону своего комфорта.

В тот день, свернув на узкую дорогу, я сбавила скорость. Я помню, о чем в те моменты думала, что испытывала. Я пребывала в приподнятом настроении, я была взволнована и чувствовала, что грядет что-то невообразимо интересное.

Я намеревалась коренным образом себя изменить. И начать свою жизнь заново. В этой новой жизни для меня открывалась масса возможностей. Я могла стать хирургом. Или художником. Никому не было

бы дела до того, как я выгляжу. Люди смотрели бы на созданное мной, на то, что я делаю, а не на саму меня. И дарили бы мне любовь.

Моей последней мыслью было: наконец-то! Скоро я начну развиваться, расти, бороться и эволюционировать.

Меня охватило небывалое нетерпение. Я надела перчатки, достала из бардачка пистолет и, вытянув руку в окно с разбитым стеклом, положила палец на курок.

Пуля вошла в меня с расстояния, которое не составляло и двух футов. Я запросто могла лишиться себя тогда жизни, но это не представлялось мне большой трагедией.

По сравнению с тем, как изменила себя я, пирсинг и татуировки кажутся безумно незначительными. Они - лишь дань моде. Нанося на кожу тату, люди становятся лишь более привлекательными. Мне требовалось противоположное.

В момент выстрела, в то мгновение, когда в меня вошла пуля, я почувствовала себя так, будто мне просто заехали в челюсть. Прошло, наверное, около минуты, прежде чем чернота перед моими глазами не рассеялась. Я увидела собственные кровь и слюну и рассыпавшиеся по пассажирскому сиденью зубы.

Мне пришлось выйти из машины, чтобы поднять пистолет - он выпал у меня из руки. Я пребывала в состоянии шока, это помогло.

Пистолет и перчатки, наверное, до сих пор лежат в водосточной канаве у больничной парковочной площадки, куда я их бросила. Если вам требуются доказательства, ищите их именно там.

Что было потом, вы знаете.

Морфий внутривенно, разрезание моего чудесного платья маленькими операционными ножницами, похожими на маникюрные, фотографии, сделанные полицией.

Птицы склевали мое лицо.

Никто даже не заподозрил того, что произошло на самом деле.

А на самом деле после случившегося меня охватила легкая паника. Я начала лгать всем, кто меня окружал.

Ложь - не лучший фундамент для строительства нового будущего.

Я сбежала, потому что соблазн восстановить челюсть с каждым днем все возрастал. Поддаться ему означало возврат к прошлому, к опостылевшей мне игре, игре в "красивую внешность".

Сейчас мое новое будущее все еще ждет меня.

А правда заключается в том, что выглядеть уродливой не настолько классно, как это может показаться. Но я чувствую, что в состоянии извлечь

из своего уродства нечто более замечательное, чем думала.
Правда заключается в том, что я о многом сожалею.

Глава тридцать вторая

Перенесемся назад, в кабинет оказания неотложной помощи больницы Ла-Палома. Костюм Бренди разрезают маленькими операционными ножницами, похожими на маникюрные. Взглядам всех присутствующих представляется несчастный, холодный, отливающий синим пенис моего брата.

Полиция фотографирует его, а сестра Кэтрин визжит: - Быстрее делайте свои снимки! Человек все еще теряет кровь!

Перенесемся к хирургии. Перенесемся к тому моменту, когда операция позади.

Перенесемся ко мне, отводящей сестру Кэтрин в сторону. Бедная маленькая сестра Кэтрин, она обнимает меня за колени так крепко, что мне кажется, я сейчас согнусь и упаду на пол. Она смотрит на нас обоих. Я письменно прошу ее:

пожалуйста.

сделайте мне это одолжение, пожалуйста, если вам понастоящему хочется, чтобы я была счастливой.

Перенесемся к Эви, стоящей, подобно участнице ток-шоу, под теплым светом прожекторов в магазине "У Брумбаха" в центре города и рассказывающей матери и Манусу и своему новоиспеченному мужу о том, как она познакомилась с Бренди. Это произошло за несколько лет до того, как с ней познакомилась мы, на сеансе моральной поддержки группы людей, изменивших пол. А еще она болтает о том, что время от времени каждый из нас нуждается в огромном несчастье.

Перенесемся на несколько дней вперед, в тот момент, когда у Мануса появился бюст.

Перенесемся ко мне.

Я сижу на коленях перед больничной койкой своего брата. Кожа Шейна, она настолько бледная, что трудно сразу определить, где заканчивается бело-голубая больничная рубашка, где начинается Шейн.

Это мой брат, худой и истощенный с тонкими руками и голубиной грудью Шейна. С прямыми темно-рыжими волосами, закрывающими лоб. Человек, с которым мы вместе росли. Шейн, которого я почти не помню. Тот Шейн, каким он был до взрыва баллончика с лаком для волос. Не знаю, почему я об этом забыла, но Шейн всегда выглядел ужасно несчастным.

Перенесемся к нашим предкам, которые вечером просматривают

любительские семейные пленки, проецируя изображение на белую стену дома. Прошло двадцать лет. Но окно нашего коттеджа в фильме идеально совпадает с настоящим окном. А зеленая трава внизу - с живой травой. Духи меня и Шейна, еще совсем маленьких, носятся туда и сюда и довольно смеются.

Перенесемся к сестрам Рей, толпящимся у больничной койки. Поверх их париков натянуты сеточки для волос. На лицах хирургические маски. На всех трех мешковатые щетинистые костюмы зеленого цвета. На лацкане у каждой красуются драгоценные броши виндзорской герцогини. Бриллиантово-топазовые леопарды. Колибри с изумрудными туловищами.

Я, мне хочется одного - чтобы Шейн был счастлив. Я устала быть собой - собой, пропитанной ненавистью.

Покажи мне избавление.

Я устала от этого мира, где наиболее важна внешняя сторона чего бы то ни было. От свиней, которые только выглядят жирными. От семей, кажущихся счастливыми и благополучными.

Покажи мне освобождение.

Я устала от того, что только на первый взгляд видится щедростью. Или любовью.

Вспышка.

Я больше не желаю быть собой. Я хочу узнать, что такое истинное счастье. А еще хочу, чтобы ко мне вернулась Бренди Александр.

Я зашла в свой первый в жизни настоящий тупик. Мне некуда идти. Некуда идти такой, какая я сейчас. Я стою на пороге своего нового начала.

Шейн спит, а сестры Рей топчутся у его кровати, раскладывая на подушке подарочки. Они скупают по Шейну с его ароматом "Лер дю Там" и смотрят на него как на бостонский папоротник.

У его головы лежат новые серьги. И новый шарф Гермеса.

Косметика разложена ровными рядами на хирургическом подносе, подвешенном над кроватью.

Софонда говорит:

- Увлажняющий крем!

Она вытягивает вперед руку ладонью вверх.

- Увлажняющий крем, - повторяет Китти Литтер, кладя тюбик в ладонь

Софонды.

Софонда вытягивает другую руку.

- Маскирующий карандаш!

Вивьен кладет ей в ладонь маскирующий карандаш и говорит:

- Маскирующий карандаш.

Шейн, я знаю, ты меня не услышишь, ну и что. Я все равно не могу разговаривать.

Мягкими осторожными движениями Софонда маскирует темные круги под глазами моего брата. Вивьен прикалывает булавку с бриллиантами к отвороту его больничной рубашки.

Твою жизнь спасла мисс Рона, Шейн. Книга в твоём внутреннем кармане, это она настолько снизила скорость пули, что той удалось всего лишь повредить твою искусственную грудь.

Ее пришлось удалить, Шейн. Теперь ты можешь сделать себе новую, любого размера.

Так сказали сестры Рей.

- Крем под пудру! - требует Софонда.

И намазывает лицо Шейна поданным ей кремом.

- Карандаш для бровей! - восклицает Софонда несколько мгновений спустя.

На ее лбу проступают капельки пота. Китти протягивает карандаш, объявляя:

- Карандаш для бровей!

- Промокните меня, - просит Софонда. Вивьен промокает ее лоб спонжем. Софонда произносит:

- Подводку для глаз!

Я должна идти, Шейн. А ты все еще спишь. Но прежде мне хочется кое-что тебе дать. Мне хочется дать тебе жизнь.

Это мой третий шанс. И я не желаю его упускать. Я могла открыть окно своей спальни. Я могла сказать Эви, чтобы не стреляла в тебя.

Правда заключается в том, что я не сделала ни того, ни другого. Поэтому и отдаю тебе свою жизнь. Мне она больше не нужна.

Я приподнимаю руку Шейна, украшенную перстнями и кольцами, и кладу под нее свою сумку. Переделать мужские руки в женские - это, пожалуй, единственная задача, с которой не в состоянии справиться пластические хирурги. Поэтому по рукам всегда можно угадать, кем являются подобные Бренди Александр девушки. Ведь руки не спрячешь.

В сумке все документы, удостоверяющие мою личность: свидетельство о рождении, водительские права и все остальное. С настоящего момента можешь быть Шаннон Макфарленд, Шейн. Если хочешь, продолжай работать за меня в модельном бизнесе. Или учиться в колледже. Все, что имела я, теперь твое. Надеюсь, тебе этого будет достаточно. В любом случае ничего другого у меня нет.

- Основной цвет! - говорит Софонда, и Вивьен подает ей самый

светлый оттенок баклажанных теней для век.

- Следующий! - восклицает Софонда, и Китти протягивает другую коробочку.

- Контурный тон! - требует Софонда, и Китти дает ей самые темные тени.

Шейн, ты вернешься вместо меня к работе модели. Попроси Софонду, чтобы заключила для тебя контракт на самую что ни на есть приличную сумму.

Теперь ведь, черт возьми, ты Шаннон Макфарленд. Ты должен добиться невероятного успеха. Через год я

хочу видеть тебя на экране телевизора. Попивающей диетическую колу и танцующей медленный сексуальный танец.

Будь знаменитой. Будь колоссальным социальным экспериментом - добейся того, чего не желаешь. Найди ценное в бесполезном. Рассмотрю добро в том, что весь мир называет злом. Я отдаю тебе свою жизнь, потому что хочу, чтобы о тебе узнали все. И надеюсь, что скоро люди раскроют объятия тому, что ненавидели.

Отыщи место, которого страшишься больше всего на свете, и поселись в нем.

- Щипчики для завивки ресниц! - говорит Софонда.

И завивает ресницы спящего Шейна.

- Тушь! - просит она.

И красит глаза моего брата тушью.

- Какая прелесть! - восклицает Китти.

- Я еще не закончила, - произносит Софонда.

Шейн, я отдаю тебе свою жизнь, свои водительские права, свои старые табели успеваемости, потому что ты выглядишь точно так, как когда-то выглядела я, даже делается страшно. А еще потому, что я устала ненавидеть, безумно нравиться самой себе и жить рассказами, которые никогда не были правдой. Я устала быть мной, в первую очередь мной.

Зеркало, зеркало на стене.

И, пожалуйста, не разыскивай меня. Будь новым центром внимания. Добивайся успеха, наслаждайся красотой и любовью, пусть жизнь подарит тебе все то, о чем мечтала я. Для меня эти мечты - пройденный этап. Сейчас я хочу единственного - остаться невидимой.

Возможно, продолжая носить вуали, я стану танцовщицей живота. Или монашкой и устроюсь работать в колонию для прокаженных. Там все неполноценные. Или научусь быть вратарем хоккейной команды - они постоянно в защитной маске. А может, буду разгуливать по огромному

парку развлечений в костюме какого-нибудь мультперсонажа. Для этой работы женщин нанимают гораздо более охотно - родители не любят, когда их малышей обнимают грубые здоровяки. Наверное, это даже интересно - стать огромной мультяшной мышкой. Или собакой. Или утенком.

Пока я еще не решила, чем конкретно буду заниматься, но знаю, что скоро решу. Пути избежать того, что предначертано тебе судьбой, не существует. Все произойдет именно так, как должно произойти. С каждым днем, с каждой ночью будущее неумолимо надвигается на нас, превращаясь в настоящее.

Я глажу бледную руку Шейна.

Я отдаю тебе свою жизнь, Шейн, из желания доказать самой себе, что я способна, по-настоящему способна кого-то любить. Что даже когда мне не платят за это, я могу проявлять любовь и щедрость и чувствовать себя при этом счастливой.

Пусть мне придется продолжать есть детские смеси и не разговаривать и быть бездомной и невидимой, зато теперь я знаю, что кого-то люблю. Истинной, беззаветной, вечной, не требующей ничего взамен любовью.

Я наклоняюсь, словно желая поцеловать лицо своего брата.

Я оставляю сумку и все, что говорит о том, кто я такая, под рукой Шейна. А вместе с этим и историю красоты, какой когда-то была наделена. Красоты, из-за которой, заходя в жаркий день в прохладу ресторанов в полупрозрачном платье, я привлекала к себе внимание всех присутствовавших. Красоты, из-за которой миллионы репортеров мечтали меня сфотографировать. Я оставляю вместе с ней и идею о том, что она стоит всего того, что я ради нее делала.

Что мне нужно, так это новая история.

Настолько же новая, как та, какую придумали для Шейна сестры Рей.

Как та, какую изобрела для меня Бренди Александр.

Она все еще продолжается, эта история.

Но я хочу создать что-то свое.

Пусть мой брат станет Шаннон Макфарленд.

Я больше не нуждаюсь во всеобщем внимании. Больше не нуждаюсь.

- Контурный карандаш для губ! - говорит Софонда.

- Блеск! - просит она. И замечает:

- Помада немного размазалась.

Вивьен склоняется над Шейном и аккуратно стирает салфеткой с его подбородка графитовый росчерк.

Сестра Кэтрин приносит мне то, что я попросила. Глянцевые фотографии восемь на десять, на которых я с закрытым белой простыней

телом.

Фотографии как фотографии, ни плохие, ни хорошие, ни красивые, ни уродливые. На них я такая, как есть. Истинная я. Без прикрас.

Я снимаю вуали - муслин и кружево и кладу их к ногам Шейна.

Сейчас они мне не нужны. И не понадобятся - ни в ближайшем будущем, ни в отдаленном.

Никогда.

Софонда заканчивает процедуру нанесения макияжа, пудря лицо Шейна. И моего брата, худого, бледного и несчастного, больше нет.

Сестры Рей медленно снимают с лиц хирургические маски.

- Бренди Александр, - говорит Китти, - настоящая королева.

- Супердевочка, - произносит Вивьен.

- Навсегда! - восклицает Софонда. - А этого достаточно.

Беззаветно и безоглядно, безнадежно и бесповоротно я люблю Бренди Александр. А этого достаточно.